

МЕЛИТОН КАЗИТЫ

ГАРМОНИЯ И ДРАМАТИЗМ ЖИЗНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ КАМАЛА ХОДОВА

ВВЕДЕНИЕ

Этапы развития осетинской литературы прослеживаются с самого ее зарождения – с XIX века.¹ Иногда процесс был подчинен требованиям времени, характеру общественно-политического строя как, например, в 30-е годы XX века. «В основном поэзия 30-х годов имела агитационный характер, потому была риторической... Основной задачей поэтов было воспеть работу заводов и колхозов, трудовые подвиги отдельных тружеников и обличить недостатки других. Подобно тому, как в тени густой кроны дерева увядает цветок, так лирика увядала под тенью публицистики»,² – отмечает известный осетинский поэт и литературовед Шамиль Джикаев.

Но осетинская литература была основана на реализме. Этот принцип она унаследовала от Темирболата Мамсурова, Коста Хетагурова, Сека Гадиева, Елбасдуко Бритаева, Арсена Коцоева и др.

Октябрьская революция перевернула жизнь народа, всей страны. Наступил новый этап развития осетинской литературы – на прочной и правдивой основе. И только бури 1937 года пошатнули эти устои. Те, кем по праву гордился народ, оказались с клеймом врагов народа. Сила одолевала силу. В противоборство вступили два вечных врага – тьма и свет. Побеждать стала тьма. Потому, наверное, среди «сухих» трудовых песен того времени (40 – 50 годы), выражаясь высоким стилем, чистый голос поэта Александра Царукаева можно было назвать революционным явлением. Его лира зазвучала в унисон со звонкой лирой поэтов Великой Отечественной войны (Хазби Калоева, Грися Плиева, Гафеза и др.), и вместе они составили чудесный оркестр.³ Для осетинских писателей девизом стали слова В. Г. Белинского: «Книга есть жизнь нашего времени. В ней нуждаются – и старые, и молодые, и деловые, и ничего не делающие; дети – также».⁴ Потому каждый из них стал летописцем своей эпохи. Писатели старшего поколения с честью выполнили эту почетную миссию. Их имена с благодарностью помнит народ.

Но репрессии закончились, люди постепенно стали освобождаться от страха быть причисленным к врагам народа, и их души теперь нуждались в оптимистической, светлой и высокой поэзии. Потому каждый этап нашей, осетинской, литературы имел и имеет свою плеяду писателей.

В 60-ые годы в осетинскую поэзию уверенно вошло новое поколение поэтов. «Их было много, но среди них подобно четверым мушкетерам Дюма особенной творческой сплоченностью и мужской дружбой выделялись Ахсар Кодзати, Васо Малиев, Шамиль Джикаев и Камал Ходов. Своими первыми шагами они стали надеждой для лучших представителей осетинских писателей старшего поколения – Гриша Плиева, Гафеза, Георгия Дзугаева, Александра Царукаева, Дабе Мамсурова, Тотырбека Джатиева и др. И

¹ Джусойты Нафи. История осетинской литературы. Книга первая. – Тб., 1980.

² Джыккайт Шамил. Ирон литературæйы истори. – Дзæуджыхъæу, 2002. – С. 223.

³ Джусойты Нафи. Ирон аив дзырды сæрвæлтау. – Цхинвал, 1966. – С. 13.

⁴ Белинский В. Г. Полн. соб. соч. Т. 4. – М., 1954. – С. 85.

надежды эти оправдались, все они стали опорой осетинской литературы»,¹ – пишет известный писатель и литературовед Нафи Джусойты. Молодых авторов было немало, но Нафи не зря выделил этих четырех. Опытный глаз маститого критика безошибочно разглядел их дарование, их самобытность. «И пошли они, солнцем палимы».² У них были хорошие предшественники, и это подвигало каждого из них обрести свою поступь, свой голос.

Талант, данный Богом, от людей не скроешь. Творчество четырех молодых поэтов очень скоро полюбили осетинскому читателю. У каждого из них свой стиль, свое сокровенное, каждому есть, что сказать людям. Но в этой книге мы будем рассказывать о творчестве Камала Ходова.

Справедливо может возникнуть вопрос о том, стоит ли делать выводы о работе писателя, который еще находится в расцвете своих творческих сил? Сам К. Ходов на просьбу оценить, насколько ему удалось раскрыть свой поэтический дар, ответил: «Удовлетворен ли я сегодня тем, что имею? Конечно, нет. Многие планы, особенно касающиеся прозы, не осуществлены, многое сделано наполовину, потому что очень много времени отнимает общественная деятельность, что тоже важно. Считаю, что тем самым зря времени не теряю. Я чувствую: то, что я делаю в разных комиссиях, например, по возрождению осетинского языка или в комиссии по правам человека, или участие в каких-то незапланированных событиях, на которые нужно откликнуться, это тоже необходимо, приносит определенную пользу моему народу – я обратную связь чувствую. Вот в этом отношении я удовлетворение испытываю. А сугубо творческие планы, как я уже сказал, далеки от идеала – пишу редко».³

Но тем не менее поэт не собирается сходить с творческой дистанции: «...я считаю для себя важным творческим процессом и чтение – и не только русской классики, но и китайской, японской, латино-американской, современной русской литературы. Сейчас читаю Шекспира, притом общеизвестные трагедии «Отелло», «Макбет», «Гамлет» и так далее... И опять испытываю огромное удовлетворение, чувство творческой радости». – И дальше – «... в Шекспире нахожу ответы на многие вопросы, которые нас тревожат: о сути жизни, о психологии человека, о недостатках этого мироздания вообще. Читая и перечитывая Шекспира, каждый раз думаю: да, не зря он считается сверхчеловеком, художником на все времена. То же самое и Данте, его «Божественную комедию» также читаю и перечитываю постоянно».⁴

Видно, что поэт все еще полон творческих сил и планов, но это не значит, что пока не стоит говорить о том, что им уже сделано.

К сожалению, у нас в основательному анализу и разбору подвергают только наследие классиков. Есть фундаментальные труды Нафи Джусойты и еще нескольких критиков, остальным внимание уделяется только во время юбилейных торжеств, да и эти статьи большей частью информационного характера, напоминающие некий литературный шаблон. Чаще всего мы ждем, когда писатель завершит свой творческий и жизненный путь, чтобы написать о нем, не думая, что искреннее, доброжелательное слово куда больше нужно человеку живому и творящему. Это подчас может стать для него вдохновляющим, надежным подспорьем в творческой работе. Но люди чаще оказываются скупыми на похвалу.

Камал Ходов уже не в том возрасте и статусе, чтобы его нужно было подталкивать к покорению высот Парнаса. Эти высоты уже покорены им. Он находится в самом расцвете своих творческих возможностей и читатель ждет от него много талантливых и мудрых произведений. У него свой особый поэтический мир и хотим мы этого или нет, но

¹ Хурзаев, 2001. 20 июня.

² Не красов Н. А. Полн. собр. соч. в 15 т. Т. 2. – Л., 1981. – С. 48.

³ Ходов К. Х. Думая о будущем / Северная Осетия, 2001. 2 июня.

⁴ Северная Осетия, 2001. 2 июня.

этот его мир подстегивает нас к основательному разговору о его творчестве. Потому мы и решились сделать попытку раскрыть в своей работе художественный мир Камала Ходова. В его творчестве, как в зеркале, прослеживается развитие осетинской поэзии конца 20-го начала 21-го веков. Внимание читателя привлекает и содержание, и форма, и поэтика его произведений. Основные черты его поэтического искусства – оригинальность образов, эмоциональность, своеобразие формы.

Перед Камалом Ходовым в осетинской поэзии стоит архиважная задача – открыть настежь поэтическую душу человека второй половины XX века. Это и стало объектом нашего исследования. Раскрывается идейное содержание, художественная структура и эстетическое значение его произведений. Особое внимание уделяется поэтике произведений: высвечиваются их композиция, поэтическая форма, система образов, выразительные средства...

Предметом исследования становятся основные мотивы и художественное своеобразие творчества известного поэта.

Цель исследования – изучить идейное и нравственное содержание, художественные и структурные особенности творчества К. Ходова.

Методологической и теоретической основой исследования являются достижения и научно-теоретические положения русской и зарубежной эстетической мысли, а также опыт осетинской историко-литературной науки. В работе использовались труды осетинских литературоведов и критиков: Нигера, Ф. Гаглоева, Н. Джусойты, Ш. Джикаева, Х.-М. Дзуццаты, А.Хадарцевой и др.

Актуальность диктуется неразработанностью данной проблемы. Идейно-художественный мир Камала Ходова объектом исследования становится впервые.

Глава 1 ДРАМАТИЗМ ЖИЗНИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТА

1

Осетинская земля никогда не была скупа на таланты. Другой заслуживающий внимания вопрос – как мы берегли и бережем эти таланты. Не секрет, что талантливый человек очень уязвим, и этим часто пользуется обыватель, наслаждаясь результатом нанесенной обиды. В свое время мы не смогли по достоинству оценить Коста, за блеском офицерских погон некоторых осетинских воинов не заметив сияние его таланта. Затеряна могила Сека Гадиева, а некоторые незаслуженные обвинения еще не снятии с имени основоположника осетинской драматургии Елбасдуко Бритаева и др. Не умеем мы ценить людей при жизни.

К счастью того нельзя сказать относительно Камала Ходова. Я познакомился с ним, когда он был еще совсем молодым поэтом. Он всегда знал и знает цену своему слову, способен сказать суровую правду, и в то же время Камал тонкий дипломат. С ним считаются. Он – мудр.

Чтобы о человеке сказали: «Он родился на счастье своего народа», нужно многого достичь. В первую очередь, быть способным дать мудрый совет, разделить с ближайшими последний кусок хлеба, поделиться радостью с родным народом. Это – назначение поэта, цель его жизни. «Писатель должен чувствовать духовный мир своего народа, подобно магнитной стрелке реагировать на его думы и мечты»,¹ – говорит Нафи Джусойты. Другой известный осетинский поэт и литературовед Шамиль Джикаев высказался о назначении поэта более емко: «Жизнь поэта – сплошные муки».²

¹ Джусойты Нафи. Ирон аив дзырды сæрвæлтау. – Цхинвал, 1966. – С. 307.

² Джыккайтты Шамиль. Ныхасы фарн. – Дзæуджыхъæу, 1996. – С. 207.

Камал Ходов относится к тем, кто родился на благо своего народа. Случилось это в Правобережном районе, в селении Старый Батако Северной Осетии 26 января 1941 года. После окончания 8-летней школы работал на Бесланском маисовом комбинате и одновременно учился в школе рабочей молодежи. Окончив школу в 1959 году, он какое-то время работал в Северо-Осетинском государственном Осетинском театре актером вспомогательного состава, затем в редакциях газет с. Эльхотово и г. Беслана, был редактором на телевидении. Но поэзия все сильнее увлекала его, и он поступил в Московский литературный институт имени Горького и окончил его в 1970 году.

Литературный институт сослужил хорошую службу целому ряду осетинских писателей. Там постигали тайны художественного мастерства Александр Царукаев, Хазби Дзоболов, Владимир Гаглоев, Георгий Гагиев, Хаджи-Мурат Дзуццаты, Зина Хостикоева, Таймураз Хаджеты, Гастан Агнаев, Тотрадз Кокаев и др. Хорошей школой в этом он стал и для Камала Ходова. «Кузнец у кузнеца учится»,¹ – гласит осетинская пословица.

Камал Ходов прекрасно справлялся со своими обязанностями заведующего отделом критики и публицистики в журнале «Мах дуг», затем редактора, а позже – главного редактора в издательстве «Ир». Был и на руководящих должностях: с 1985 года – директор Северо-Осетинского государственного драматического театра, одновременно – ответственный редактор альманаха «Литературная Осетия»; с 1989 г. по 1990 г. – председатель Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Северо-Осетинской АССР, а с 1990 года – председатель Союза писателей Республики Северная Осетия–Алания.

Так, на первый взгляд, в нескольких предложениях можно изложить целую биографию. Но в действительности все не так просто. Каждый год, каждый месяц, каждый день приносил ему свои радости и горести, переживания, от которых не спрятаться, не убежать. Не иначе, как они шли с ним в ногу по жизни... И, наверное, судьбой предначертано было ему, едва родившись стать сиротой. Семья Ходовых была из тех, кого война коснулась своим черным крылом – на фронте погиб отец Камала. Об этой незаживающей ране поэт сказал горькими стихами:

*Нымадай мыл нама цыд аз дсер,
Амае куы слæууыдтæн мае къæхтыл,
Ды уæд, æмдзæхгæр лыг бæласау,
Æрхадтай тохæй арыд зæххыл...*

*Мне не было еще и года,
Как сделал первый свой я шаг,
Ты же деревом подрезанным
В тот миг на землю опаленную упал...²*
(«Вспоминая своего отца»)

Нетрудно представить послевоенное детство Камала, когда даже семьям с кормильцами было тяжело. Потому он познал труд с трудом с малых лет труд, иногда – непосильный.

Но Камал не из тех, для кого трудности представляются непреодолимой преградой или трагедией. Скорее он из трагедии научился создавать художественный образ. Скифский царевич Анахарсис «... высказывал удивление тому, что у греков выходят на состязание художники, а суд о них произносят не художники»,³ что имеет тенденцию повторяться и в наши дни. Но Камал Ходов никому не оставляет шансов судить о жизни

¹ Ирон æмбисæндтæ. – Дзæуджыхъæу, 1976. – С. 183.

² Стихотворения – в подстрочном переводе (Авт.).

³ К о з а е в А. И. Анахарсис. – Цхинвал, 1982. – С. 122.

вместо него и вопреки его опыту. Он из тех, кто задуманное дело доводит до победного конца.

Осетинский поэт Албег Хамицаев вспоминает в одной из своих статей: «В памяти встает давняя картина: утомленный летним зноем сельский вечер, редакция районной газеты в Правобережье, заседание литературного объединения... Камал немного опоздал и смущенно произнес прямо с порога: «Извините, пожалуйста, на работе задержался...». Сел против меня. Когда очередь дошла до него, высказал свое мнение о произведениях (чьих – уже не помню), потом прочитал свое стихотворение «Памяти отца».¹

Если судьба вставляет палки в колеса, не дает возможности заниматься творчеством, то, может, и стоит на нее сетовать; иной бы и отцу выговаривал: мол, что на войну пошел, да почему погиб. Но это не про Камала. Он понимает, что искусство само по себе – высокая материя. И не позволяет своим служителям ничего низменного. «Поистине высокое искусство рождается истинными творцами»,² – писал Х.-М. Дзуццати. Думы Камала Ходова и героев его произведений выше повседневных забот, они возвышенны и прекрасны.

Так случилось, что на литературном небосклоне Осетии в одно и то же время появилось много дарований: Георгий Бестауты, Хаджи-Мурат Дзуццати, Ахсар Кодзати, Шамиль Джикаев, Васо Малиев, Камал Ходов, Сергей Хугаев, Гриш Бицоев, Георгий Гагиев, Зина Хостикоева, Рюрик Тедеты, Хаджи-Умар Алборты, Таймураз Хаджеты... У каждого из них свой творческий путь, свой слог. У каждого своя «поступь прозы» и «полет стиха». Их творчество ждет серьезных исследователей. Но у Камала и в жизни и в литературе свой полет.

И это не потому, что до его прихода в осетинской поэзии не было талантливых художников. Гриш Плиев, Гафез, Александр Царукаев, Нафи Джусойты, Георгий Бестауты... были живыми классиками осетинской поэзии. Но осетинская литература нуждалась в отрывом, вольном дыхании Камала Ходова. И в трудные послевоенные годы, когда «где-то детский смех канул навсегда», он уже бредил другим: «Эхо водопадов / Слышал я в зной, / сердцем уходил / на свет впереди: / «Словно песня гор рождалась со мной, / Набирая силу в моей груди» («Не успел отец...»).

Вряд ли кто-нибудь будет утверждать, что у большого русского поэта Николая Рубцова и Камала Ходова есть что-то общее. Говоря словами Владимира Бондаренко, который, цитируя слова другого яркого русского поэта Юрия Кузнецова, пришел к мысли, что «...искра славянскому уму» была высечена поэзией Николая Рубцова».³ Бондаренко точно отметил значение поэзии Рубцова. Он не был похож на поэтов-шестидесятников, и зная это был горд своей оригинальностью:

*Я уплыву на пароходе,
Потом уеду на подводке,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пойду по волоку с мешком –
И буду жить в своем народе!⁴
(«Экспромт»)*

Камал Ходов проторил свою жизненную и творческую дорогу, чтобы «жить в своем народе». Конечно, сказалось и то, что не было рядом отца, но был дед, глядя на которого он постигал азы жизни. Вот что пишет Камал, вспоминая его: «Запомнил все: и пистолет за пазухою деда, и кинжал на поясе, и патронташ». Как сегодня, помнит и

¹ Рæстдзинад, 2001. 25 января.

² Д з у ц ц а т ы Х а д з ы-М у р а т. Рæстæг æмæ литератураæ. – Цхинвал, 1985. – С. 29.

³ Б о н д а р е н к о В. Неожиданное чудо Рубцова / Литературная Россия, 2004. 21 мая.

⁴ Р у б ц о в Н. М. Избранное. – М., 1982. – С. 167.

ноговицы, и шапку деда. И как в лес ездили на бычке (не было возможности пощадить бычка) – сирот нужно было поднимать. Помнит, как дед приносил ему в кармане спелый сочный кизил. Помнит его ласковый взгляд. «Но не помнит, и не вспомнить внуку деда улыбку никак». Кто бы ни писал о горестях своего детства, о ранах, нанесенных войной, о боли отца, потерявшего сына, но, мне кажется, что сильнее этого сказать нельзя. В них и боль, и страх, что не сможет поднять внуков – душевная рана коварнее раны телесной. Некогда деду было улыбаться, и разучился дед улыбаться...

Вот что говорит Нафи Джусойты о произведениях поэта: «Из стихотворений Камала Ходова меня особенно трогают, словно прикосновение голубинового оперения к сердечной сути, те, которые порождены его личными биографическими впечатлениями». И упоминает стихотворение «Вспоминаю деда...», в котором поэт говорит о тяпке, ноговицах деда, но с горечью замечает: «не могу припомнить твою улыбку...».¹ Поэт за словом «улыбка» спрятал свою душевную боль. Впрочем, Камал умеет стихом выразить все в том желе; и матери признаться в любви – безыскусно и изящно. Такая откровенность делает его поэзию правдивой. В нее веришь. А это – великая сила. Не зря в Библии говорится «Вера горы двигает».²

Особое место в поэзии Ходова занимает образ матери, который он воссоздал в стихотворениях «Моя хорошая мама» и «Разговор с матерью».

Максим Горький говорил, что: «дети – живые цветы земли».³ Но им не всегда уделяется должное внимание. Особенно сиротам. Как у нас говорят: «Ребенок без отца – наполовину сирота, без матери – круглый сирота».

Поэт знал, что вся тяжесть жизни легла на мать: с раннего детства видел её натруженные руки, чувствовал, как ей тяжело. В послевоенное лихолетье сложно было и семьям с кормильцами, каково же было ей одной поднимать сирот. Но она не согнулась. Не дала споткнуться и детям, вырастив их настоящими людьми. Потому младший из них, став поэтом, тщательно подбирает слова, чтобы выразить самое сокровенное, что есть в его сердце – любовь к матери:

*Свет на мгновение
Вспыхнет из темноты:
Вот и опора душе
На дороге дней...
Нет у меня никого
Дороже, чем ты.
Ты моя мать,
И ты навсегда сильней.*

*Благослови же меня,
Благослови!
Не предпочту я в мире
Путей других!
Голос говорит в груди,
И борьба в крови...
Как перед богом,
Перед тобой затих.*
(«Разговор с матерью».
Пер. Е. Еременко)

¹ Джусойты Нафи. Ёнкъарæн – зарæджы æндзарæн // Хурзæрин, 2001. 20 июня.

² Евангелие (Матвей – 17, 20).

³ Горький М. Собр. соч. в 16 т. Т. 1. – М., 1979. – С. 304.

Будущий поэт видел, что мать боится за него, прислушивается к его дыханию, отслеживает каждый его шаг. Но здоровому парню возле матери сидеть не делает чести. Нужно идти в ногу с жизнью, смотреть вперед, быть оптимистом. «Оптимизм – это не просто слова, это видение жизни», – говорил Х-М. Дзуццати. И знал поэт, что когда придет время его исканий, мать будет переживать еще больше. Потому говорит ей в своем стихотворении, словно прося прощения и обнадеживая ее: «Наступит время, образумлюсь я...».

В осетинской поэзии, на наш взгляд, более полно, разносторонне образ матери раскрылся в лирике Нафи Джусойты и Зины Хостикоевой. Но у Камала Ходова свое видение. Образ матери для него всегда был и остался путеводной звездой. Не зря говорят в народе: «Чувство к матери дает крылья, а любовь матери – силу».

Поэт признается, что все, чего он достиг в этом мире, достиг благодаря любви матери:

*Моя хорошая (добрая) мать!
Душа моей души!
Я люблю
Твое мягкое слово (голос),
Звук твоих шагов,
Твою улыбку,
Испеченный тобой чурек.
(«Моя хорошая мать»)*

И из этого состояния, – состояния вечного должника перед матерью, – он не выходил никогда. А это для него значит – не запятнать ее имя, не сказать ненароком лишнее, уберечь себя от необдуманных поступков. Заповедям этим Камал следует всю жизнь.

*Ты прости меня,
Если случится так,
Что забуду, как вслед
Бежал по пятам...
И любовь, что когда-то
Прятал, чудак,
От тебя,
В дороге людям раздам.*

*Ты прости мне...
Ты не можешь знать,
Но впервые в жизни
Шепчу: прости...
От колен твоих –
Начало пути,
И конец его
Рядом с тобою, мать.
«Разговор с матерью»*

Вспоминается стихотворение Нафи Джусойты «Матери моей», в которой мать наказывает лирическому герою не забывать о ней, как бы удачно ни сложилась его жизнь. И действительно, лирический герой пронес в своем сердце этот наказ всю свою жизнь, и вернулся к матери. Но стихотворение Нафи получилось слишком длинным, да и советская атрибутика смотрелась на нем заплатке.

Камал в своем произведении избежал этого, но зато согрел теплотой своей души, выбрал самые теплые слова. Но суровое время не часто дарило ему в детстве возможность насладиться тем, что он так любил. Никогда не мог в силу обстоятельств полностью посвятить себя творческой работе и в зрелые годы. Потому и Шамиль Джикаев говорит с такой горечью, что у осетинского писателя никогда не было возможности посвятить себя основной своей работе.¹

Сколько людей, столько же и мнений. Многие считают, что если уж выбрал стезю писателя, то ты не должен думать ни о чем – ни о доме, ни о семье, ни о близких тебе людях. Ты полностью должен покориться музе. Но в таком случае можно оставить и Родину, и соотечественников. «А для кого тогда писать одинокому и неприкаянному?» – возразит оппонент, и тоже будет прав.

Со времен античности бытовало мнение, что «жизнь – борьба». Так думали и Еврипид, и Сенека, и Вольтер. Жизнь всегда была и будет борьбой. В этом и заключается её радость: пока существуют свет и тьма – а без них картина жизни не похожа на действительность – человек будет находить отраду в борьбе за справедливость. В связи с этим легко и просто сами по себе на ум приходят строки А. Блока: «И вечный бой! Покой нам только снится».²

Известно, что писатель иногда оказывается истиной в последней инстанции в политических спорах своего времени. И это естественно. Другое дело, когда писатель насильно впихивает политику в свое творчество. Бытует и противоположная точка зрения, мол, ты писатель – вот и пиши, до политики тебе нет дела. Но писать настоящие книги – это уже политика. Почти все правители мира были писателями, причем известными. Из таких осетин-правителей мы знаем Давид-Сослана и Сталина. О первом известный осетинский писатель Сека Гадиев писал: «Между стихами Давид-Сослана и современными грузинскими стихами расстояние, как до солнца, однако они сияют в их истории».³ Это говорит о том, что стихи Давид-Сослана даже во времена Сека Гадиева, – в начале двадцатого века, – сияли из истории наших соседей. Но это тема для другого разговора.

Здесь поэту, пастух он или царь, не спрятаться от политики.

Однако, несмотря на то, что у Ходова Камала, можно сказать, есть все, что нужно для жизни: удобная квартира, дружная семья, дети, работа по душе, положение в обществе, он не стоял и не стоит в стороне от политики. Его жизнь и его творчество связаны тесно. Разделить их нельзя.

Вот что поэт говорит о своей жизненной позиции: «Я не разделяю точку зрения, что раз ты писатель, то ты должен быть в оппозиции, такая точка зрения сегодня – не редкость. Есть разные писатели, да и политики разные. Есть писатели, не имеющие морального права критиковать, но они так не считают и критикуют всех, начиная с президента России и кончая... Я вот когда за любой кривой взгляд на руководителя выгоняли с работы, они (горе-критики – М. К.) молчали. Сегодня все стали храбрецами».⁴ Настоящий человек посчитает ниже своего достоинства такое поведение. Потому Камал относится к таким модам с пренебрежением. И он прав.

О себе он говорит так: «Не молчал, когда видел вопиющую несправедливость, и сейчас не молчу, говорю об этом. Но критика – не самоцель, и враждовать с руководителем лишь только потому, что он руководитель, и делать из себя героя... Я с этим не согласен».⁵

По мнению поэта, несправедливая критика руководства ни к чему хорошему не приведет. Руководителю нужно помогать для пользы дела. И слова у него не расходятся с

¹ Джыккайтты Шамиль. Нæ вайы рухсæн сау талынг йæ ингæн // Фидиуæг, 2000. №1. С. 4.

² Блок А. А. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. – Л., 1980. – С. 85.

³ Гæдиаты Секъа. Азау. – Дзæуджыхъæу, 1981. – С. 424.

⁴ Северная Осетия, 2001. 2 июня.

⁵ Там же.

делом. Об этом гласит и свидетельствует его послание «К младшим»: «Говорить и мне нравилось когда-то, Ну, а теперь... Теперь мне хочется творить!» Камал это стихотворение написал в 32 года, когда и сам, по сегодняшним меркам, был из поколения младших. Но к тому времени произведения его уже принесли ему славу и известность. Он чувствовал силу своего слова. Открыто говорить правду было непросто. Но у молодого поколения был свой голос. И Камал Ходов, будучи сам молодым, уже мог быть наставником, как на поэтическом поприще, так и в житейских делах.

Об этом говорит и писатель Музафер Дзасохов в своей статье «Глубина мысли и простота слова»: «Есть писатели, которые в историю литературы входят уверенно. Так иногда о маленьком мальчике говорят, что, у него вид, будто он давно уже мужчина. Вот так и эти молодые литераторы своими первыми произведениями снискали признание читателя, как будто они уже имели за плечами писательский опыт. Молодость была свидетельницей не их слабости, а силы. К этим писателям с уверенностью можно отнести и Камала Ходова.

Если бы не были известны даты написания стихотворений, вошедших в сборник «Звуки», мы с трудом определили бы, какие из них написаны двадцатилетним Камалом, а какие – пятидесятилетним».¹

В подтверждение того, что поэт и сам такого же мнения, Дзасохов в привел его поэтические строки:

*Становится мой слог скромнее, глубже...
Не отрекусь я только от того, что нужно
Мысль мудрую вложить в простое слово,
Да так, чтобы натянутою стрункой дрожала*

строка.

Эти принципы Камалу Ходову удастся реализовать в своих произведениях, достаточно вспомнить, как в одном из своих лучших стихотворений «Памяти отца» поэт рисует воображаемую картину военной жизни отца: «Когда родился я, ты сидел в окопе, и ласковыми словами старался успокоить умирающего товарища».

Камал Ходов обладает удивительной способностью как в поэзии, так, впрочем, и в жизни понять человека, поддержать его в нужное время. Существует мнение, что мы повторяемся в своих детях. Очевидно, потому и Камал представил отца в такой ситуации, то есть видел отца себе подобным.

Чувству юмора Камала Ходова может позавидовать кто угодно. Был случай, когда он не сошелся во мнениях с кем-то из своих приятелей. Обиженный решил «отомстить» и говорит: «Я завидую Камалу только за два его умения: за мастерство рассказчика анекдотов, и за умение выразительно читать собственные стихи». Как будто Камалу Ходову больше не в чем завидовать!

Человек, его характер раскрывается в умении радоваться чужой радости, сочувствовать чужому горю. В наш суровый век сопереживание становится редкостью, мы разучились радоваться чужим успехам. Камалу этот дар был дан свыше и он не растерял его.

Вот как об этом пишет Хапицев Албег в одной из своих статей: «В 1961 году мы с Камалом Ходовым поступали в Северо-Осетинский педагогический институт имени Коста Хетагурова. Сдали вступительные экзамены и ждали результатов. Через несколько дней в наши ворота, я жил тогда в селении Ольгинское, кто-то постучал. Смотрю – Камал Ходов «Я в городе был, поступили мы!» – выпалил он. Радость нашу, конечно, не описать. Об этом, может, и не стоит говорить, но я запомнил этот эпизод, потому что в нем как в зеркале отражаются душа, характер Камала: он умеет радоваться чужим успехам. А на это

¹ Дзасохты Музафер. Хъуыдыйы арф æмæ дзырды хуымæтæгдзинад / Рæстдзинад, 2001. 2 июня.

способен далеко не каждый. И таких случаев очень много, когда и в горе, и в радости он одним из первых оказывается рядом».¹

Это внимание поэта почувствовали на себе и мы, жители Южной Осетии, когда оказались в военном положении в 90-ых, и в августе 2008-го. Его телефонные звонки не были и не могли быть спасительными, но вселяли надежду, придавали силы от осознания того, что о тебе помнят, за тебя переживают. Отступить нельзя! Такой же силой обладает и у поэзия Камала Ходова: она придает человеку веру и вселяет в него надежду.

Уже в 1962 году в сборнике стихов «Утренняя звезда» трех авторов: Джикаева Шамиля, Хугаева Сергея и Камала Ходова проявился яркий талант начинающих поэтов, обозначились горизонты творческого полета их поэтической мысли. Но поэтический дар нашего поэта особенно примечательным стал в первом его сборнике стихов «Хлеб и соль», вышедшем в 1966 году.

О начале творческого пути Камала Ходова искренне, честно и очень доброжелательно писал в своей рецензии тогда еще и сам молодой поэт Шамиль Джикаев в журнале «Мах дуг»: «Не найти слово, способное дойти до души читателя – самое горькое мучение для поэта. Если люди не услышали крика его души, не увидели света его мыслей, то его труд даром пропал. А это самое горькое наказание для поэта... И не испытает он радость творческого успеха, если не уверен в правде своих помыслов, в их силе и своевременности, если не чувствует свое собственное «Я», не различает особенностей своего времени, в котором ему суждено творить. Камалу Ходову, можно с уверенностью сказать, это все свойственно. И в этом заключается его поэтический талант и постижение искусства».²

Молодой критик дал всесторонний анализ тому, что поэт вынес на суд читателя. И отметил: «Сила в том, что он заставляет своим творчеством задуматься читателя над созданной картиной. И читателю в стремлении разгадать тайну увиденного, становятся близкими мысли и чувства, радости и горести поэта.

В наш атомный век, когда человеческая мысль особенно напряжена, подобна натянутой тетиве, когда смерть спешит победить жизнь и связанную с ней красоту, перед человеком ставятся особенно значительные и ответственные задачи. Судьбу мира решает наш современник, он обязан уберечь от пожара стронция Землю, и, соответственно, в ответе за последующие поколения, обязан оставить им добро, уменьшить их боль и страдания».³ – И отмечает, как удается К.Ходову освещать эти проблемы в своем творчестве. – «Даром ничего не дается: судьба Жертв искупительных просит»,⁴ – говорил Некрасов. В действительности, эти вопросы были и остаются главными в поэзии Камала Ходова. И переходят из одной книги в другую. Это вес его труд, его творения в которых отражается жизнь в его художественной интерпретации.

2

Каждому понятно, что если душе человека чуждо чувство любви, он примитивнее любого живого существа. Его помыслы подчинены лишь одному – насыщению. И становится такой субъект рабом своих низменных чувств. Становится чуждым людям, начинает катиться вниз. По-другому складываются судьбы тех, кто руководствуется в жизни любовью. Любовь возвышает человека, заставляет стремиться ко всему лучшему, прекрасному. Итальянский философ Ванини Джулио Чезаре заметил: «Я не побоялся бы поместить человека выше небес».⁵ Человек заслуживает это благодаря свойственному ему чувству любви.

¹ Рæстдзинад, 2001. 25 февраля.

² Джикаев Шамиль. Цæхх æмæ кæрдзын // Мах дуг, 1967. №6. С. 100.

³ Там же.

⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем в 25 т. Т. 1. – Л., 1981. – С. 179.

⁵ Рутенбург В. И. Великий итальянский атеист Ванини. – М., 1959. – С. 88.

Разумный человек самую большую ответственность чувствует перед Отечеством, перед своим народом, отчим домом. Ответственность это исходит из любви. Потому никак нельзя путать любовь с национализмом, тем более с фанатизмом. Национализм и фанатизм – погибель для человечества.

Любовь к Отечеству не имеет границ, силу этого чувства ничем не измерить. Прежде всего, она дает силу самому человеку, делает его бесстрашным, всемогущим. Эту мысль можно отследить в поэтических строках Некрасова: «Не будет гражданин достойный К отчизне холоден душой»¹ («Поэт и гражданин»).

Слух наш привык и к другому изречению поэта: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Мы часто не задумываемся над продолжением этих строк: «А что такое гражданин? Отечества достойный сын».² А кому, как не поэту, быть достойным сыном Отечества. Кто, как не он, почувствует всю силу долга перед Родиной, перед народом? Камал остро воспринимает это и чувствует себя в долгу перед своим народом («И пришла опять весна»).

Знаменитый философ-энциклопедист Готфрид Вильгельм Лейбниц писал: «Известен случай, когда человеку показалось, что он сочинил новое стихотворение; в действительности же оказалось, что он задолго до того дословно прочитал его у одного древнего поэта. Часто нам необычайно легко понять некоторые вещи благодаря тому, что мы их поняли уже раньше, хотя и не помним этого».³ Что правда, то правда. Человек от рождения, из утробы матери выносит чувства, происхождение которых не знает сам, да и избавиться от них часто не в силах.

Может быть, на этой основе возникла у осетин пословица: «Коза дает козленка, а овца – ягненка». Потому трудно избавиться от унаследованного – кровь не поменяешь. Камалу хорошо известно это и в стихотворении «Земля моей Осетии» он говорит:

*Земля моего Ирыстона,⁴
Твои вены не высыхают,
В них кипит аланская кровь.
Я слышу ее шум, как игру фандыра⁵,
Душа моя – капля аланской крови.*

И нам это понятно. Французский писатель и философ Дени Дидро справедливо замечал: «Чудеса там, где им верят, и чем больше верят, тем чаще они случаются».⁶ Зов крови имеет силу. Потому нам приходят на память страницы известного исторического романа Нафи Джусойты «Кровь предков», особенно его пролог «Безмолвная песня», написанный в стиле лиро-эпической прозы. Он звучит как песня-наказ, как призыв к клятвенному обещанию потомков, чтобы «никогда никому не отдавали свою свободу, сражались за нее до последнего».⁷ Лучше славную смерть, чем жизнь в неволе.

Этот призыв в восприятии поэта уподоблен мелодии осетинской гармонике, воспринимаемой с самой юности. Чувства свои он выразил в стихотворении «Лес моего детства»:

*Батакоюртского⁸
леса прохлада...
Пристанище*

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. в 15 т. Т. 2. – Л., 1981. – С. 9.

² Там же.

³ Лейбниц Г. В. Избр. атеистич. произв. – М., 1956. – С. 229.

⁴ Ирыстон – осет. Осетия.

⁵ Фандыр – музыкал. инструмент.

⁶ Дидро Д. Избр. атеистич. произв. – М., 1956. – С. 229.

⁷ Джусойты Нафи. Фыдæлтæ туг. – Сталинир, 1965. – С. 10-11.

⁸ Родное село поэта.

*сердца моего
на всю жизнь.*

Затем, как чаще всего бывает, поэт переходит к воспеванию того, за что так любит землю своих предков, что острее всего врезалось в память с детства. Но очень искусно, избегая шаблонных схем. Эта чистая, как родниковая вода, любовь льется из строк поэта. И это ему удается благодаря мастерски описанному пейзажу:

*Огненная полоса дикого помидора
поманила меня за собой...
голос моего деда:
«Гье-гъей, парень, где ты?..»*

*Твои снежные сугробы
трогает зимнее солнце...
как в золоте
ветка облепихи.*

Благоговейный трепет, с которым поэт пишет о каждой былинке, о каждом камушке, напоминает строки Кайсына Кулиева: «О камни родины! В огне и гуле Мы вместе закалялись в грозный час. Пронзали нас одни и те же пули, И жгло одно и то же пламя нас»¹ («Раненый камень»).

Такие строки ничего не будут значить для человека, не познавшего первозданной красоты сельской природы. Но у читателя, который родился и вырос в селе, непременно дрогнет сердце, а живые картины сельского пейзажа еще долго будут стоять перед его глазами. По той же причине живут в сердце поэта.

Не часто их видит лирический герой – в десять лет один раз, и от этого его гнетет чувство вины перед родными местами. Душа его устала от повседневной суеты, он на какое-то время вынужден предать забвению те места, которые так дороги ему, и это обстоятельство еще больше ранит его сердце.

Как будто в унисон сказанному звучат и слова Нафи Джусойты: «Трудно представить себе и такого интернационалиста, который бы желал, чтобы его родной народ покидал отчизну, веками насиженные места, и расходился по всему белому свету».² Человек, подобно растению, силы набирает через корни. Особенно духовные силы. А корни всегда бывают и остаются в родной земле – в отчем доме. И она, эта земля, им дает силы, которые никому не покорить.

У поэта таким животворящим уголком является родное село Старый Батако, несмотря на то, что он там провел не самые легкие годы своей жизни. И это не только потому, что он с самого раннего детства познал, что такое безотцовщина, просто это были самые тяжелые послевоенные годы для всех.

То, что человеком любимо, видится ему по-другому, по-другому и описывается им. По этому поводу справедливы слова Нафи Джусойты: «От характера видения мира зависит оригинальность его мыслей, эмоций, образных представлений, концепций мира и человека».³

Будучи еще совсем молодым поэтом, Камал прочувствовал и тяжесть капель пота, и весомость художественного слова и непреложность долга перед Отечеством. Так же рано он осознал и ответственность перед страной и народом. А со способностью мыслить подобными категориями приходит ранняя мудрость. Потому двадцатилетний поэт говорит:

¹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. – М., 1987. С. 142.

² Джусойты Н. Г. Елбасдуко Бритаев. – Сталинир, 1963. – С. 27.

³ Джусойты Н. Г. Все начинается с размышления... // Вопросы литературы, 1976. №5. С. 79.

*Отечество!
Не заводжу я речи о тебе,
Не называю тебя
«Безбрежным океаном»,
«Огнем пылающим»...
Но знай: какое бы в стихах
Не определил тебе я место,
Самое огромное твое место –
В сердце у меня.*

(«Отечество»)

То огромное место, которое поэт определил в сердце своем для Родины, подвигает его мысли и мечты к стремлению найти путь к сердцу каждого читателя. Потому и становится главной песней и в жизни, и в творчестве его песня о Родине, об Ирестоне. Поэт ясно осознает, что любовь поэта к родине должна быть выше всего. Иначе нельзя достойно служить Отечеству.

Проникновенны слова Роберта Бернса: «В горах мое сердце, а сам я внизу».¹ И ведь действительно, где мы ни находились, чем бы мы не занимались, невидимыми, но крепкими узами связаны мы с родным очагом, с близкими нам людям. Души наши обитают на высотах родных мест, даже в своих снах мы приходим туда.

Мы относимся к числу малых народов; у многомиллионных народов даже количество одних только ученых может превзойти нас по численности. Но это обстоятельство не значит, что величие народа определяется количеством населения. На всех этапах своего развития осетинский народ не опускал головы ни перед каким врагом, не прятался от него. И сегодня известные всему миру события противостояния с нашими соседями-грузинами, которые с 20-ых годов прошлого столетия до сегодняшних дней одержимы одним желанием: истребить последнего осетина на якобы «грузинской» земле, не позволяют полностью освободиться от тревоги за будущее, от постоянной боевой готовности к защите родного очага. И ни при каких обстоятельствах не должно быть забыто то, что случилось, не должно быть забыто, чтобы оно не повторилось.

И наша задача – оставить потомкам наказ: быть начеку, извлекать уроки из истории, быть бдительными. Эти уроки мы должны были постичь из творчества наших классиков.

В современной литературе события нашего ближайшего прошлого нашли достойное отражение. И как мы уже не раз отмечали, человек самоотверженно защищает то, что самозабвенно любит. Этому учить молодых – святой долг каждого. Тому много примеров и в творчестве Камала Ходова:

*На вершинах снег не тает
и все равно на их склонах цветет рододендрон...
Эх, суметь бы отплатить Осетии за добро
и сложить о ней песню своей кровью...*

(«Песня об Осетии»)

Дальше в стихотворении упоминается о том, как лирический герой классика осетинской поэзии Алихана Токаева отобрал у змеи волшебную животворящую бусину, при помощи которой заживали раны на теле. И этим Камал Ходов определяет высокое назначение поэта: не все желающие воспеть Родину имеют на это право. Чтобы быть удостоенным этой чести, нужно служить ей так, как герой Алихана. И сам он готов сразиться с гремучим змеем, чтобы отобрать у него волшебную бусину, благодаря

¹ Бернс Р. Стихотворения. – М., 1982. – С. 255.

которой на нашу землю пришли бы благодать и гармония. И этим бы он оплатил все долги перед родиной.

Подобны этому мысли и чувства, выраженные в другом стихотворении – «Земля Осетии»:

*Сердце мое – полно твоим счастьем и горем,
Моя скитальческая жизнь посвящена тебе...
Я скиталец жил за счастье твое...
Ломаными линиями молнии
Вписано в историю твое имя.*

Французский писатель и философ П.С. Марешаль писал: «Знать правду никогда не рано».¹ Наш поэт еще в отрочестве начал постигать сердцем, какой тяжелый жизненный путь прошел его народ. Именно это помогает ему безошибочно подобрать самую подходящую поэтическую форму для выражения своих мыслей и чувств. Тем огромным значением, какое имеет для него родина, определяется и состояние души поэта – и радоваться, и горевать вместе с ней. Когда его шестилетние сверстники «Играли в налитые свинцом альчики», он в мыслях бродил по склонам далеких гор:

*Когда я как взрослый уходил в свои мысли,
Мне слышался только шум водопадов...*
(«Песни гор»)

Камалу Ходову понятно: песня об Отечестве и фальшь – понятия диаметрально противоположные. О Родине, о родном языке можно говорить только искренним поэтическим слогом. И именно таким нравственным состоянием определяется человеческая суть.

Другой французский философ Жюльен Офре де Ламетри с уверенностью говорил: «Человек создан не из какой-то более драгоценной глины, чем животные. Природа употребила одно и то же тесто, как для него, так и для других, разнообразя только дрожжи».² Именно эти дрожжи – то, что связывает поэта с Отечеством.

Нафи Джусойты отмечал: «во времена Коста и Сека основной задачей нашей литературы считалось пробуждение в народе чувства национального самосознания, веры в будущее, любви к родине и своей национальной культуре».³ Но и в настоящее время эти проблемы остаются актуальными. И это не потому, что наши писатели недостаточно стараются создать достойные произведения, чтобы потомки знали и чтити своих предков. Немало литературных произведений в культурном наследии осетинского народа, которыми мы по праву можем гордиться. Дело в том, достаточно ли мы знакомы с этим наследием, не говоря уже о современной литературе. Достаточно ли мы знаем классиков нашей литературы? Достаточно ли мы знаем то, что в произведениях Темирболата Мамсурова, Коста Хетагурова, Сека Гадиева, Елбасдуко Бритаева, Арсена Коцоева, Цомака Гадиева, Нигера и других говорится об Осетии, помним ли мы о написанном?

И кто ответит, сколько у нас еще людей, не знающих, не прочитавших их произведения? Произведения, которыми мог бы гордиться любой народ?

Но в этом не только их вина. Дело в том, что у нас в библиотеках можно найти только книги о творчестве Коста Хетагурова. Работ о творчестве других писателей, к сожалению, почти нет.

¹ Марешаль П. С. Избр. атеистич. произ. – М., 1958. – С. 184.

² Ламетри Ж. О. Сочинения. – М., 1976. – С. 218.

³ Джусойты Нафи. Ирон литератураæ 8 къласæн. – Цхинвал 1983. – С. 136.

Избранные произведения реабилитированных в 50-х годах Чермена Бегизова и Созуруко Кулаева с тех лет отдельными книгами изданы были только раз, и еще раз отдельные работы публиковались в издательствах Северной и Южной Осетии.

Справедливости ради нужно отметить и то, что новеллы Чермена Бегизова «Говорят башни» увидели свет в переводе А.Гаглюевой и Г. Агасова в 1936 году, второй раз благодаря издательству «Ирыстон» – в 1987 году.

Чтобы иметь полное представление о творчестве писателя, как известно, нужно знать все его творчество. А у нас, к сожалению, нет такой возможности из-за отсутствия книг.

Следовательно, и сегодня, как и сто лет назад, актуальны идеи национального самосознания, национального единства. К тем, для кого этот вопрос является едва ли не самым главным, бесспорно, относится и Камал Ходов. Это объясняется и его творчеством, и занятостью общественной работой. Избранные народом всегда должны служить избирателю, должны пропускать через свое сердце все их радости и невзгоды. Но этого не скажешь, конечно, о многих из народных депутатов. А вот писатели, за редким исключением, служат народу. И на этом поприще поэт Камал Ходов опять один из первых, о чем он говорит в стихотворении «Скакун»:

*Чуждое ржанье в неистовстве строгом
Слышит и рвется на голос врага.
Пеною с губ по студеным отрогам,
Гордо срываясь, ложатся снега.*
(Пер. В. Еременко)

Однако поэт не принадлежит к тем служителям искусства, которых Пегас может унести не в ту сторону. Такие, как он, прочно стоят на избранном пути.

«Поэзия есть раздумья о судьбе народа», – говорил Шамиль Джикаев. У поэта и радость и горе народа сливаются с собственной радостью и горем. Потому он часто находится в глубоких раздумьях:

*Если не сполна я буду обременен твоими заботами,
Если на колени стану пред твоим врагом,
И в дни сраженья за тебя не превращусь в стрелу я,
Тогда уже не будет ясно, кто есть я.*

Позором покрывается имя человека, ставшего на колени перед врагом: это страшнее, чем быть заживо похороненным. С большой неохотой вспоминал репрессированный и отбывший в наказание 15 лет в Сибири осетинский просветитель и высококонравственный человек Пауле Дзаттиаты о том, как их арестовали в один день с первым профессиональным осетинским литературным критиком и просветителем Александром Тибилловым. Бросили их в Цхинвале в подвал здания райисполкома. А на верхних этажах подвергались допросам и пыткам.

Александр Тибиллов не смирился с клеймом врага народа, не признал себя виновным, и его, избитого до полусмерти, потерявшего сознание, бросили в подвал. Его там облили водой, и когда он пришел в себя, то обвел глазами заключенных и попросил спеть ему перед смертью песню о Хазби Аликове (национальном герое осетинского народа).

Чем была так дорога эта песня Александру? Может тем, что каждая строка ее – законченный эпизод из жизни и борьбы за свободу родных гор – пронизана мыслью: «Лучше смерть, чем позор». Он знал, что это вечный наказ осетин.

Кто выдержит это? Даже «Терек в гневе выходил из берегов своих, Кидался на каменистые скалы». И только человек не терял надежды. А ведь говорят, на тех, кто живет надеждою, и держится мир. Надежда освещает дорогу поэту. К свету надежды тянется и читатель. Это главное, а так душа творца была и у нарта Сырдона – он принес своему народу фандыр, но еще «Он зачинщик и подстрекатель всякого рода ссор. Злоба толкает его на легкомысленные и преступные проделки, после которых он подчас еле уносит ноги».¹ Поэту должен быть чуждым такой настрой души. Он воспитывает в читателе стремление ко всему возвышенному.

В поэзии Камала Ходова, как уже было сказано выше, много места отводится теме Отечества, но в каждом стихотворении раскрыто как бы вновь увиденное. В том числе и определенные места, которые он любит и вспоминает, где вспоминают и любят его.

*Ущелье Касарта...
Звездное небо ласкает
Молчаливые черные горы.
Река устала биться в гневе,
И днем и ночью мчится в долину.*

*Чей разговор слышится?
Кто находится в этом суровом месте?
Кто не спит этой ночью?
Усталые пастухи со своим стадом
Остановились на подоле Буруна.
(«Идя к вершине»)*

Достаточно было бы привести для примера этот отрывок, но само стихотворение продолжить его, поскольку по мере нарастания экспрессии все ярче обозначаются пространственное видение и гражданская позиция автора. Оно свидетельствует о ярком таланте Камала.

*Полная луна...
Раскинулась на спине.
В тихих местах бродят туры.
Поздно ночью, бедные, спускаются к ущелью,
Чтобы утолить жажду синей волной.*

*Бьется камни разъяренная вода,
Брызги падают, как песок.
... в Зарамаге сегодня один старик
Искренне мне жаловался:*

*«Ныне машин стало слишком много...
Сейчас народ, гляди, живет вольно...
А стойбища гордых туров
Все больше и больше пустеют...»*

Тот, кто чувствует «свой непосильный долг перед родиной (горами)», должен видеть все, чем живет страна, ее боль и радость, ее мечты и страхи...

¹ Д ю м е з и л ь Ж. Осетинский эпос и мифология. – М., 1976. – С. 93.

А долг поэта всегда вдвойне тяжелее. Он должен понимать и раскаты грома, и угрозу, таящуюся тяжелых каплях дождя, и тревожную спешку людей, прячущихся и прячущих от грозы все, что можно спрятать, и тревожный зов тура-вожака...

«Мир давно сотворен и открыт нам, но стоит поэту окинуть его взором своим, и он заново открывает его и нам, и себе».¹

Именно этот момент открытия мира поэтом и завораживает читателя.

*Громыхало...
На холмах Стыр кома
Шел дождь тяжелыми каплями
Замерло село.
Свернулось вмиг
Калачиком, как мокрая дворняга.*

*Издалека слышится натужный волчий зов...
Сверкнула молния сквозь ярый ливень.
Вновь силуэт разгневанного тура
Там на скале...
И свет в глуши лесов.*

Яркими картинками поэт выразил то, что накопилось в душе: перед нами встает и грохочущее небо, и расколота громом скала, и люди, и растения, замирающие от страха перед раскатами грома. И у каждого слова здесь своя эстетическая нагрузка.

*Кто был в пути, домой спешил,
А домочадцы за него молились.
Дождю косому ветры подпевали,
Внизу в теснине плакала река.*

От картины грозы, ввергающей в страх все живое, у читателя появляется тревога, но сила поэтического слова не дает прервать чтение, и мы оказываемся свидетелями неожиданных событий.

Такой стиль близок Камалу Ходову. От описания каких-то определенных картин он переходит к описанию событий, происходящих в Осетии к судьбам осетин.

В стихотворении «Картины Кобана» мы увидим, «Как под прыгающими и скачущими волнами Гизельдона дремлют тиной покрытые камни», «Как кружатся в небе огромные орлы, бросая тень от крыльев на овраги».

Большой жизнелюб и любитель природы, известный русский поэт Владимир Луговской в свое время удивленно-обрадованно восклицает: «Жизнь голубой бесконечностью манит. Где же предел? Мне не виден предел».²

И Камал Ходов в своем стиле дает описание картин природы: черные скалы, огромный орел, глубина горных теснин и т. д. И эти художественно-изобразительные средства в его поэзии играют свою роль взлетной полосы для продолжения стиха. Стих его подобен самолету, после разбега взметнувшемуся в небо, и звучит уже в другой тональности:

*Кобанское ущелье! Далеких предков моих слава!
Чермена и сыновей Бата ты мать!
И к сыновьям гор ты щедра –*

¹ Дзущаты Хадзы-Мурат. Бæрндзинад. – Цхинвал, 1976. – С. 144.

² Луговской В. А. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. – М., 1988. – С. 329.

Строке моей не пожалей ты пламенной красоты!.. (или дай моей строке ты пламенную страсть).

И желание поэта сбылось. Строка сияет пламенной красотой. Но не Кобанское ущелье одарило стих красотой, а сам поэт. Тем, что так естественна связь прошлого и настоящего в его строках. И напрасны сомнения автора, что «Вдруг нет небесной чистоты в моих стихах». Вот это и есть поэзия! «Поэзия – вся! – езда в неземное», – говорил Владимир Маяковский. Но поэт Камал Ходов эту обворожительную силу стиха делает послушной, умело связывает ворожбу стиха с реальной действительностью и получается то великолепие, что преподносится читателю. И уже ничего не будет значить то, что после смерти лирического героя кто-то будет сетовать, что, был он непослушен, своеволен, вел себя иногда вызывающе – мы будем верить только слову поэта. Поэтому он может гордо сказать: «И в поэзии, и в застолье я никогда не был неискренен, никогда не говорил я неправду народу» («И человек и растения – все...»).

У лжи нет настоящего, стоит ли говорить о ее будущем? Не зря осетинская народная мудрость гласит: «У лжи короткие ноги». Потому и в уста лирического героя вложена мысль, что когда уйдет он в мир иной, то «одни окаменеют от горя», а другие будут бить кулаком себя в грудь, что «Не было у усопшего друга ближе, чем он».

Человеку часто приходится встречаться в жизни с несправедливостью, ложью, клятвопреступлениями. Известный осетинский поэт Александр Царукаев по этому поводу говорил, что один из тех, кто все время восторгался его отцом, в коварном тридцать седьмом, резко изменился, когда отца поэта посадили. О нем и говорит в своем стихе поэт: «Один из убийц моего отца вот он, и это – правда!» И в век, когда в жизни много такого «добра», человек особо начинает ценить правду. И если писателю удастся убедить нас в своей правоте в начале произведения, то дальше мы уже верим ею безоговорочно.

Мерой этой правды оценивает лирический герой и своих старших. Он готов и на том свете прислуживать им как младший. Но правды ради хочет уточнить – за что их можно ценить: «Но я ценил одних за годы, других за правду я ценил». И это наша повседневная жизнь.

Поэзия во всех своих формах большей частью есть показатель широты души поэта. А то, что человек говорит не от души – будь это, даже проклятие, – не так воспринимается слушателем. Она может рассмешить, может задеть, но к глубоким чувствам точно не располагает.

Во многих поэтических произведениях даже известных поэтов вроде бы присутствует все: проблема, сюжет, изобразительные средства, всевозможные лирические отступления, мудрые мысли, но за душу они не берут. Ищешь сердцем то душевное, которое хотелось услышать, но не находишь. «Собранные в кучу образы», к сожалению, говорят только о себе и больше ни о чем.

Редко, очень редко они могут взлететь до звездных высот, но опять-таки и оттуда будут блеснуть холодным блеском звезды».

Ахсар Кодзати, как-то сказал: «Не бывает красивым слово правдивое, а красивое слово – правдивым». То же самое можно сказать и о красивом описании. Не всегда оно изображает правдивую картину, правду жизни. Правда – это что-то другое. Правда – это то, чем поэтический мир художника слова освещается подобно звездному небу, и таким искрящимся представляется и читателю. И секрет созидания такой правды известен Камалу Ходову, гармонично превращающему драматические ситуации жизни в художественные произведения.

Глава 2 ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ЛИРИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ ПОЭТА

1

Человека, который сам никогда не обманывает народ, можно назвать поборником правды, борцом за истину. Основой поэзии Камала Ходова тоже является правда. Душа его дышит правдой. По-другому и нельзя. Коста Хетагуров писал Анне Цаликовой: «Из всех писателей мира, может быть, из 100000 один ухитрится не проявить в своих произведениях особенностей своей натуры».¹

Правда, подобно свече, светит изнутри. Без правды не бывает поэзии. Собственно поэзия сама является правдой. Правдой, которая поет о чести, о человеке, о мужестве, которая уничтожает черные силы, коварство и ложь. Поэзия Камала светоносна, она уничтожает тьму. Именно поэтому он говорит в «Монологе полуночи»:

*Я с некоторыми поэтами
Не спорю:
Меня не трогают образы,
Которые не говорят о ранах сердца.*

Стихотворение написано верлибром. Эта форма никогда не была чужда нашей поэзии, народному творчеству. Наши мудрые предки умело пользовались ею.

Обратимся к «Песне Аларды»:²

*Аларды спустился с небес
По золотой лестнице,
Навстречу ему вышла Мать Мария:
Куда держишь путь, горный ангел?
Аларды отвечает ей:
– Иду к бедным горцам.
Тогда Мать Мария взмолилась:
– Прими под свое покровительство тех, что я дала (детей) –
Как ты к нам играючи – пришел,
Так, смеясь, оставь нас.³*

Произведение скомпоновано благодаря мысли и внутреннему ритму. В нем нет определенной ритмической строфы, оно не делится на строфы, но мы чувствуем его сердцем, оно не оставляет нас равнодушным.

Как хорошо бы она звучала под звуки хьысын фандыра! Как приятно было бы ее слушать! Собственно, по-другому и быть не может, ибо она у нас в крови, в венах. Предки передали нам ее и мы, в свою очередь, сами того не осознавая, передаем ее грядущим

¹ Хетагуров К. Л. Собр.соч. в 3 т. Т. 3. – М., 1974. – С. 306.

² Аларды – ангел.

³ Ирон адæмон сфæлдыстад в 2 т. Т. 2. – Дзауджыхъæу, 2007. – С. 347.

поколениям. Однажды Цомак Гадиев решил познакомить своего отца Сека с особенностями тонического стихосложения, но когда дело дошло до стоп, Сека ему сказал: «Да, но разве это стихосложение лучше, чем слова, которые сами по себе произносятся гладко...»¹ Сека больше была по душе свободная форма стиха. Некоторые из наших «ученых» навязывали ему тонические стихосложение, упрекали: «Пишешь чудесные стихи, но делать их не умеешь»,² Но он писал так, как подсказывали ему его сердце и его природный талант. Именно потому он подарил нам написанное верлибром прекрасное стихотворение «Горе гор» («Хæхты мæт»):

*На машине я возвращался на любимую родину,
Из машины я окидывал взглядом местность:
Виднелись мне вдали наши кручи, наши горы,
Виднелись наши ледники, белоголовые скалы, –
Они побелели от снега – от своего горя.
Печально в свои объятья они заключили аулы,
Что-то говорят им тайком:
«Помогите своей стране, своим кручам, своим деревням!»
Печально склонив головы, плача, наших мужчин
Они действительно просят...»³*

Подобно реке это стихотворение мощно устремилась вперед и не оставляет равнодушным читателя. Не замечаешь, в какой форме оно написано, если специально не обратить на это внимание.

В 60-е годы когда верлибр «ворвался» в осетинскую профессиональную поэзию, его приняли далеко не все, аргументируя свое неприятие тем, что он чужд осетинской поэзии.

Даже такой опытный поэт и драматург, мастер осетинского литературного языка и классической формы стиха Грис Плиев 10 октября 1970 года в своем письме к Гафезу писал: «Многие из младших поэтов увлеклись верлибром, написали горы стихов, считают его новым явлением, не думая о том, что он существует сотни лет, но в осетинской поэзии он не имеет будущего, наши читатели никогда не воспримут его. Что может быть хуже этого!»⁴

Такие мысли часто появлялись и в печати. Человеку свойственно ошибаться, но речь не о том. В то время в Северной Осетии больше всех увлекались верлибром Ахсар Кодзати и Камал Ходов, из-за него их творчество подвергалось критике, так как некоторым литераторам эта форма казалась неприемлемой для ритмомелодики осетинской речи. Однако сегодня вполне обоснованно можно утверждать, что верлибр не чужд нашей поэзии. И этот факт подтверждается словами Юрия Кузнецова, которого называют последним классиком русской поэзии, в послесловии к книге Ахсара Кодзати «Яблоко Нартов»: «А. Кодзати в совершенстве владеет такой трудной формой поэтического мышления, как верлибр».⁵

Эти слова с полным правом можно отнести и к Камалу Ходову. Он также умело пользуется верлибром. Но речь шла о поэзии поэта и правде жизни.

Поэт «пугает» свое сердце и шар земной («О, народ»), и тогда он тяготеет к философской романтике, и произведение становится подлинно поэтическим. Поэт показывает нам подлинную правду романтической души – правду души лирического героя.

¹ Г æ д и а т ы Ц о м а х ь. Уацмыстæ. – Дзæуджыхъæу, 1959. – С. 469.

² Г æ д и а т ы С е к ь а. Равзаргæ уацмыстæ. – Цхинвал, 1979. – С. 368.

³ Г æ д и а т ы С е к ь а. Равзаргæ уацмыстæ. – Цхинвал, 1979. – С. 12.

⁴ Мах дуг, 2003. №10. С. 126-127.

⁵ К о д з а т и А. М. Яблоко Нартов. – М., 1974. – 4 с. обложки.

Его сердце является частью земного шара, и оно вернется туда: «Выброшенный вулканом красный раскаленный камень вернется обратно в лоно земли», – но это не мешает ему размышлять. Потому, что силой его наделяет самая великая сила на земном шаре – народ, люди.

Знает, что он мал по сравнению с народом, но вместе с тем сознает и то, что тот, кто является представителем народа, живет его жизнью, борется за его счастье, тот получает силу от родимой земли: «Моя надежда – сильна как горы моей Осетии», – и ее нельзя унижить, победить.

И это должно быть так: если за одним героем не будет следовать другой, если их успехи не будут чередоваться, тогда жизнь остановится. И человечество нужно уберечь от этой беды.

Если служитель Мельпамены не будет наделен свойствами гения, он не сможет создать ничего настоящего. Тот, кто тяготеет к преступлениям, не рожден творить благородные деяния. Именно поэтому сказал настоящий гений русской поэзии Александр Пушкин: «...гений и злодейство – две вещи несовместные».¹

Человек, наделенный благородством, многое может. Он может взять в руки раскаленный земной шар, обжечься, но и это его не испугает. Созидатель, человек, который живет во имя жизни на земле боится другого пусть на земле никогда не погаснет огонь счастья! Именно поэтому распростер свои объятия лирический герой Камала: «Я вас так сильно люблю, Что пишу эти строки, И тайно плачу...».

Шамиль Джикаев сказал о Нигере: «Поэт бережет свою честь»,² но эти слова справедливо можно отнести и к К. Ходову. Самое большое впечатление производит правда этого тайного плача: благодаря этой детали мы верим каждому слову поэта. Такой чудодейственной силой наделено искусство.

Последняя строка стихотворения – это этико-философский призыв к народу: «Она подарила вам жизнь. Она не хочет брать ее обратно, зачем же вы насилуете ее?» – (т.е. землю)». Воздействие на читателя усиливается финалом стихотворения:

*О, послушайте,
Люди!
Не играйте с огнем!
Я заклинаю вас,
Берегите вашу землю!*

Может, издревле мы не ценим нашу землю, легкомысленно относимся к ней, и потому эти строки производят такое сильное впечатление?

Но этические призывы, выраженные в виде образов, гораздо сильнее впечатляют. Камал выражает свое понимание взаимоотношений человека и природы языком поэзии, пожалуй, именно о таких безупречных по форме и сильных по содержанию строках. Об этом писал Хаджи-Мурат Дзуццати: «Определенность образа и эстетическое содержание должны идти рядом».³ Поэту удается это, чем он подкупает сердца любителей поэзии.

Поэзия Камала реалистична, но он может неожиданно облечь ее в романтические одежды: «в груди моей трепещет шар земной», – так может сказать только поэт, который не делит людей на худощавых и толстых, на синих и бурых, а ценит их по личностным качествам и ради них готов на все.

Коттон Мэзер писал: «... у каждого должен быть свой собственный слог, который и будет отличать его от других, подобно походке».⁴ А почерк нашего поэта нельзя спутать ни с чьим. Когда утром восходит солнце, его лучи отражаются в окнах домов, а счастье

¹ Пушкин А. С. Собр.соч. в 10 т. Т. 4. – М, 1975. – С. 286.

² Джыккайты Шамиль. Ныхасы фарн. – Джауджыхъау, 1996. – С. 183.

³ Дзуццаты Хадзы-Мурат. Бæрндзинад. – Цхинвал, 1976. – С. 146.

⁴ Коттон Мэзер. Политический слог // Писатели США о литературе в 2 т. Т. 1. – М., 1982. – С 12.

улыбается ему из глаз человеческих. И он не удивляется тому, что те гении, которые боролись за счастье народа, живут в народном сердце. Приятно ему и то, что новые гении спят в колыбели.

Такова философия жизни, и с этим надо считаться. Потому поэт взывает к народам, чтобы они не разводили огонь войны, не глумились над землей, которая подарила им жизнь, не насиловали ее. Насилием является и то, что человек носит маску, прикидывается другом, а в глубине души строит козни ближнему («Два лица»). Поэт ненавидит таких людей, потому что они отравляют жизнь другим. Он понимает, что обязан народу говорить правду. Если этого не произойдет, то люди перестанут ему верить. Как не верят двуличным, так не поверят и поэту. Не поверят они и его произведениям.

Все это прекрасно сознает Камал-поэт:

*Здесь – ливень, там – живи в блаженстве,
Вместо злодеяний – черный хлеб и чай.
Как можно: одной ногой стоять на небе,
А другой ногою упираться в землю?*

(«Здесь – ливень...»)

Можно одной пулей ранить оленя в ногу и голову, можно одним выстрелом убить двух зайцев, но, «стоять одной ногой на небе, а другой – упираться в землю», губительно для любого, да и опасно для окружающих такое соседство. Такие люди коварны, им никогда нельзя доверять.

Поэт клеймит плохих людей, даже если они его родственники. Именно поэтому он взывает к высокому фарну¹ Ирыстона:

*Когда коварный черный человек, лицемер на большом Ныхасе²
Льстивыми словами будет строить баиню,
Пусть против него выступит фарн Правды,
Чтоб он, не утолив жажды ушел с берега реки!*

*Кто похож на редис:
Обличьем – красный, а нутром – белый,
И кто все же клеветет на других –
О мира фарн! Порази его стрелой!*

(«Гост»)

«Кто похож на редис: Обличьем – красный, а нутром белый...» Очень обрезающее выражение! Но только эти «красные» не постарались как следует воспользоваться благами социализма, разрушили жизнь трудящихся масс и отдали их в руки торгашей и мошенников.

И поэт, как будто предчувствуя это, призывал фарн мира, чтобы он наказал их, но мы молимся ему с пустыми руками, а они, нехристи, за обильными столами. И везет им. Как сказал греческий писатель-сатирик Лукиан: «...боги ничего не делают безвозмездно, но продают людям различные блага: и можно у них здоровье купить по случаю за бычка, а богатство – за четырех быков...»³

Но как бы то ни было – окаянные претворяют в реальность свои черные замыслы. Правда, у поэта в оригинале вместо фарна мира стоит святой Уастырджи,⁴ которого наш народ почитает как бога, но, в свое время, по воле цензуры текст сокращался, а отдельные

¹ Ф а р н (осет.) – счастье, мир, достоинство, слава, благоденствие...

² Н ы х а с (осет.) – место сходов.

³ Л у к и а н. Избр. атеистич. произвед. – М., 1955. – С. 220.

⁴ У а с т ы р д ж и (осет.) – покровитель путников и мужчин.

слова даже заменялись другими. Например, в бюллетене, который был выпущен редакцией газеты «Растдзинад» в 1990 году, заключительную строфу стихотворения просто убрали. А эта строфа была одной из самых удачных в стихотворении:

*Табу тебе, молюсь тебе на коленях,
Да будут угодны тебе эти три пирога.
Я знаю, ты услышишь мои мольбы –
С небожителями осетины сидели за одним столом.*

Те, у которых только обличье было красным, знали, как защитить себя и присвоить народные богатства.

Но если один человек поработает другого, то силе надо противопоставить силу. В Осетии и сегодня нет спокойной жизни, но когда по воле вероломных соседей в 1991 году пролилась безвинная осетинская кровь, Камал написал одно из лучших своих стихотворений – «Старая современная песня». Оно переполнено душевными муками поэта:

*Не оставляют (в живых) ни стариков, ни детей,
Враги вооружились против нас ножами...
Аланская кипучая кровь, восстань!
Или – смерть, или – жизнь!*

Искусство всесильно, оно влечет к себе человеческие умы и сердца. Иначе может случиться, что мы не можем оторваться от строк, повествующих о смерти? Но точные, вдохновленные слова поэта завораживают нас. И нам кажется, будто мы уснули мертвым сном и все никак не можем проснуться, чувствуем, как «черная ядовитая стрела», как змея» трепещет «в аланской груди».

А если это так, то не только мы, люди, но и горы не должны больше на нас смотреть. Горы, которые так любили наши предки, не должны безмолвно взирать на нашу беду. А сами мы должны стать на голову выше и сильнее. Ведь мы переживали и более страшные времена. Вот что пишет Феликс Гутнов о положении, в котором мы очутились после вторжения кровопийцы Тимура в Осетию: «В. Чудинов, например, писал, осетины «быстро ассимилировались», утратив свою народность, «так что среди них трудно услышать их собственный язык». И вообще, «за пределами 1830 года у осетин нет более истории». Тем не менее, несмотря на столь страшные прогнозы «специалистов», народ живет и развивается».¹

Поэтому Камал говорит:

*О, нет, о суровой слове, чести скифов
Еще не померкли воспоминания.
Стоят, подобно древним (старинным) газырям,
Сплоченно их потомки.*

*Их фарн выше синего неба
И если потребуется проявить отвагу,
Тогда из черной глубины земли
Их корни пустят ростки.*

Но поэт никому не угрожает, не призывает к войне. Не хочет принести кому-то несчастье. Это было бы бесчестьем, преступлением. Тогда бы мы уподобились тем,

¹ Г у т н о в Ф. Х. Аристократия алан. – Владикавказ, 1995. – С. 137.

которые убивают наших стариков и детей. Но осетин выше этого. Они должны прильнуть «к огненной гриве своего коня» и сражаться со своим врагом в открытом бою.

Поэт знает, что наш враг коварен, действует тайно. Он жесток – убивает стариков и детей. Но все же мы должны сражаться с ним в открытом бою.

И мы верим его слову, ибо в те времена, когда наш предок «своей стальной грудью льнул к гриве своего коня» и сражался «в открытом бою со своими врагами», трусу никто не подавал руки, а наши предки были едины, как старинные газыри.

Камал своим поэтическим словом никого не унижает, никому не приносит несчастья, но борется за свободу души. Подобно свободе собственной души, ему дорога и чужая свобода. Несчастье другого не дает ему покоя:

*Я бы спокойно заправил свою дорогую ручку,
И, сытый, вел бы рифмованный разговор...
Но я вижу:
Над Грецией синеву неба
Своими клювами раздирают черные вороны.
(«И я бы писал о красных розах...»)*

Все это не дает поэту жить спокойно, а так он бы тоже легко нашел, чьи порадовать тело и душу. И писал бы о пламенных молниях. И равнодушно взирал на то, как сильный угнетает слабого. Но он не может так жить. У поэта иная цель в жизни. Как сказал М. Горький: «Безумству храбрых поем мы славу! Безумство храбрых – вот мудрость жизни!»¹

Тот синий огонь, который вылетает «из глаз поэта – лирического героя – сильнее ударив громом Елиа!» Такое, может быть, и дерзкое слово (не декларативное, не искусственно «кучерявое») обращает на себя внимание читателя. Вдохновляет его нести в мир идеи лирического героя, бороться за них. Высоко ценить правду и поклоняться ей.

Время очень жестоко. Нафи Джусойты пишет в своем письме к Расулу Гамзатову: «...время наше столь необычно, прямо-таки расхристанно, что добрые обычаи-свычаи отодвинулись на обочину и мысль невольно бредет по нехоженой тропе тревог и волнений, скорби и печали, безнадежно ища защиты для людей от скверны и насилия, от вселенской лжи и демагогии, заполнивших почти все неправедные уста и средства общественной информации, превративших Слово, святое для Поэта Слово, в средство обмана и обезмысливания».²

В то время, как и ныне, мы сильно нуждались в таком слове. Поэтому подобные произведения вызывают пристальный интерес читателей и имеют огромное значение в нашей жизни. Так будет продолжаться до тех пор, пока сильный будет угнетать слабого, коварный – справедливого.

Камал писал эти стихотворения юношей, но сегодня их значение еще более возросло, потому что идет беспощадная война, война, которую еще не знала история – тайные деструктивные силы стремятся захватить власть во многих бывших республиках СССР и творят все, что им заблагорассудится: грабят, уничтожают целые народы, захватывают чужие земли.

И как будто о них говорит поэт в стихотворении «Я вижу»:

*Я вижу –
Но есть слепые!
Я слышу –
Но есть глухие!
Я пишу –*

¹ Горький М. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. – М., 1979. – С. 155.

² Джусойты Н. Г. Книга друзей. – Нальчик, 2003. – С. 171.

*Но есть калеки!
Я пою –
Но есть немые!
Именно поэтому я печален!*

Камал Ходов высказывает эти мысли от имени чилийского поэта и певца Виктора Хары. Сторонники военной хунты сначала сломали ему пальцы, а после убили самым жестоким образом. Потом что он видел все и писал обо всем, а трусы, которые окружали его, молчали, и зло восторжествовало.

А на смену торжествующему злу приходит фашизм. Герой Камала Виктор Хара именно поэтому «не думает» о своей смерти и, умирая, печалится о том, что сделают эти нелюди с жизнью. Поэтому у него вырывается стон:

*Я умираю,
Но есть фашисты!..*

Если бы этих фашистов сегодня все видели, и знали, против них было бы легче бороться. И даже если их никто не видит, никто не знает, никто не слышит, Камал все равно их увидит, узнает и услышит, потому что он – поэт. Потому и воспринимает так обостренно все, что происходит вокруг.

Чтобы любить чужую родину как свою, уважать чужой кров, как свой, надо быть обладателем благородного сердца. Камалу Ходову, подобно его родному селу Батако, сельскому кладбищу, башням Цымыги, ливням Стыр кома, ущелью Бида, Кобанскому ущелью, ущелью Касарта близки и дороги чилийской земли, свобода Вьетнама и синева неба Греции...

*По белой бумаге рассыпаю черные буквы,
Мои светлые мечты переношу на нее:
В груди поэта никогда не жила тьма –
Горе народа– его горе.*

*С детских лет я переживал
За чужое высокое счастье...
Народ, народ, борющийся за правду, –
Если умру, то только за тебя!*
(«По белой бумаге рассыпаю черные буквы»)

О том, как нужно разделять чужое горе, в минуту несчастья встать рядом с пострадавшим, написаны стихотворения «Жизнь», «Мать, носящая траур», «Земля терпит все, что падает с неба», «Эпитафия о незнакомом человеке» и многие другие.

Для беззаботного человека даже скала в руке другого – всего лишь крошечный камень. И такой человек, если даже очень захочет, никогда не сможет по достоинству оценить жизнь. Но человек, который ратует за народ, всегда будет страдать от народной беды.

К таким поэтам относится Камал Ходов.

Доказательством верности моих слов является его стихотворение «Все, что падает с неба, выносит земля...». Произведение небольшое по объему, но компактное. Все в нем на месте:

*В тяжелом бою погиб единственный сын матери,
мать рвала волосы клочьями...
Все утешали ее:*

*«Жестока жизнь...
Успокойся...»*

Но это были только слова утешения. Слова, которые говорят люди, не способные разделять чужое горе. Сердцу от них не становится легче. Мать утешают, но эти слова утешения не доходят до нее.

Вот поэтому Кайсын Кулиев с болью в душе писал: «Первой пулей на войне любой Поражает сердце материнское. Кто бы ни выиграл последний бой, Но страдает сердце материнское»¹.

Стихотворение Камала доходит до кульминационной точки. Туда, куда, стремился поэт и его потрясает даже самых жестокосердых людей:

*Пришла осень ее жизни.
В рот не брала даже маковую росинку.
...То, что падает с неба,
Выносит земля,
Но его
не переносит
сердце!..*

Чувствительное сердце не сможет перенести такое горе. И поэт не скажет о нем на одном дыхании. Потому последняя строка наполнена такой болью.

Исповедь поэта наводит нас на грустные размышления. приводит к философским мыслям. В общежитье, где вечно борются правда и ложь, хорошее и плохое, свет и тьма, человек должен стремиться в будущее. Должен бороться за него. Должен почитать красоту. Должен жертвовать своей головой так, как этого требует от него Аполлон.²

Все это мы видим в поэзии Камала. Этой правдой дышат его произведения. Она им дает поэтические образы, душу и силу. Вместе с поэтом они вдохновляют нас на жестокую битву против несправедливости жизни. Об этом говорят полуразрушенные башни наших предков:

*Где в унисон гремели раскаленные орудия,
Там теперь дорога для путников свободна.
Теперь там сыновья Ирыстона поют «Додой»,
От их громкого пения разрушаются скалы.
(«Башни Цымыти»)*

Эта праведная кровь нигде так не проливалась как в Осетии. «На Юге Осетии и снег горел»³.

Болезнь душой из-за этой праведной крови, ценить ее поэт научился у наших предков. Она заставляет его говорить. Если человеку есть, что сказать, и он сумеет это сделать, то слушатель всегда найдется.

И – слава Богу.

Камалу Ходову дороги не только Мисост Камбердиев, Хазби Калоев, Хазби Дзаболов, Георгий Бестауты, но и Александр Пушкин, Пабло Неруда, Виктор Хара. ...И как бы он о них ни писал, слово его всегда бывает вдохновенным, заставляет читателя волноваться.

Чтобы показать характеры своих героев, обрисовать время в котором они живут, Камал находит необходимые художественные средства. Вместе с тем он не показывает

¹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. – М., 1987. – С. 153.

² Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. – М., 1974. – С. 110.

³ Коллектив авторов. На Юге Осетии и снег горел. 1-ая книга. – Цхинвал. 2006.

жизнь своего героя последовательно, это утомляет, а Камал хорошо разбирается в психологии читателя, умеет заострить его внимание на каком-то определенном моменте и, конечно, от этого выигрывает его произведение.

Георгий Бестауты писал о маленькой поэтической книге «Радость» Мисоста Камбердиева: «...возьмите эту книгу, прочитайте ее, и перед вашими глазами встанет бесконечное поэтическое море: оно блещет, сверкает; вскипает его пучина и его огненные волны взлетают в небо, а иногда, подобно слезе, чистые, блестят под мягкими лучами луны».¹

Камалу Ходову понадобилось всего несколько строк, для того, чтобы показать жизнь и творческую дорогу яркой звезды осетинской поэзии Мисоста Камбердиева, который ушел из жизни в возрасте 22 лет: «Не достиг я // того, чего мог...// Мои строки, // будьте свидетелями мне: // в огне сдерживаемого темперамента // душа моя // превратилась // в золу» («Мисост Камбердиев»).

Поэт приводит всего два факта, но суть их одна. Мисост не смог полностью проявить себя, потому что вынужден был сдерживать свой темперамент, не мог писать то, что хотел, поэтому в пылающем костре превратился в синюю золу.

Стихи-посвящения в особенности выигрывают еще и потому, что образы тех, о ком он пишет, занимают в его сердце большое место и для того, чтобы их раскрыть, он находит такие детали, благодаря которым эти образы становятся близки к нам. Его печаль становится нашей печалью. О покойном талантливом поэте Хазби Дзаболове Камал пишет: «... душе поэта были присущи два свойства, которые, на первый взгляд, казались разными – небесная скромность и безжалостная, жестокая принципиальность».²

Эти черты характера возвышали его, и потому неожиданная смерть друга породила в душе поэта печаль, которая выразилась в прекрасных поэтических строках («Вместе с тобой нам...»).

Читая стихотворение, которое Камал посвятил поэту Георгию Бестауты при его жизни («В гостях»), мы также мечтаем «попасть в Кударское ущелье», увидеть «гостеприимных людей», посидеть в ресторане «Ерцо», «спеть громко», «поговорить о наших горестях и радостях», «обратить на мир огонь любви», но «...когда каждый из нас вернется домой, тогда в своей комнате он будет грустить о чем-то...» И вот это «о чем-то» и есть поэзия. И если поэту достанет таланта вынести это «что-то» на суд читателя, тогда он найдет дорогу к сердцам людей, и они, в свой черед будут «грустить о чем-то».

По словам Ахсара Кодзати Хаджи-Мурат Дзуцати говорил: «Гордость нашей поэзии Хазби Калоев является безмерной печалью нашей поэзии».³ И в «Последнем часе Хазби Калоева» читаем, как талантливый молодой поэт в Великую Отечественную войну в горящем танке, – «подобно красному горящему сердцу, безмерно страдает», – но идет вперед. В своем последнем монологе герой говорит о трагедии своей души и своего времени – «с грохотом за мной мосты горят», «однообразное пульсирование висков гнетет меня», и когда ему стало совсем плохо, перед ним появилась радуга – «мост богов», дорога в рай, к Победе...

Камал «украсил» монолог Хазби Калоева разными яркими сравнениями и метафорами, и другими художественными средствами, но нас трогает, только когда он от риторики переходит к тому, что мы называем «что-то»:

Наверное...

В Осетии...

Покраснели плоды тутового дерева...

¹ Бестауты Гиургий. Уацмысты æмбырдгонд (Собр. соч.) 3 т. Т. 3. – Дзауджыхъæу, 2004. – С. 27.

² Дзаболаты Хазби. Уацмыстæ. – Дзауджыхъæу, 1974. – С. 3.

³ Хъодзаты Ахсар. Ацы чиныджы тыххæй // Калоты Хазби. Уацмыстæ. – Дзауджыхъæу, 1976. – С. 5.

Особенно волнует душу читающего строки: «... О, если бы я успел хотя бы прочесть письмо, Которое получил сегодня из Ирыстона...» Такая концовка заставляет забыть о повседневной риторике, от которой читатель начинает уставать. Это говорит о мастерстве Камала, он знает, как поразить воображение читателя, овладеть его чувствами.

Нелегко поэту вспоминать друзей, которые безвременно ушли из жизни. Печаль его усиливается, ее сменяют тоска и отчаяние:

*Когда-то
И гора
была
для меня порогом...
Моя надежда
не могла пошатнуться...
Все ниже
и ниже
склоняется моя голова.
Половину моей души
вы взяли с собой...*

Посвящено стихотворение рано ушедшим на тот свет прекрасным осетинским поэтам Хазби Дзаболову и Георгию Бестауты.

Вдохновенно написаны «Сердце поэта» – о Пабло Неруде, «Пушкин», «Я вижу» – о Викторе Харе и другие стихотворные посвящения. Когда фашизм истребляет таких известных всему миру благодаря их великому искусству¹ и высокому гуманизму поэтов, как Пабло Неруда, это не может не волновать их собратьев по перу в любом уголке мира. Каждому поэту известно, как трудно создавать. Наряду с тем, что ты должен описать жизненные обстоятельства и характер определенного человека там должны ощущаться и биение твоего сердца, и дыхание твоей души, и, конечно же души человека, имя которого ты хочешь увековечить. И все это должно быть высказано художественно выразительно, эмоционально точно.

Таким образом, подобные произведения ставить автора в определенные рамки. Поэт не спешит высказаться, пока в его сердце не созреет то, что он хочет сказать. И этим выигрывает. И, подобно Пабло Неруде, предупреждает нас: «Осторожней с жизнью!»²

2

Поэтическое видение Камала Ходова удивительно чистое и красивое. Благодаря поэту читатель становится обладателем сотен глаз и ушей, начинает видеть то прекрасное, мимо чего раньше равнодушно проходил. Иногда простые, ежедневные слова в произведениях поэта становятся высокопарными выражениями. С их помощью перед нами открывается прекрасный и оригинальный мир взглядов поэта.

Камал смотрит на мир особым взглядом и дает нам возможность ощутить своеобразие своего поэтического видения: «Что же интересует художника в действительности, на чем он останавливает свое внимание среди жизненных явлений».³ И как он исполняет задуманное?

Это увлекает за собой читателя. Пока он не познакомился с творчеством поэта, он мог не видеть всей красоты природы, но потом, даже в привычном и однообразном, он начинает замечать что-то особенное, которое навсегда остается с ним. И это благодаря поэзии.

¹ Тейтельбойм В. Поэт борьбы и любви // Неруда Пабло. Местоительство – земля. – М., 1977. – С. 12.

² Неруда Пабло. Местоительство – земля. – М., 1977. – С. 399.

³ Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. – М., 1976. – С. 24.

Аристотель, имея в виду поэтику, писал: «Породили поэтическое искусство явным образом две причины, и обе естественные. Ведь подражать присуще людям с детства: люди тем ведь и отличаются от остальных существ, что склоннее всех к подражанию, и даже первые познания приобретают путем подражания, и результаты подражания всем доставляют удовольствие; доказательство этому – факты: на что нам неприятно смотреть в действительности, на что мы с удовольствием смотрим в самых точных изображениях, например, на облики гнуснейших животных и на трупы. Объясняется же это тем, что познание – приятнейшее дело не только для философов, но равным образом и для прочих людей, только последние причастны ему в меньшей степени. Глядя на изображения, они радуются, потому что могут при таком созерцании поучаться и рассуждать, что есть что, например: «В это такой-то!»: если же изображенного не случилось видеть прежде, то удовольствие бывает не от подражания, а от отделки, краски и тому подобных причин. И вот, так как подражание свойственно нам по природе не менее, чем гармония и ритм (а что метры – это частные случаи ритмов, видно всякому), то с самого начала одаренные люди, постепенно развивая свои способности, породили из своих импровизаций (autoskhediasmata) поэзию».¹

Поэтическая сила Камала в том, что он видит такие вещи, которые не замечают простые смертные. Он в обыденных вроде бы явлениях находит поэзию и в изысканно художественном виде доводит ее до своих благодарных читателей.

*Я давно не сидел рядом с нашим очагом,
но мне казалось:
в наш дымоход падали звезды
и в нашей печи горел огонь.*
(«Я давно не сидел рядом с нашим очагом»)

Это четверостишие состоит из одного предложения, но его содержание значительно и весомо. Одно то, что лирический герой давно не был у родного очага, но тот греет его по-прежнему, трогает наши души, согревает наши сердца. В поисках лучшей доли мы скитаемся по свету, а наши родные места обезлюдели. Наши сердца тоскуют по родным очагам. И такие воспоминания поэта заставляют биться наши сердца учащеннее.

Во-вторых, поэт создал интересный поэтический образ – в очаг упали звезды, и в печи разгорелся огонь.

По мнению Аристотеля, это верно: «Задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости».²

Но, манящая за собой читателя мысль, заложенная в стихотворении, на этом не заканчивается. Лирический герой давно не был дома, но все-таки не дал погаснуть огню в своем очаге. Он скромненький, как и полагается парням в его возрасте, и не хвалится этим, но если «падали в очаг звезды», то кроме него кто мог способствовать этому: только вдохновению поэта под силу такое чудо.

Трудно постигнуть магию создания поэтического образа: слово имеет много граней и не успеваем даже осознать смысл произведения, как оно многочисленными чувственными ассоциациями согревает нам душу.

Стихи Камала трогают удивительно верной интонацией, которую всегда диктует тема разговора. А темы, конечно, бывают разные, и поэт хорошо знает, что и как нужно сказать – «в художественных произведениях язык является не только средством выражения мысли, но и средством построения, создания образа».³

¹ Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. – М., 1984. – С. 648-649.

² Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. – М., 1984. – С. 655.

³ Кожина М. А. О понятии стиля и месте языка художественной литературы. – Пермь, 1962. – С. 50.

В стихотворении «Останкинская башня ночью» читаем: «Высокая Останкинская башня, Содрогаясь, очутилась в синем небе... Своими налитыми кровью глазами смотрит Вниз на танец белых берез».

Поэт говорит только об Останкинской башне, но читатель между строк читает: XX век вторгся в небо, заставив богов потесниться; новый – XXI век – начался с того, что принялся бороздить небо кометами, что не так уж приятно небесам... Вселенная, подобно человеческому телу, представляет собой единое целое. Во Вселенной как и в человеческом организме, нет ничего лишнего. Разрушение Вселенной подобно расчленению человеческого тела. И если Останкинская башня смотрит сверху на танец белых берез, то все-таки ее глаза «кровавы». Потому что случилось то, что не должно было случиться: высокая башня вонзилась в синее небо и пролила «кровь облаков», которая «застыла на башне...» Поэтому вопль, который слышится лирическому герою из глубины, представляется криком души природы, хотя он и знает, что это такое.

*Это поезд стоит внизу,
На железных рельсах дрожит,
И его печальный крик, – у-у-у –
Почему-то трогает душу.*

*Ночь...
Смотрю на Москву-реку.
Ее глубин коснулся свет луны...
Красноглазая Останкинская башня
Со стоном пронзила грудь неба.*

Внимательный читатель догадался, что речь идет о пейзажных стихотворениях Камала Ходова: «Неподдельная близость к природе помогла автору еще в начале 50-х годов разглядеть контуры проблемы, которая стала одной из центральных для нашей поэзии последующего десятилетия, – писал Л. Лавлинский о творчестве русского поэта Сергея Орлова. – Речь идет о сложности взаимоотношений между одушевленным существом и машиной, о некоторых сторонах технического прогресса, представляющих опасность для всего живого».¹ Перед красотами природы даже камень не остается равнодушным, трогается с места и катится. А поэт очень впечатлителен. Сердце его отзывается на все. Гордость испанской поэзии Федерико Гарсиа Лорка в своей книге «Цыганское романсеро» писал: «Я хотел слить цыганскую мифологию со всей сегодняшней обыденностью, и получается что-то странное и, кажется, по-новому прекрасное».² А Камал соединяет технический прогресс с волшебными картинами природы и украшает ими свой художественный мир. Таким образом, картины окружающей природы вступают в его художественный мир и своей оригинальностью заставляют читателя переосмыслить некоторые вещи.

По-другому и быть не может. Поэт выбирает каждое свое слово. Подобно золотых дел мастеру, он аккуратно вставляет слова-жемчужины в предложение:

*...На пороге весны
Жизнь изменилась (к лучшему).
Прошлогодня трава
Охвачена огнем...
Козлята – на бугре,
Поле для игр – зеленый участок.
На солнечной стороне ребенок*

¹ Лавлинский Л. Поэзия мужества и доброты // Орлов Сергей. Собр.соч. в 3 т. Т. 1. – М., 1979. – С. 8.

² Гарсиа Лорка Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. – М., 1979. – С. 10.

Строит «дом».
(«Раздумья старого горца»)

Камал солидарен с Жан Жаком Руссо: «Одна только книга открыта всем глазам, это книга природы... Она говорит всем людям и языком, понятным для всех умов».¹

То, что поэт не видит глазом, но чувствует сердцем, особо трогает читателя, впрочем, как и лирического героя, пробуждая уснувшие воспоминания его души. Его пейзажи по-своему красивы и гармоничны с нашей повседневной жизнью.

И что еще следует отметить – поэт свои картины рисует естественно, просто, ненавязчиво, без всяких претензий, как будто бы даже не задумываясь, а просто следуя за своим пером. А дело в том, что этот дар дает сама природа. Именно поэтому Михаил Пришвин говорил: «Мне кажется, что в самой природе таланта заключается какое-то легкомыслие, вроде сорочки счастливого: родился в сорочке, и все как с гуся вода».²

Но простота пейзажных зарисовок очень изысканна: в них нет ни одной лишней детали, ни одного лишнего слова, каждый штрих помогает создать чрезвычайно трогательную картину, которая пробуждает наши воспоминания. «С поздней осени нет снега», к сожалению, «снег не идет» и почва трескается от мороза, сердца животных и людей, привыкших к снегу, приуныли:

*Из сараев смотрят надменно подняв носы
Добротню сделанные домовитыми лесорубами сани.
Ночью
Они изредка скрипят про себя,
Как будто видят во сне прохладный снег...
(«Странная зима»)*

Картины, много раз виденные нами, но не произведение на нас никакого впечатления, теперь не только встают перед нашими глазами, но еще и пробуждают в наших душах жажду жизни.

Это достигается не только посредством образного видения поэта, но от хорошего знания того, о чем он говорит – а речь идет о сельской жизни. Она близка сердцу поэта и благодаря ему нам тоже становится родной.

Сани, добротню сделанные лесорубами – умелыми хозяевами, надменно смотрят на снег. Небрежно сделанные сани никчемных лесорубов даже во сне не будут мечтать о снеге. Не осмелятся даже выйти из сарая. Во сне они даже не заскрипят, скорее, заскулят, подобно щенку, привыкшему к домашнему уюту, но выгнанному за порог во вьюжную ночь.

Деревья в саду тоже не просто засыпают, но засыпают безмолвно. «С их голых ветвей» «гнезда пустые птиц» кажутся людям не просто плодами, а странными плодами. Замерзшие сельские дороги в колдобинах, – в безмолвные ночи по ним на скрипели и гремели колеса арбы. Этот странный скрип, поэт, наверное, слышал много раз, и он часто наводил его на разные размышления. Но здесь главное – совсем другое, самую главную мысль поэт скажет в конце:

Дети волнуются:
Новый год наступит без снега...

Остальные две строки: «О бесснежная зима. Черная зима!» – столько уже не дают ни произведению, ни читателю. Только лишь продолжают ритм. Конечно, же здесь главное – образное видение поэта. Мысли поэта, которые нужно угадывать, читать между строк,

¹ Руссо Ж. Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. – М., 1981. – С. 369.

² Пришвин М. М. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. – М., 1986. – С. 324.

сильнее влияют на человека. Потому что он хорошо знает тайные свойства слова, чувствует его настоящий «вкус». И умеет вынести на суд читателя.

К сожалению, это доступно не каждому. Даже из мастеров слова такого счастья удостаивается не каждый. Л. И. Тимофеев пишет: «Мы очень часто говорим, что одно произведение художественнее другого, что есть произведения малых художественные и т. д., хотя в то же время эти произведения относим к художественной литературе, так как в них налицо основные свойства художественного отражения жизни, т.е. образность».¹

Камалу выпало на долю счастье чувствовать вкус слова, его тайное значение, и это позволяет ему творить талантливые произведения с яркой образностью.

Часто поэт от пейзажных картин переходит к философским обобщениям. Точнее – поэт высказывает свои философские мысли, рисуя пейзажи. Пейзажная лирика помогает ему смотреть на жизнь по-новому, по-своему, по-философски.

В стихотворении «Жизнь» он говорит:

*Женщина больше нравится хрупкостью,
А мужчина –
Своим крепким телосложением, умом.
Красная роза поднимает свою огненную головку.
Шипя, вокруг ее стебля обвилась змея.*

*Мы исследуем луну – мощь нашей эпохи подобна мощи неба,
Но на земле все же проливается праведная кровь.*

Рюрик Тедеты был талантливым поэтом и литературоведом и с гордостью отмечал: «Одним из достижений современной осетинской поэзии является открытие высокой поэзии в вещах и предметах природы»,² – и тому, чтобы он пришел к такой мысли, наверное, способствовала и поэзия Камала Ходова.

Поэт высказывает свои мысли не для того, чтобы красиво расположить слова. Он показывает контрасты жизни так, чтобы читатель ценил добро и боролся против того, что приносит зло. Не случайно К. Маркс сказал в тезисах о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».³

Философская мысль поэта направлена на то, чтобы улучшить жизнь, чтобы змея не обвивалась вокруг стебля цветка (напоминает 7 строку 70-го сонета В. Шекспира – «Червь с удовольствием поедает цветок»⁴), не лилась праведная кровь.

Поэт с любовью рисует картины из прошлой жизни:

*В открытом зеве печки горит огонь...
По стенам движутся тени...*

*Подобно медведю в овраг спустилась
Тьма... Шум воды слышен сильнее.*

*Сидит белобородый старик
Возле печки. Воротит угли...*

*Его день снова подходит к концу –
Дне короче стала его жизнь...*

¹ Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. – М., 1976. – С. 111.

² Тедеты Р. К. Осетинская советская поэзия. – Цхинвал, 1975. – С. 243.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. – М., 1955. – С. 4.

⁴ Шекспир У. Сонеты. – Владикавказ, 2001. – С. 156.

(«Старик и карагач»)

Так поэт рисует прошлую жизнь. Рисует такой, какой она была – красивой и достойной. И эта картина помимо того, что озаряет наши сердца каким-то необычным светом, заставляет нас еще и задуматься.

*Эти дрова плохо горят, – говорят, –
Хорошие дрова дает бузина ...
Правильно: карагач загорается
Не так быстро... – но дает хороший жар...*

*Кожа на лице – сморщенна,
Из тела уходит жизнь, –
Но под седыми лохмотыми бровями
Все же горит синий огонь...*

*...Сколько лет уже прошло!
Но все-таки я вспоминаю:
«Карагач плохо горит,
Но дает хороший жар!..»*

Без сомнения можно сказать, что Камал, показывая картины природы, рассуждая о человеке, о жизни, о мужестве, приходит к глубоким философским обобщениям.

В этом нет ничего удивительного. Поэт откровенно сказал: «Глазам трудно смотреть на яркое солнце...» Но это не мешает ему говорить правду. Поэт открыто бросается в бой: «Усились, ливень! Елиа, греми!» Это символ вечного боя жизни. В таком бою человек не вспоминает о превратностях жизни. Поэтому поэт и говорит: «Не напрасно я жил на свете: / друзей – много, / врагов – / еще больше».

Любую философскую мысль лучше передать опосредованно – через искусство. Камал чаще делает философские обобщения, рисуя картины природы:

*Когда разливается река,
Тогда уносит и старые и новые мосты...*

*Уносит также строителей мостов.
Часто...»*

(«Ошибка»).

Таким образом, поэт представил на суд читателей прекрасный философский верлибр. Когда природа сходит с ума – в небе блещут молнии, по земле текут потоки воды, Терек уносит вместе с гнилыми мостами и пнями «старые и новые мосты... И строителей мостов... Часто на примере разбушевавшейся стихии поэт показывает, что «у большого человека» и ошибки бывают большие. И часто – непоправимые.

Федерико Гарсиа Лорка писал: «Все мы – поэты, которые сейчас с большим или меньшим успехом занимаются обрезкой и подравниванием чрезмерно буйного дерева лирической поэзии, доставшегося нам в наследство от романтиков и постромантиков, – все мы в изумлении замираем перед этими стихами»¹. Чтобы этого не случилось, надо, подобно Камалу, знать меру.

Но, все-таки, нет ничего красивее картин природы. Внутренний голос подсказывает мне, что в состоянии крайнего ожесточения нельзя ни увидеть, ни описать волшебные

¹ Гарсиа Лорка Ф. Избр. произ. в 2 т. Т. 1. – М., 1975. – С. 414.

виды природы. И если Камал видит их, то потому, что они бывают освещены светом его сердца:

*Железный щит алан –
Чуть дальше от меня.
На золотой цепи
Он блестит...
На нитях паутины
Повис листок,
На них, освещенная восходящим солнцем,
Сверкает роса.*

(«Мираж»)

Стихи становятся особо выразительными, когда слова сверкают, подобно каплям росы. Именно поэтому говорил Хаджи-Мурат Дзуццати: «Поэзия – это опасный и коварный жанр. Здесь сильнее всего проявляется сила слова, т. е. красота содержания и формы».¹

А это удастся далеко не всем опытным поэтам! Кроме некоторых счастливых, конечно. И то благодаря упорному труду и таланту. Камал тоже постоянно стремится к этому. И это тяжелый труд, потому что «приходится стоять против инерции содержания и формы. Иначе вместо красивого мы будем получать безобразное, вместо новизны – традиционные стереотипы».²

И у классиков нашей литературы и у наших современных поэтов, можно встретить множество прекрасных описаний природы, но пейзажи Камала отличаются особым очарованием и свежестью, потому что он смотрит на мир совсем другими глазами:

*Горящей саблей кто-то ударил
По сонму туг,
Ох, свою острую саблю он чуть не сломал о тучи –
Она согнулась...*

(«Дождь»).

Показывать картины жизни столь своеобразно, поэту помогает его образное видение. Даже неодушевленные вещи благодаря этому образному видению становятся одушевленными, живыми.

Тучи не просто собрались в одно место, но упали друг на друга, образовав кучу. Каждая из этих туч обладает своей скрытой силой – одинаковыми «зарядами», но эти заряды не встретились друг с другом и не вспыхнули, подобно молнии, а кто-то их ударил горячей саблей и:

*Небо на радостях захохотало во весь рот –
Гремит в ущельях...
Дети стремятся выйти и попасть под дождь –
Мир живет!*

Стихотворение вызывает искренний интерес читателя, сердце его стучит в унисон ударами грома. Как видим, поэзия Камала очень своеобразна. Это дано поэту от Бога. Он не стремится идти по чужим следам, он повернут на том, чтобы влить в осетинскую поэзию струю нового, свежего.

¹ Дзуццаты Хаджи-Мурат. Рæстæг æмæ литературæ. – Цхинвал, 1985. – С. 110-111.

² Там же. С. 111.

*Разум одерживает верх над чувствами,
Ломает ложные крылья призрачных надежд (устремлений).
Крепкая природная сила земного слова
Навевает в сердце приятную грусть.*

*Мое слово становится скромнее, глубже...
Я остаюсь верен одному:
Глубокую мысль вложи в простые слова,
Чтобы строка дрожала, подобно напряженному нерву.*

Поэт прав, что следует своим принципам в творчестве. В общем, у него много стихотворений о том, каким должен быть поэт, какие цели должен ставить перед собой, как должен их выполнять и т. д. Я говорю «много» потому, что другие темы, даже лирические его, видимо, не слишком сильно занимают. Но о поэте, о его труде у него есть хорошие произведения – «Черная работа», «Моему младшему», «Работа», «снова пришла весна», «Творчество», «Если накинуть уздечку...», «Пушкин», «С тобой нам легче было идти», «За перевалом», «Поэзия», «Не хвастайся тем, мой друг, что много пишешь», «Сонет праведного слова», «Моим друзьям-поэтам» и многие другие.

Но Камал, по моему мнению, является Камалом потому, что не повторяет себя. Он творит так, что каждая его строка дрожит, подобно натянутому нерву. Шамиль Джикаев по этому поводу писал: «Осетинский фандыр появился не только ради веселя. Это было благодеянием, которое родилось из великого горя, бесконечного мучения человека. Поэт должен помнить об этом. Кто-то с тобой может не согласиться, но это не должно быть основанием для того, чтобы ты проигнорировал главный принцип жизни – нельзя игнорировать правду. Как сказал Сократ, Платон мне друг, но истина дороже. Если в наше время творческий работник не будет умело пользоваться методом соцреализма, то он не может отрезать в своих работах требования времени, мечты и чаяния народа, помыслы. И поэт, которого Камал создал в своем произведении, не бежит от реальности в мир фантазии, не прячется от жизни, он отвергает пустые, ни к чему не обязывающие слова и стремится говорить живое слово правды».¹ Шамиль имеет в виду образ поэта в стихотворении «Исповедальное слово».

Лирическому герою произведения надоело угождать кому бы то ни было. Он не хочет думать о том, будут ли когда-нибудь читать его произведения и согласятся ли с его позицией. Поэт поставил перед собой иную цель. Вместо того, чтобы писать беззаботные песни, он должен создать такие произведения, которые радовали бы его, а в дальнейшем стали бы для него программными. Одно из них – «Есть один бог для меня – это Правда», в котором он старается поведать божеству о «ранах своего сердца». И если исповедь оставит свой след в сердце молодого парня, то у него есть врожденная сила понимать жизнь и ему можно верить.

Как мы уже говорили, Камал неоднократно пытался создать образ поэта, единственным Богом для которого является правда, собственно как и для него самого.

Правда, трудно угадать, откуда идет изначальный зов к творчеству, раскрывающий «дверь сердца» поэта. Невозможно объяснить, почему возникает необходимая жажда писать, излить душу на бумаге. И. А. Бунин говорил: «...тайна возникновения начального чувства, побуждающая писателя к творчеству, очень трудно уловима».² Большие поэты живут и творят в атмосфере этой тайны. В стихотворении «Творчество» читаем:

*И снова –
Безумный огонь вдохновенья.
Сдерживаемых чувств волнующий трепет...*

¹ Мах дуг, 1967. №6. С. 101 – 102.

² Б у н и н И. А. Собр.соч. в 4 т. Т. 1. – М., 1988. – С. 18.

*Осетинского письма (речи, поэзии) пронзительные строки (звуки)
Подобно буре тумят в сердце...*

*Мгновенье рая! –
Открываю глаза,
Моя одинокая комната кажется мне синим небом...
Не напрасно сказал пророк России (Пушкин):
«Ты царь: живи один.»*

Читая эти строки, мы видим не только эпоху, но и творца в творимом им мире. Он не стремится много писать. В искусстве количество не является показателем творческого успеха. Поэт потому предупреждает своего приятеля, чтобы он не хвастался тем, что много пишет: «Я говорю тебе: нет на земле цены слову, которое рождается само по себе» («Ты много пишешь»...).

И на самом деле, у Камала «слово, рожденное само по себе», о чем бы оно ни было, написано всегда интересно. Трогает сердце и разум человека. Потому, что эти слова рождаются от знания того, что у тьмы и света одна граница, светлый день «борется с тьмой». Лирический герой Камала, хоть и гнетет его рутинная жизнь, мечтает о человеке, который произнесет «сияющее правдивое слово». Как сказал Нафи Джусойты о Нигере: «...вместо волн «беззаботного слова» он предпочитает, когда у поэта голос переполнен горем народа, когда свое печальное слово он может вымолвить с трудом».¹ И если в «Сонете правды» две первые строфы отдают дидактикой, то все-таки подкупают сердце правдой жизни и поэтическими средствами – притча, афоризм, риторический вопрос, рифма:

*Слово человека равносильно его чести.
Что разнит тебя и твое слово?
Если ты хоть раз не сдержал слово –
то из тебя получится пожизненный холоп...
Фарн праведного слова, говорят, не умирает...
И если о тебе пошла такая молва (слава),
тогда успокойся с миром –
правде не нужны подпорки.*

Но для этого нужны непреклонная душа, умение работать и найти слово, «равносильное чести». Но эти качества или свойства не приобретаются – их, как говорят в народе, дает Бог. И он наделил ими Камала Ходова. Наделил щедро, всесторонне – именно поэтому в звонких строках поэта слова несут мысли, подобно блестящим струям водопада.

Говоря о поэте, Камал еще более тщательно подбирает слова. Это бывает особенно трудно, когда поэт хочет сказать что-либо новое в трактовке традиционной темы. Говоря о Нафи Джусойты, как о человеке и поэте, Шамиль Джикаев подчеркнул: «В осетинской поэзии появилась определенная традиция для сотворения образа поэта, корни которого упираются в творчество Коста Хетагурова. Эта традиция разрушилась в 30-40-х годах: поэт больше не был борцом, а стал функционером партии, который писал стихами газетные передовицы. В таких условиях Нафи удалось возродить славные традиции, поднять на былой уровень общественное значение поэта. В его лирике появился новый тип поэта – он в обществе занял определенную гражданскую позицию, не был больше глашатаем постановлений правительства, стал свободным мыслителем и поборником правды».² Эта мысль полностью относится и к Камалу:

¹ Джусойты Нафи. Нигер. – Дзæуджыхъæу, 1990. – С. 179.

² Фидиуæг, 2000. №1. С. 9.

*Прости жене и своим детям
Неблагодарные и меркантильные слова...
«Ремонты», «Серванты», «гарнитуры» –
Мусор!
А поэзия – жива!
(«Надежды»)*

Если поэт не будет претерпевать невзгоды и лишения ради Правды жизни, если его жена будет бегать в поисках «сервантов», «гарнитуров» в угоду своим детям, тогда его труд напрасен. По трудной поэтической стезе может идти только правдивый и целеустремленный человек. Именно поэтому сказал Нафи в своей монографии о Нигере: «Нигер с грустью обращается к тем, которые делают из поэзии «красивое времяпровождение» и говорит, что это не поэзия, что так может поступать только цирковой артист».¹ Именно поэтому обращается Камал Ходов и своему собрату по перу: «Терпи, если неопытные телята – не смогут облегчить твою ношу. Поэт, строками, рожденными твоей печалью, Принеси покой своим недругам!»

Его заставляет писать именно благородная душа, он от природы правдив. И лирический герой стихотворения Камала «Чьи-то голоса раздаются» в своих воспоминаниях отправляется в прошлое, но там люди, которые должны ратовать за правду, выступают против неё, мечтают только о том, как бы достигнуть высоких должностей и жизненных благ. Они враждебно всегда относились к правдолюбцам: «Давайте пожертвуем пока одним из них!»

Именно в такое время нужны поэты, чтобы они давали отпор подхалимам, лизоблюдам, карьеристам и разным ничтожествам. Подобно тому, как сказал о Лермонтове Коста Хетагуров: «О, если бы ты жил теперь, поэт! Твой мощный стих, могучие аккорды Рассеяли б остаток прежней тьмы» («Памяти М. Ю. Лермонтова»)².

Так сложилось, что поэт, если он поэт в истинном смысле этого слова, и жизнь свою и творчество приносит на алтарь служения своему народу. Камал в этом плане не исключение.

*Если накинуть узду
На скакуна!*

*Если корни дерева
Выроет свинья!*

*Если крыло орла
Ранит стрела!*

*Если Поэта
Унизит народ – (возвысится над Поэтом)!*

*Поэт в своей песне
Обессмертит их:
Скакуна,
Дерево,
Орла,
Человека!
(«Если взнуздать...»)*

¹ Джусойты Нафи. Нигер. – Дзауджыхъæу, 1990. – С. 179-180.

² Хетагуров К. Л. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. – М., 1974. – С. 262.

Поэт стоит выше всех них. Иначе нельзя, тем более, что если ты окружен толпой завистников:

*Трудно жить, если в борьбе за честь,
Идешь впереди всех, действуешь праведно;
И для того, чтобы достойно показать лицо своей эпохи
Ты будешь жертвовать душой!*

(«Пушкин»)

Автор обнажил свою душу, показал ее боль от имени гениального русского поэта А.С.Пушкина, который воздвиг себе в сердцах почитателей поэзии нерукотворный памятник. И если «Поэты в России рождаются с дантесовской пулей в груди»,¹ то осетинский поэт рождается с посохом бедняка, и любой толстосум может смотреть на него свысока. И все это поощряется власть предержащими, чтобы народ не слышал голос своего пророка.

Вот как Шамиль Джикаев характеризовал положение советского поэта в 40-50-х годы: «Настоящий поэт всегда ходит по острию ножа. Положение советского поэта в 40-50-х годах было опасным, потому что Правда не была приятна правительству. Но поэт является пророком и должен помнить наставление Данте: «Нельзя, чтоб страх повелевал уму». Теперь многие из тех, которые не осмеливались говорить правду, обвиняют в этом время и обстоятельства. Талант освещает своими лучами даже подвал. Руссо говорил: «Если бы меня заключили в Бастилию, я бы там сотворил картину свободы». Во времена политической реакции Сека требовал от человека, играющего на хьисынфандыре (лире поэта), обнажать язвы времени и наставлял: «Не пугайся, человек, ты нарт. Кто властен над твоей душой?» («Человек, играющий на лире»). Эту традицию продолжает Нафи Джусойты и требует от поэта мужества и таланта. Можно бояться меча (ножа) – это природный инстинкт и нельзя его осуждать. («Если ты поэт», 1957). Но если, будучи поэтом, ты начнешь творить, то чего тебе бояться? Тогда ты должен быть отважным и правдивым!»² – и дальше: «Работник искусства в творческом процессе становится творцом, равней Богу, его душа становится свободной, и «боязнь смерти является чуждой ему».³

Конечно же, в процессе творчества работник искусства и Бог и царь. А создает он собственный мир. Одним он дарит красоту, другим – безобразие. Одних возвышает до Бога, других бросает под ноги народу. Он может убить человека и воскресить покойника. Подтверждением этой мысли Шамиля является стихотворение «Моим друзьям поэтам», которое Камал написал за 23 года до того, как Шамиль высказал ее. Поэт печалится о том, что мы порой «почитаем привидение Поэзии», пишем, чтобы за кусок хлеба, «продавая с нашими строками душу, и даже не подозреваем об этом». говорим неправду о наших душах, бросая в «пропасть наше мужеств». И пока мы бахвалимся, где-то на земле льется кровь: это Чили – источник «черной печали» поэта!»; «А где-то гордых коммунистов проклятые сатрапы убивают».

Вспоминается стихотворение Хаджи-Мурата Дзуццати «Я этот тост...» в ту самую минуту, когда лирический герой поднял бокал «кто-то родился, кто-то целует свою возлюбленную», кто-то умирает, кто-то – созидает: «О, эта чаша, // как горька ты, // как сладка ты, // Эпоха поднесла тебя мне, // положение мое – трудное...»⁴

Но «все-таки осушает бокал», чтобы те проблемы, которые должен решить поэт, не выпали на долю другому.

¹ Е в т у ш е н к о Е. А. Стихотворение и поэмы в 3 т. Т. 1. – М., 1987. – С. 443.

² Фидиуаг, 2000. №1. С. 9.

³ Там же.

⁴ Д з у ц ц а т ы Х а д з ы-М у р а т. Биографи. – Цхинвал, 1990. – С. 110-111.

Но главное в стихотворении Камала Ходова «Моим друзьям поэтам» все же не это. Камала волнует другое. Он высказывает это гордо и смело, как и подобает поэту:

*Мы даже не пытаемся стать мужественнее,
На фарн Коста мы махнули рукой...
Как предки говорят – нет спасения от смерти! –
Тогда чего же мы боимся постоянно?*

*Мы сами – и Бог и царь –
И не должны забывать об этом ни на минуту!..
Поэт, береги честь своей души!
Опора тебе – башня Правды.*

Хаджи-Мурат Дзуццати говорил, что поэт является творцом и должен творить постоянно, подобно Богу. Только подобно Богу, – мудро и свободно».¹

Если это так, – а это непременно так, – тогда мы должны согласиться с ним, хотя в том, что он сказал, больше голой публицистики, чем поэзии.

Но для осетинских поэтов были страшны не только 40-50 годы. В 30-х годах многих из них, правых и неправых, ссылали в Сибирь, расстреливали на месте. Не было легко и в 60-70 годах. Собственно поэту никогда не бывает легко. Потому что он призван говорить правду. А правители, как известно, правду не любят и никому не прощают даже мелких обид, боясь за свои кресла. Они так сильно притесняют всяческую свободу мысли, что в сердца людей «поселяются» маленькие цензоры, чтобы не дать им свободно расправить крылья. И даже у тех, кто не подвергся наказанию, выхолащивали свободную мысль, и они походили на высохшие деревья. Камал о них справедливо пишет в стихотворении «Моим друзьям поэтам»:

*У нас не плечевые кости, а хрящи (мы привыкли прогибаться),
Мы ненавидим синий огонь вдохновения.
Мелкие цензоры поселились в нашей груди
И оседлали наши сердца...*

Что может быть хуже такой атмосферы для творческой интеллигенции?.. Тем более, что расправлялись в первую очередь с самыми известными людьми в интеллигентской среде – с писателями, учеными, общественными деятелями...

Именно поэтому сказал писатель Сергей Марзоев: «Эти процессы не могли обойти стороной и осетинскую литературу. У нее давняя трагическая история. Ее зачинатели подвергались гонениям и преследованиям властей. Им приходилось творить в ссылках и казематах.

В роковые тридцатые годы, да и позднее, в послевоенное время, жертвами политических репрессий стали десятки деятелей литературы и искусства. В лагерную пыль превратились лучшие представители осетинской интеллигенции, писатели, ученые, общественные деятели, их творчество, дела и помыслы предавались анафеме».²

Поэтому и приходилось Камалу высказывать свои мысли от имени Пушкина, Хазби, Викторе Хара и других. Это тоже художественный метод – довольно удачный. Об одной строке из цикла стихотворений В.Маяковского один из его современников писал: «Мы шли уже, кажется, по улице Дзержинского. Из школы выбегали дети... Очевидно, у них вечер был или это была вторая смена. Маяковский остановился, залюбовался детьми. Он стоял и смотрел на них, а я, как будто меня кто-то дернул за язык, тихо проговаривал:

¹ Дзуццаты Хаджи-Мурат. Арвистон. – Цхинвал, 1988. – С. 60.

² Марзоев С. Т. Годы и судьбы // Люди, помните нас. – Цхинвал, 2005. – С. 120.

– «Я люблю смотреть, как умирают дети!!!» – мы прошли дальше. Он молчал, потом вдруг сказал:

– Надо знать, почему написано, когда написано и для кого написано, ...неужели вы думаете, что это правда?»¹

По мне одинаково важно и то, что надо сказать, и то, как это сказать. И то и другое должно быть продуманно. То, что надо сказать, и то, как это сказать – взаимно связаны, дополняют друг друга и гармоничный их союз незыблем. Когда Камал обдумывает то, что надо выразить языком поэзии, его не влекут легкомысленные замыслы. Легкие пути не для него, они бы не дали ему сказать: «Обратись к небу. Пусть твой плач будет слышен и под землей – Благородных звуков величавое звучание, Печаль суровых звуков» («Звуки»). Даже приятные звуки его песни не возрадуют его сердце и никогда не облегчат его душевных мук. А то, что не припомнит удовлетворения самому поэту, не тронет и сердца читателей.

Поэт именно поэтому «и стремится испытать горечь своих строк», чтобы его песня, даже еле слышная, воспринималась читателем. И чем сильнее недоволен поэт своей работой, чем сильнее он стремится к совершенству, и тем быстрее он найдет дорогу к сердцам читателей.

4

Мы уже вскользь затрагивали тему интимной лирики в творчестве поэта. Любовь, а тем более любовь между женщиной и мужчиной человечеству дарит природа. Часто она становится подобна болезнью. Влюбленные не могут жить друг без друга. Им кажется, что вместе они смогут побороть все трудности. Недаром гласит осетинская поговорка: «С тем, кого любишь, можно прожить и на вершине горы».

В осетинской интимной лирике особый след оставил Георгий Бестауты. Вот, что он пишет: «Чистая и возвышенная любовь всегда самоотверженна. Открыто, без опаски и сомнений проявляет себя и всегда жертвенна».²

Любови в высоком смысле этого слова чужда корысть. Такая «любовь – украшение жизни. Жизнь без нее была бы бесцветной. Когда мы любим кого-то, то этим возвышаем собственную душу, но вместе мы возвышаем и окружающий нас мир»,³ – писал Георгий Бестауты. «Возвышаем и окружающий нас мир!» Сказано весомо и безусловно правильно. Мир рассыпался бы без любви, подобно глиняному кому.

Камал в одном из своих многочисленных интервью пишет: «У осетин не принято говорить о собственной жене, но тем не менее позволю себе такую нескромность и скажу, что я женился по любви, другого интереса в плане имущественном или карьеры, или еще чего-то, не было. Она из скромнейшей семьи, родители были обыкновенными крестьянами, честными, в довольно стесненных условиях жили в одном из сел Южной Осетии, там я случайно ее и встретил, и эта встреча предрешила все. Да, я думаю, сама семейная жизнь у меня сложилась, и тыл у меня всегда был надежный. Я знаю, многие жены привередливы, любят дорогие вещи, требуют от мужей, есть возможность или нет, покупать то или иное. Вот у нее от природы этого нет, а это очень редкое качество для женщины».⁴

По мнению великого русского критика В. Белинского, любовь – это одно из самых сильнейших чувств человека. Не случайно теме любви были посвящены лучшие произведения мировой литературы. Любовь одних унижает, а других возносит к Богу. Без любви не только человек, но и сама жизнь была бы бесцветной и неинтересной. Именно

¹ Маяковскому. Сборник воспоминаний и статей. – М., 1940. – С. 180-181.

² Б е с т а у т ы Г и у а р г и. Уацмыстæ 3 т. Т. 3. – Дзæуджыхъæу, 2004. – С. 218.

³ Там же. С. 218.

⁴ Северная Осетия, 2001. 2 июля.

поэтому сказал великий голландский художник 19 века Ван Гог: «Жизнь без любви я считаю греховным и безнравственным состоянием».¹

Но лучшие произведения об отношениях между мужчиной и женщиной родились в результате трагических условий: я тебя люблю, ты меня не любишь. Или любовного треугольника: я люблю тебя, а ты любишь другого. Даже иногда четырехугольника: я люблю тебя, ты любишь другого, другой – еще кого-то, и тот – меня. Таким образом, идеальным является вариант, когда двое любят друг друга взаимной любовью.

Камал говорил о такой любви. Именно от такого чувства родились его многие замечательные произведения:

*Подобно святому я чист перед тобой.
И потому не обвиняй меня в тайных грехах:
Наш Создатель любит нас обоих
И дал нам одно чувство...*
(«Песня»)

Конечно же, читателей больше волнуют те произведения, в которых воспевается романтически-трагическая любовь, в которых социальная несправедливость жизни угнетает влюбленных и потому любовь не имеет возможности раскрыться во всей красе. Таких читателей нельзя винить ни в чем. Если любовь чиста, если единственная ее цель украсить жизнь, если не диктуется никакими меркантильными интересами, тогда и препятствиями ей жить не надо.

Лирический герой Камала живет земной жизнью. Его герои сильны земной любовью, притягательны – земной красотой, счастливы своими поступками. Любой поэт позавидует психологически выверенным и полным любви поэтическим строкам:

*В натруженных руках мужчина нес
полуоткрытую розу в родильный дом*

*Светило завидовало его радости.
Благодаря любви цветок раскрылся в его руках.*
«Городская улица»:

Перед нами всего четыре строки, но они свидетельствуют об отношении поэта к жизни, к любви. В них отчетливо читается в них его оптимистический взгляд на будущее, на мир. Если у человека в руке от любви раскрывается цветок, то будущее за ним. Жизнь опирается на таких людей. Валерий Гольцев, говоря о творчестве Расула Гамзатова, сказал: «Гамзатов – певец любви. Любовь в его стихах предстает как чувство возвышенное, всепоглощающее, способное вдохновлять человека на великие подвиги и дела».²

Здесь комментарии не нужны, но эти слова можно отнести и к лирике Камала Ходова. И мы не удивляемся, когда читаем стихотворение «Сердце умеет любить». Видим, что происходит во имя возвышенной, чистой и дивной любви:

*Разве я виноват?
Вчера ночью пил звездный дождь,*

*И я сегодня удивленно смотрю –
Я увидел их в утренней росе.*

¹ Ван Гог В. Письма. – М., 1966. – С. 76.

² Гольцев В. Вал. Послесловие // Гамзатов Расул. Стихи и поэмы. – М., 1974. – С. 537.

*Семь цветов радуги
Переливаются в моих глазах.
И знаешь,
Если бы я мог,
Я бы сплел их в твои волосы.*

Я не говорю, что Камал в своих произведениях избегает драматизации любовной темы. В мировой поэзии центральное место занимают произведения, в которых воспевается отвергнутая, неразделенная любовь. То есть, любовь с элементами драмы. Дуновение от ее крыльев мы ощущаем и в творчестве нашего поэта. Ему тоже не чужды радости, горести, переживания любви. Они проходят через сердце поэта, и мы видим в них жизнь с ее радостями и горестями. Ощущаем биение сердца лирического героя произведения. И эти чувства не оставляют нас равнодушными.

Разбирая творчество Коста Хетагурова, Нафи Джусойты отметил: «В его интимно-лирических стихотворениях варьировал собственно один мотив – неразделенной любви».¹ Эта тема часто встречается в осетинской поэзии, но нельзя сказать, что в творчестве Камала она часто встречается.

В качестве примера можем привести стихотворение «Сон». Оно не принадлежит к лучшим стихотворениям Камала, но мы видим, как лирический герой одним махом оказался возле любимой девушки. При свете луны увидел ее и – «Прислонилась к косяку двери... / Плачет...»

Но парень не растерялся:

*Тихо постучал в окно...
– Кто ты? – услышал я твой голос.
– О чистойшая из земных душ,
Не надо, не надо проливать слезы!*

*...Я был ослеплен твоим светом
(Ох, околдовали меня!),
Подобно ангелу, ты очутилась в моих руках,
И я прыгнул в седло.*

*Наши груди соприкасается.
Бурка летит поверху,
Скакун в темноте несется, несется.
Ветер подгоняет его, свистя...*

Наяву это было или во сне, в стихотворении проявился романтический настрой души Камала Ходова. Отважный, целеустремленный, за словом в карман не ползет, способный на поступки. Таким является и его лирический герой. К тому же он с присущим поэту мягким юмором.

Как говорится в народе: сердца жениха и невесты играют с солнцем. А тот, чье сердце играет с солнцем, бывает откровенным. И лирический герой поэта – жених – так раскрывает перед нами свою душу, что мы не можем не воскликнуть: «Вот один парень сошел с ума – обнажил свою душу».

Именно в этом бывает поэзия! Она заставляет человека и улыбнуться и задуматься о жизни.

Рассмотрим стихотворение поэта «Я хочу», оно написано поэтом в юности:

¹ Джусойты Н. Г. История осетинской литературы. Книга первая. – Тб., 1980. – С. 252.

*Я хочу знать,
Что дерево говорит дереву.
Я хочу знать.
Что сердце просит (хочет) весной,
Я хочу знать.
При ком гора веками молчит.¹*

Читаешь стихотворение и думаешь, зачем ему нужно знать, что дерево говорит дереву; что может просить весной сердце и при ком гора может молчать веками. И ты еще не успел ответить себе, как лирический герой, не стесняясь бросает нам в лицо:

*Я хочу похитить ту,
На чьи щеки струился солнечный свет...*

В первой редакции было – «В чьих щеках спряталось солнце». И это интереснее и поэтичнее. Данное стихотворение поэт написал в двадцать лет! Камал очень неожиданно заканчивает стихотворение. Таким художественным средством поэт пользуется достаточно часто особенно в интимно-любовной лирике. Лирический герой стихотворения поэта «Перестань» просит любимую девушку: «Не улыбайся мне – ты погубишь меня!»

Для лирического героя его возлюбленная является источником боли. Если она обратит на него внимание и лучше узнает его, то найдет множество недостатков. Вполне возможно, посмеется над ним. И отвергнет его. Красавицы любят отвергать молодых людей – в этом нет ничего удивительного. И наш герой согласен: пусть лучше она смотрит на него косо, но пусть все будет так как есть, чтобы у него была возможность любоваться ею издали...

Это новая тема? Конечно, же, нет. В мировой поэзии можно найти немало произведений, в которых встречаются аналогичные или схожие сюжеты. И Нафи Джусойты согласен с Белинским: «Он считал, что нравственно развитый человек, не добившись взаимности в любви, должен «сделать только одно: со всем самоотвержением души любящей, со всей теплотой сердца, постигшего святую тайну страдания, благословить его или ее на новую любовь и новое счастье, а свое страдание, если нет сил освободиться от него, глубоко сохранить от всех и в особенности от него или от нее в своем сердце».² Конечно же, это должно быть так, и, прежде всего, в искусстве. В осетинской поэзии влюбленный, как правило, умоляет любимую: посмотри на меня, улыбнись мне, полюби меня.

А в этом произведении лирический герой предпочитает оставить все как есть, лишь бы не потерять любимую.

Среди подобных произведений, на мой взгляд, одним из лучших является известное стихотворение Георгия Дзугаева «Перестань»:

*Не надо, не говори со мной ласково,
Не надо, не смотри на меня синим взглядом.
Я не вынесу новой боли,
Я поражен в сердце своей любовью.*

*Ех, что это были за глаза,
Ех, какую силу они мне давали!
Они были, подобно синему морю,*

¹ У а й с а д ы н – обычай молчания.

² Д ж у с о й т ы Н. Г. История осетинской литературы. Книга первая. – Тб., 1980. – С. 253.

Они блестели подобно звездам.

И в конце:

*Пусть не взвидит света,
Пусть не испытает любви,
Та, что в сердце оставила навеки
Вонзенный кинжал.¹*

Здесь лирический герой тоже боится, что любимая им девушка обратит на него внимание. Он понимает, что тогда еще больше полюбит ее, причем безответно, и это приносит ему боль. Но если бы он в последней строфе не проклинал красавицу, которую любит так сильно, тогда бы это стихотворение было шедевром. В свое время литературная критика не случайно считала его образцом любовной лирики. Георгий написал его в 1956 году в возрасте 45 лет, а Камал в 1961 году, когда ему было всего 20-летним.

Я не случайно упоминаю про возраст – именно тогда он впервые воспользовался приемом, которым, как ударом ножа, заключал стихотворение. Наиболее ярко и оригинально этот прием использован в известном всем стихотворении «Я завидую самому себе».

В этом стихотворении для лирического героя Камала Ходова любовь является возвышенным, чистым, небесным чувством. В его представлении это святыня, на которую человек должен молиться. Даже пылинка не должна сесть на нее.

То, что стихотворение является продуктом по-настоящему любящей души, не подлежит никакому сомнению. Лирический герой стихотворения давно стремился к радостной встрече: подобно горным родникам, светятся черные глаза девушки, они наполнены радостью и доверием, с синего неба мерцают созвездие Семи сестер, но всего этого уже недостаточно его мечтательной душе, он весь во власти счастливой любви и стремительное чувство в его сердце блеснуло, подобно сабельному взмаху:

*В эту ясную лунную ночь
Мы встретились в парке.
Я завидую себе,
Что меня любит такая девушка!*

Такой концовке может позавидовать любой поэт. Для того, чтобы сделать подобное заключение, надо трудиться много дней и ночей. Надо что-то переделывать, зачеркивать и снова искать. Но даже тогда может повезет, а может и нет. Если уж Бог не дает, то ни силой, ни трудом ничего не добьешься. Но бывает и так, что совершенно неожиданно Бог одаряет поэта.

Так вот, для Камала это дар свыше. Бог в другом виде подарил это поэтессе Сапфо, живущей в XIX-XI веках до нашей эры в древней Элладе. великой. Вот ее стихи:

*Я к тебе взываю. Гонгила – выйди
К нам в молочно-белой одежде!
Ты в ней так прекрасна. Любовь порхает
Вновь над тобою.
Всех, кто в этом платье тебя увидит,
Ты в восторг приводишь. И я так рада!
Ведь самой глядеть на тебя завидно
Кипророжденной!²*

¹ Дзугаты Георги. Уацмысты æмб. 3 т. Т. 1. – Цхинвал, 1971. – С. 51.

² Лирика древней Эллады и Рима. – М., 1990. – С. 41.

(«Я к тебе взываю, Гонгила»...)

Осетинская пословица гласит: «Даже его творец завидует ему». Сказано сильно. Но, слава Богу, лучших из лучших много. А если их много, то соответственно есть выбор. Строки Камала: «Я завидую себе, Что меня любит такая девушка», – сильнее волнуют душу, нежели строки Сопфо. Их сила – в искренности, в чистоте души лирического героя. При этом он завидует не кому-то, как у нас принято, а самому себе.

Это было новым явлением в нашей поэзии. Правильно писал Хаджи-Мурат Дзуццати. «Никто не отвергает традиционное стихосложение и традиционные народные средства. Они служили и будут служить поэзии. Но надо помнить важное (самое главное) дело: если стихотворение не наполнится новым, жизненным трепетным содержанием, мощным дыханием времени, свойствами индивидуального характера поэта, его пламенными мыслями и чувствами, тогда традиционный стих и традиционные средства, сами по себе, механически, не принесут поэту успеха».¹

Нетрудно понять, почему любители поэзии с таким интересом встречают произведения поэта – оленя привлекает к себе источник. Но говорят и так: там, где кувыркалась лошадь, всегда останется волосинка. Если в юности человек проявит какие-то грани своего таланта, то не может быть, чтобы в зрелом возрасте этот талант не засиял во всю свою мощь.

И если правда, что любви все возрасты покорны, то каким образом эту вечную тему Камал вместе со своей юностью мог оставить в прошлом?..

Конечно же, поэзия – это продукт сердца, и в душе поэта Камала Ходова она будет жить всегда. Но главное – как она себя проявляет.

В стихотворении «На берегу моря» сердца лирического героя и его любимой девушки согревают своим теплом вчерашние лучи солнца, которые притаились под камнями. И мы удивляемся, о чем печалится герой; почему девушка плачет тайком?

Но автор не заставляет нас долго ждать, объясняя и печаль героя и причина скрытых слез девушки:

*Туда, где одна акация склонилась к другой,
Она приходила ко мне в девять часов...
Злая волна бросается на девственные ноги,
Море издалека несет белую пену.*

*Там, где одна акация склонилась к другой, –
Сегодня вечером никого не будет...
Черное море бросается на девственные ноги,
Волна чиста и солонна.*

Произведение кажется безукоризненным. Мы видим нарастание сюжета. Каждое слово выверено. Автор пользуется различными художественными средствами. Благодаря скрытому смыслу произведения мы узнаем и причину ссоры любящих – «Злая волна бросается на девственные ноги». Безукоризненное произведение. Но, все же, все же...

Сердце мне подсказывает, что нет в нем того, кого я ищу – Камала. Даже большой опыт и отточенное мастерство не смогли подменить искренность чистоту чувств. А источником поэзии в основном являются чувства.

Вот что писал великий русский поэт Александр Твардовский о стихотворениях Самуила Маршака: «Стих, слово – сами по себе – наедине со мною, читателем, свободно располагали не только своей звуковой оснасткой, но и всеми красками того, о чем шла

¹ Дзуццаты Хаджи-Мурат. Знон æмæ абон. – Цхинвал, 1964. – С. 185.

речь, но и они не были застывшими отпечатками движения, действия, но и являлись как бы самим движением и действием, живым и подмывающим.

Это свойство подлинной поэзии – безразличие ее предназначенности для маленьких или больших, для книжек с красочными иллюстрациями или изданий в строгом оформлении, для чтения и пения. Недаром строки по-настоящему поэтической песни заставляют нас иногда произносить их и просто так, когда песня уже спета; вслушаться в их собственно словесное звучание».¹

Успех стихотворениям, которые Камал написал в молодости, обеспечили, в основном, чистые чувства, их живость и искренность. То, в чем автор не осмеливается признаться самому себе, всегда острее чувствуется читателем. К тому же Камал Ходов приучил его к этому, и в каждом новом произведении читатель ищет именно такие мысли. Конечно же, и в песнях о любви. И если мы скажем, что творчество Камала не подвластно времени, то это следствие того, что и в молодые годы он ценил слово, как подобает мудрому поэту.

А так, конечно же, время, к сожалению, оставляет свой след как на людях, так и на предметах неживой природы.

Это заставляет нашего поэта вместо того, чтобы показывать собственные чувства, собственную любовь (стесняется своего возраста?) писать о чужой любви, иногда даже сюжетные стихотворения. Они украшают творчество Камала, но в них, к сожалению, нет прежних бушующих чувств.

В стихотворении «Неведомая сила» раскрывается душа поэта и которое производит на нас яркое впечатление:

*Капли, падая, замерзают...
Подобно рогам барана их холодное тело – в колечках.
С тобою медленно идем по улице,
Ты вновь опустила взгляд.*

*Смотрят парни с интересом на тебя;
Но ты, наверное, ни одного из них не замечаешь...
Но все равно грудь распирает
Какая-та неведомая сила:
«Ох, не миновать беды»!*

В первой строфе произведения действие развивается весной – когда появляются цветы («Если кто-то будет умирать весной, – Будет очень жаль»)², но во второй строфе нескромные взгляды незнакомых парней приносят с собой мертвящий холод, которого совершенно не опасаются в молодом возрасте, но которого остерегаются пожилые люди:

*... ты же видишь: она пуглива, как серна,
не принесет тебе спокойствия эта любовь!..
...Если большое дерево ударить топором,
то не удивляйся его падению.*

*Когда не ошибаются трудной дороге!
И я не буду в безопасности в своем путешествии:
красота многих осчастливила,
но и многих ранила опасно.*

Но все будет, как надо,

¹ Твардовский А. Т. Собр. соч. в 5 т. Т. 5. – М., 1980. – С. 161.

² Бестауты Гиуаьрги. Уацмыстаь 3 т. Т. 1. – Дзауджыхъау, 2003. – С. 33.

*путешествие своем не буду безуспешным...
Если даже я буду идти в нем
по дороге, которая не ведет назад,
все равно ты
нужна мне!*

Как видим, в произведении не видно ничего такого, что могло бы утешить любящую душу лирического героя. Читатель переживает: чего не бывает, может быть, и наш герой разочаруется в своей любви и ему придется бежать?

Но неожиданно сверкнет свойственный Камалу оригинальный почерк: «Если даже я буду идти по дороге смерти, все равно ты нужна мне!» И эта смелая, жизнеутверждающая мысль отменяет все сомнения. Когда в произведениях, написанных зрелым поэтом на любовную тему, наблюдается такой всплеск чувств, читатель не остается равнодушным.

При этом Камал Ходов может опозитивизировать любой банальный факт. Возьмем стихотворение «Подарок любимой»:

*Наверное, ты будешь судиться на меня...
Конечно же, я хотел:
Я искал подарок тебе в Москве,
Но не нашел ничего достойного тебя...*

*Но я клянусь тебе землей –
Я могу утешить тебя:
Я даже не оглядывался
На солнцеликих московских девушек!..*

Как будто банальный случай – парень не привез своей любимой подарка из Москвы и оправдывается: «...не нашел достойного тебя». Но в последних двух строках последней строфы проявляется искусство поэта – благодаря им стихотворение засверкало новыми гранями, покорило сердце читателя.

И на самом деле, что может быть любящей душе большим подарком, чем то, что ее возлюбленный ни на кого не обращает внимания?!

Хаджи-Мурат Дзуццати говорил: «О чем бы ни писал поэт, он обязан видеть все связи объекта, все его признаки и в каждом его стихотворении должно быть видно то философско-эстетическое мировоззрение, которое должно быть общим для его творчества. Если это будет так, то поэту удастся сотворить, может быть, не широкий, но все же, собственный поэтический мир».¹

Камалу удалось создать свой художественный мир, и он стремится обогатить его в каждым своим произведением. Нельзя не отметить, что Камал и в молодости, и в пору зрелости не очень увлекался любовной лирикой. Но те чувства, те эмоции, которыми переполнены его любовные произведения, идут из глубины души. А это не может не тронуть.

Виктор Шкловский писал о Маяковском: «У Маяковского отношение к женщинам такое, как описал Глеб Успенский, с таким же преувеличением самой элементарной женственности».²

А Успенский писал: «Красота женщин должна изображаться особенно нелепо: грудь непременно должна быть роскошна до неприличия: сравнивайте ее с двумя огнедышащими горами, с геркулесовыми столпами, с египетскими пирамидами... Только с такими невероятными преувеличениями вы можете, заброшенному в безысходную тьму

¹ Дзуццати Хаджи-Мурат. Растаг æмæ литературæ. – Цхинвал, 1985. – С. 141.

² Шкловский В. Б. Собр.соч. в 3 т. Т. 3. – М., 1974. – С. 35.

одиночества человеку, дать приблизительное понятие о том, что другим доступно в настоящем безыскусственном виде действительной красоты».¹

Но не смотря на то, что К. Ходов никогда не был привержен к интимной теме, но любовь его несет благодеяние. Свидетельствует усердном, упорном призыве к огромной, чистой, истинной любви. Его лирический герой потому гордится собой: «Славит сердце Твоя тоска, Лишь ступлю за порог. Знаешь, ты мне всегда близка, Как бы не был далек»:

*Верю тебе.
Ты – ангел земной.
Стих пред тобою нем.
Нега ладони твоей со мной,
Где бы ни был и с кем.*

*Лести не знаю.
Свет не таи –
Мир мой в твоём огне.
Жаркие солнца – глаза твои –
Путь озаряют мне.*

*Ты не прикажешь
Звезду украсть,
Разум твой – горный снег.
И униженья мои,
И власть
Знает взгляд из-под век.*

*Вдруг убоюсь:
Не на век дана!
И – земля из-под ног!
Веришь в меня – и душа полна.
Вера твоя – мой бог.
(«Верю тебе». Перев. В. Еременк)*

Любовь Камала – с черными косами; «солнечные лучи напитали ее щеки»; стройная, подобно березе; готовая расцвести как дерево весной: он называет ее белым голубем. Сравнивает с ангелом. Бесконечно предан и верен ей. Любит безмерно и высоко ставит ее. Это под силу только настоящему поэту.

Глава 3 ПОЭТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО МАСТЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

1

Наша эпоха – XX век – была настолько насыщена трагическими и драматическими событиями, что человеку практически невозможно осмыслить всё это. По сравнению с XVIII веком в XIX веке было выпущено в четыре раза больше наименований книг, а в XX веке, по сравнению с предыдущим – в восемь раз больше, т. е. 50 миллионов наименований (не экземпляров).²

¹ Шкловский В. Б. Собр. соч в 3 т. Т. 3. – М., 1974. – С. 35.

² Лихтенштейн Е. С. Об этой книге // Слово о науке. – М., 1978. – С. 7.

Начало ХХI века, в свою очередь, тоже характеризуется обилием новых газет, журналов и других изданий вне зависимости от их действительной надобности!

Е. С. Лихтенштейн писал по этому поводу: «Недавно на заседании учёного совета Всесоюзной книжной палаты один доктор биологических наук говорил примерно так: «Я должен предупредить, что люди находятся сейчас в таком же положении, в каком оказались динозавры миллионы лет назад. Тогда обстановка на земле резко изменилась, поступал огромный поток новой информации, а голова динозавров была маленькая, информация не помещалась в их головах, и динозавры погибли. Сейчас мы в положении динозавров – мы не в состоянии переварить всё огромное количество поступающей информации»¹. Это, конечно, шутка, но в каждой шутке, как говорится, есть своя правда, и потому дальше он говорит: «Это как раз те искры, которые могут зажечь факел в сердцах миллионов, это те строки, о которых говорил Гёте: «Каждый день следует... прочитать хоть какое-нибудь мудрое изречение». В коротких, ярких, легко запоминающихся фразах, в этих средоточиях «лучей ума и знаний», мы находим ответы на волнующие нас сегодня вопросы, черпаем вдохновение для решения новых задач. Ибо, как заметил Ленин, «бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений», – и привёл в пример слова Дидро: «Глубокие мысли – это железные гвозди, вогнанные в ум так, что ничем не вырвать их».²

Потому они и остаются в нашей памяти. Но сейчас я говорю о них потому что в произведениях Камала Ходова глаз постоянно останавливается на них. Поэт, вспоминая поэта Хазби Дзаболова, отмечает: «Школой творчества для него были славные традиции классической литературы. Это видно даже в первых его стихах: они подтянуты, технически выполнены на должном уровне, трогают сердце, по ним видно, что парень от природы наделён острым зрением и чутким слухом, что понимает высокое предназначение истинного создателя, творца».³

Эти слова напрямую относятся и к самому Камалу. Он также с юных лет обнаружил способность к литературному творчеству. Как мы отмечали, многие из его первых стихотворений оставляют ощущение, что они написаны рукой зрелого мастера в расцвете творческих сил. В них редко наблюдается юношеская неустойчивость стиха и словесные неточности, что свидетельствует об его природном таланте. Его квинтэссенцированные мысли, его крылатые выражения исходят из этого же источника.

Наше неумение ценить свою жизнь, её растрачивание в пустых междуособных склоках раскрывается поэтом в его программном стихотворении «К моим друзьям»:

*Когда научимся ценить мы жизни дни?
Судьба (рок) – морозная зима! – у порога воет...
Кроме себя, мы никому не нужны,
А сами мы
Не жалеем себя.*

Это горькая правда жизни – мы не нужны никому кроме самих себя, но при этом, к несчастью, желаем гибели друг другу. Там, где нарушается ход жизни, неминуемо искажается суть нашего бытия. И дела погубительные для человека и человечности проистекают именно из уродования правильного течения жизни. Большой частью от них не бывает спасения.

Для души поэта такие явления всегда бывают тяжкими испытаниями. Камал высказывает об этом философу: «Старый конь часто везёт жеребят на шкуры» («У каждого своя дорога к смерти»).

¹ Там же.

² Лихтенштейн Е. С. Об этой книге // Слово о науке. – М., 1978. – С. 8.

³ Дзаболата Х. Уацамонгае. – Дзауджыхъæу, 1974. – С. 5.

Народное творчество издавна указывает пути изящной словесности. Тем, кто умело к нему прикасается, кто искусно им пользуется, тем оно приносит богатый урожай.

В этом контексте очевидно мастерство поэта, то, как Камал воспользовался этой сокровищницей. Есть народная пословица: «Старый конь на жеребьячьей шкуре частенько ест зерно»¹. Поэт не слишком далеко ушёл от её основного смысла, лишь слегка его видоизменив, но где ему нужно было – там ею воспользовался, сделав точкой опоры.

Ощущение бессилия перед судьбой, роком, смерть как финал проходящих лет – эта жестокая правда жизни обнажает и очищает наши сердца. От образа старого коня, которому приходится возить жеребьячи шкуры, исходит гнетущее ощущение наших тяжких времён.

Способность Камала вкладывать большое содержание в малое число слов даёт ему возможность творить поэтику четверостиший. Так, о тех, кто предпочитает труду пьянство, он говорит:

*Когда я в Иристане стал «почётным» мужем,
То понял: запущен мой луг для косьбы...*

*Мне было жаль тратить свою жизнь на работу,
Но – эх-х – не пожалел её на пьянку!
(«Когда я в Ирыстана стал «почетным» мужем...»)*

Рог с крепким напитком, опрокинутый в себя, есть злодеяние и для здоровья человека, и грех перед Создателем. Я доподлинно знаю, что Васо Абаев, выдающийся ученый, никогда не выпил даже бокал вина. Так же жил Гокки Токаты – выдающийся ракетостроитель. Исса Плиева, выдающегося полководца, никто никогда не видел выпившим. Выдающиеся люди и выпивка – вещи несовместимые – вот главная мысль стихотворца.

Камал написал это стихотворение в Советскую эпоху, когда для борьбы за трезвый образ жизни было создано специальное Всесоюзное общество трезвости. В обществе распространялись плакаты с высказываниями великих людей о вреде пьянства. Например: «От вина гибнет красота, вином сокращается молодость» (Гораций); «Вино скотинит и зверит человека, ожесточает его и отвлекает от светлых мыслей, тупит его» (Ф. М. Достоевский); «Люди от употребления вина становятся грубее, глупее, злее» (Л. Н. Толстой) и тому подобное.

Камал говорил то же самое, но языком поэзии. Сегодня его произведения даже более актуально, чем тогда, но поэт никого не укоряет, ни над кем не смеется, а с болью в сердце осуждает губительность пьянства для человека.

Поэт выбрал для излагаемой мысли удачную форму. Лирический герой никого не укоряет, но с сожалением констатирует: «Я жалел свою жизнь для работы, // Но – эх-х – не пожалел её на пьянку!».

Бесспорно, у тех, кто не жалеет своей жизни на пьянство, кто не сгибается для труда на земле, – у тех, что и говорить, сенокосные луга неминуемо зарастают сорняком, и поэт предостерегает своих братьев от погибельного пути.

Высказывается поэт и о тех, кто и раньше из себя ничего не представлял, ну а сейчас, используя чужие достижения, вопят о себе как об «ура-патриотах». Их в стихотворении «Новенькие патриоты» он, вызывая улыбку читателя, укоряет:

*Нертон минас цырен артыл фыцы,
Факæлың уæд парахатæй йæ фынчытæ...
Тæккæ знон дæр ныгъуылдæй чи бадт хуынчъыты,*

¹Ирон æмбисæндтæ. – Дзæуджыхъæу, 1976. – С. 338.

Ныр уыдоныл цы дзыхтае базад, цы!¹

*Нартское угощенье варится на скором огне,
Льётся через край наваристая пена...
Те, кто вчера ещё сидел смиренно, хоронясь по норам –
Теперь такие рты поразевали, ну и ну!*

Вот из-за таких краснобаев, а точнее говоря, пустобрехов и пошли войной друг на друга целые народы. А кто избежал этого, те погибают от голода и тяжелых условий жизни.

Проблем в нашей жизни стало сверх всякой меры. Новоявленные лгуны и прощелыги, которым мы доверились, за которыми пошли вслепую, превзошли легендарного нартовского Сырдона: они продали нас вместе с могучим государством нашим врагам в угоду своим животам и карманам. Нажитое отцами и приумноженное сыновьями, народные богатства присвоили, а взамен дают нам лакать воду из него собачьих мисок.

Мы думали, это – пена, которую хозяйки снимают с бульона и выливают, но все оказалось куда хуже: кто был никем, те стали нашими властителями. Они готовы продать родные наши горы, чтобы лишиться земли, которая дала нам жизнь. И делают все, чтобы в наших душах не осталось ничего святого.

В такие времена каждый, кто считает себя сыном своего народа, обязан разжечь костер тревоги, бить набат. Поэтому поэт за афоризмом о наваристой пене от варева на костре указывает на губителей-краснобаев. В этом гражданская сила искусства. «Грамматика в Риме, – повествует Гай Светоний, – не пользовалась не только почётом, но даже известностью, потому что народ, как мы знаем, был грубым и воинственным, и для благородных наук не хватало времени».²

У Камала Ходова не одно и не два таких афористичных высказывания. По большей части он заканчивает ими стихотворения и это придаёт им особую проникновенность.

Когда его лирический герой стихотворения «Наверное» поздно приходит домой, его мать переживает, как бы с ним чего не случилось; но если он задерживается со своей любимой девушкой, то даже не спрашивает, где он был: «Наверное, тёплых волос твоих запах // Приношу с собой в свою комнату...»

В стихотворении «Раннее утро» лирический герой рисует картины природы Мысыка, виденные им в юности грустью заканчивает стихотворение:

*... Это все было когда-то,
Теперь я
Пишу об этом стихи в душном городе...*

Сердце лирического героя стихотворения «Оглядываясь на свой жизненный путь» гложет какая-то тайная печаль: глядя на женщин, он дивится – как же он не заметил, как повзрослела его соседка-девчушка. Порой и усомнится – она ли, не ошибся ли?

И – концовка: «Ещё вчера голубкою сидела на моём плече, // Сейчас, гляди-ка, ты сама уже мать!»

«Когда не возвращается корабль», «волны ночами горько рыдают», овдовевшие жены надевают траур, боящиеся за свои места чиновники в тревоге снуют туда-сюда, хотя некоторые из них и жалеют погибших, газеты печатают всякую всячину и в народе гуляют разные слухи – после перечисления всего этого стихотворение достигает своей на кульминации:

¹ Мах дуг, 1998. №7. С. 7.

² Л и х т е н ш т е й н Е. С. Наука в веках // Слово о науке. – М., 1978. – С. 17.

*Когда корабль не возвращается с моря,
тогда в дремучем лесу, –
на родине корабля, –
по щекам потемневших пней
ползут тёплые слёзы.*

У поэта немало таких удачных концовок в стихотворениях. Камал заранее готовит читателя к описываемому событию, излагает его, и затем, как видим, завершает стих квинтэссенцией-концовкой, в сжатом виде выражающей его смысл.

Примеров – более чем достаточно.

Для доказательства нашего посыла рассмотрим несколько стихотворений, наилучшим образом выражающих сказанное:

1. «Отрывок из ярмарочного шума»:

*К а с а г у а й г а н а г :
– ...Кæй ма хъæуы кæсæгтæ?!
Сæрджынты кило – сомырдаг!
Æнасæртæ та – сом!..*

П р о д а в е ц р ы б ы :

*– ...Кому ещё нужна рыба?
Килограмм головастых – полрубля!
А безголовых – рубль!*

2. «Чилийская трагедия»:

*Нæ рæстæг – тугхъулеттæ, сау.
Йæ тыл ныццавы галиугæнæг растæн.
Æмбал кæмæн нæй, уыцы стыр Хуыцау,
Æмбал кæмæн нæй, ахæм лæг мæ ма скæн!*

*Наше время – в потёках крови, черно.
Бьёт в темя правого неправый.
О великий Боже, не имеющий равных,
Не дай мне стать человеком, не имеющим друга!*

От столь неожиданных поэтических находок сердце пробирает дрожь: мы чувствуем и радость, и горечь, и страх... В зависимости от намерений поэта. Этот дар у Камала от рождения, его не украдешь и не отнимешь. «Талант есть природная, объективная основа и орудие передачи художественных образов. Но талант исполняет свое предназначение тогда, когда требователен себе, оставаясь неудовлетворенным уже сделанным, стремясь лучше и глубже раскрыть себя»,¹ – писал Хаджи-Мурат Дзуццати. У Камала такой талант. Он укращает и обогащает им мир искусства, слава Богу. Этой печатью отмечена каждая его книга.

Любое оружие в руках умного человека становится средством самозащиты, но в руках глупца жди от него беды. Начальствующий имеет власть над оружием в обоих случаях. Когда начальник знает своё дело, то он на многое способен. У глупца же в начальниках становится больше возможностей совершать дурные дела. Ещё определённой – поговорка у Крылова: «Услужливый глупец опаснее врага».²

¹ Дзуццати Хаджи-Мурат. Рæстæг æмæ литературæ. – Цхинвал, 1985. – С. 133.

² Крылов И. Л. Соч. в 2 т. Т. 2. – М., 1984. – С. 84.

Человечество пока не изобрело ничего лучше социалистического строя для честного труженика – при условии его правильного построения, когда душа ощущает свою свободу. Но для такого строительства нужен незаурядный интеллект. Если Х.-М. Дзуццати в период горбачёвской перестройки выступал с яростной критикой социализма, то при советской власти больше него никто не восхвалял этот строй: «Революционная эпоха, эпоха борьбы 1917 – 1921 годов в истории осетинского народа – длительной, тяжёлой, кровопролитной дороге – сверкает, подобно недосягаемая и почётная гора. Многие века, начиная с агрессии монголов, отрезанная от мира в горах Кавказа, сжигая сердца негасимым огнём, осетинская душа во всём своём мужестве с восторгом встретила революционные залпы «Авроры» и широко открылась им навстречу».¹ И это было правдой. Еще один пример: «Ленин для всех нас есть лучший из людей, идеал, к которому надо стремиться».²

Разрушение того порядка желаемой жизни, о которой мы сегодня плачем, обусловлено двумя главными причинами: кадры подбирались не по уму и деловым качествам, а по-родственному и коррупционному признакам; неумный начальник удалял от себя способных подчинённых, боясь конкуренции, и затыкал рты тем, кто пытался открыто говорить правду. Но железной сетью правду не удержать.

Что такого в вышеуказанных четырёх строках, чтобы перекрыть им дорогу в свет? То, что «наше время – в потеках крови, черно»? Но ведь то, что XX век был веком насилия, войн, геноцидов, никто не оспаривает. И то, что вековечно неправый правого бил по голове, держал нож у его горла, тоже никогда не было секретом. Правда сейчас мы все это видим каждый день, только в гораздо более неприглядном виде. Недаром в народе говорят: «Хоть мужчина ты, хоть женщина – всё одно – баран», «Воробья заставляют гусиное яйцо сносить», «Изо рта кусок вынимают». Да что там говорить – мы даже над душами своими не властны.

Если не писателю выносить это на свет, то кому же?

Но четверостишие Камала, осмелившегося написать о времени окровавленном, о том, что неправый бьёт правого, не должно было увидеть свет. Нельзя было народу позволить задуматься над тем, почему никому не хочется жить по правде, по заповедям Божьим. Поэтому в сборнике «Имя» поэт озаглавил стихотворение «Чилийская трагедия». Когда не стало цензуры, поэт в другом своем сборнике «Звуки» убрал это название-прикрытие, и правильно сделал – что нам свои проблемы переносить в Чили, у них своих хватает.

Продолжим рассмотрение коротких и ёмких стихотворений К. Ходова.

3. «Внимая песне»:

*Фыдаелтыккон наерга зарджытаем хъуыстон:
уыдтон на ивгъуыд –
тармылазон, сау...
да зарæг дæр уыд хъарагау, Ирыстон, –
Цæмаен дæм афтæ феххæлыд Хуыцау?
(«Зарæгмæ хъусгæйæ»)*

*Предков могуче звучащие песни я слушал:
видел наше прошлое –
темное, чёрное...
И песня твоя, Ирыстон, была подобна плачу, -
Почему так разгневался на тебя Бог?*

¹ Дзуццати Хадзы-Мурат. Бæрндзинад. – Цхинвал, 1976. – С. 5.

² Там же. С. 48.

Человек предполагает, Бог – располагает. И не спрашивает, когда нам хочется петь. И не даёт нам времени на исполнение весёлых песен. Н. Джусойты, сожалея о горькой судьбе Темырболата¹, сказал следующее: «Для чего рождается человек? Ответов много. Много разных песен, много и источников у них. Но у лучшей и большей части осетинских песен, – историко-героических песен, – источник один – трагизм бытия. В старом Ире великая песня рождалась из великих бедствий и печалей. Приходят на ум слова Горького: «Нужда и быка заставит соловьём запеть». Что ж тогда сказать о человеке?»²

Далее Н. Джусойты пишет: «Песня и плач сменяли друг друга. Нет, не сменяли, а, крепко сплетённые, как две сильные руки, держались за рукоять одного ножа – поколения сменяли друг друга, в сердцах оседала печаль прожитого, и рождалась героическая песня. И если вначале песня-плач была репертуаром женщин – матерей и носящих траур сестёр, то героическая песня – удел мужчин, голос мужества с поля боя».³

Эту мысль Камал выразил в художественной форме. Вложил в неё душу искусного слова, и получилось стихотворение. По словам Нигера – это такое стихотворение, которое поётся плачем.

3. «Из древнего (старинного) тоста»:

*Дæ маерддзаг – урс,
дæ ингæн – рухс,
цæуыс ды де ‘цæг дунемæ нæ цурæй.
Бæмбæг дын – зæхх,
дæ бæркад – хæрх,
æрмæст дын хай ныр нал уыдзæни хурæй...
(«Рагон гаджидауæй»)*

*Твой саван – бел,
могила – светла,
уходишь ты от нас в свой настоящий мир.
Земля тебе – пухом,
Изобилие – через край,
и только солнца ты больше не увидишь.*

4. «Разговор со скалой»:

*– Лæууыс æдзæмсæй...
Уазал уа, æнтæф уа –
нæ кæныс хъаст,
нæ агурыс æххуыс...
– Къæдзæх дæн æз –
куы мыл рацæуы къæвда,
уæд авд ахæмсæй равдисын мæ хуыз.
(«Ныхас къæдзæхимæ»)*

*Стоишь безмолвно...
Холод иль жара –
не жалуешься ты,
не ищешь состраданья...
– Скала я –
и когда идет дождь,*

¹ Первый осетинский профессиональный поэт.

² Джусойты Нафий. Ирон аив дзырды сæрвæлтау. – Цхинвал, 1966. – С. 330.

³ Там же. С. 331.

то стать свою семижды я являю.

Несколько примеров, несколько небольших стихотворений. Но, что и говорить, содержание у них емкое, равно как и производимое впечатление. Каждое из них, подобно стреле меткого воина, попадает точно в цель. А оригиналы привожу потому, чтобы читатель убедился в метком слове поэта и в музыкальности стихотворения.

Как только стихотворение «Отрывок из ярмарочного шума» появилось в печати так сразу получил признание не только любителей поэзии, но и всего народа. Заявить открыто: «Килограмм головастых – полрубля! // Безголовых – рубль!», – было смело. То, что люди не осмеливались произнести про себя, благодаря поэзии Камала стало расхожим выражением.

Бог дал людям разум для того, чтобы им пользоваться. «Только ложь всегда вредна людям; и если заблуждение – единственный источник их бедствий, то разум – истинное лекарство от них»¹, – писал французский философ-материалист П. Гольбах, Камал силой своего разума спасает людей от этого порока, даже когда общество и не очень стремится избавиться от своих недостатков.

В таком обществе умный человек не то что полрубля, но и чёрной копейки не стоит. Но открыто об этом говорить не позволено. Скрывать это обстоятельство даже важнее, чем беречь государственную тайну, поэтому на рты людей, владеющих даром художественного слова, навешиваются замки. Потому Камалу для обличения несправедливостей жизни пришлось прибегнуть к иносказаниям. В том числе в форме мягкого юмора. Руководствуясь тем, что таким образом никого конкретно не заденешь. И шампур уцелеет, и мясо не подгорит.

Дело удалось: стрела, составленная из выверенных, точных слов, попала в «яблочко» – в сердца людей. Но и прислужники безголовых правителей тоже не дремали, они постоянно отслеживали печатное слово под микроскопом. Когда поэту пришлось отвечать на вопрос, как делят на «безголовых» и «головастых», то он указал на магазин, где продавалась рыба именно так, как он описал, дескать, никаких задних мыслей и в помине не было.

Это случилось десятки лет назад, но произведение не теряет своей силы и по сегодняшний день. Наоборот, с течением времени оно становится еще более актуальным, что свидетельствует о падении престижа «головастых» и возрастании веса «безголовых».

Так что народу есть над чем подумать.

Очевидно, пока законы не будут работать как положено, как положено, вора и разбойникам быть и процветать. Против них необходимо бороться. Поэт же по сути своей – вечный борец, и в этой борьбе нет у него отдыха ни днем, ни ночью.

В подобных обстоятельствах песня никогда не будет литься и звенеть, подобно водопаду. Осетинская песня – это плач, потому и идет всегда, подобно слезе, по одной и той же стезе...

Таким образом, как мы отмечали ранее, К. Ходов и в жизни и в поэзии является человеком и поэтом, обладающим такими качествами, которым можно завидовать. Эти качества дают ему возможность остро чувствовать слово, что в свою очередь позволяет ему точно определять, когда, что и как нужно сказать. А в поэзии, поверьте, это великое дело.

2

Мы не первый раз обращаемся к анализу поэтики К. Ходова, такие усилия уже предпринимались не раз. Собственно, по-другому и быть не может. В творчестве писателя главное – владение словом, а слово – наиглавнейший поэтический атрибут.

¹ Г о л ь б а х П. А. Избр. произв. в 2 т. Т. 1. – М., 1963. – С. 647.

Пушкин отмечал как достоинство языка произведений Е. А. Баратынского: «Верность ума, чувство, точность выражения, ясность, стройность».¹ Это определение применимо и к произведениям К. Ходова. Слово само есть Божье творение. Библия не случайно начинается со слов «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». В художественной литературе проявлений качеств этого Слова столь много и они столь разнообразны, что писатели и учёные всего мира не охватят их. Поэтика К. Ходова поражает своей изысканностью и богатством художественных средств. Ограничимся приведением нескольких примеров, иллюстрирующих сказанное, так как для полного рассмотрения этого вопроса понадобилось бы отдельное исследование.

К. Ходов большинство своих произведений написал в 60 – 70 гг. XX века. В осетинской поэзии в те годы возросла роль такого приема, как образное видение. Одним из первых начал пользоваться этим приемом Александр Царукаев. Шамиль Джикаев писал: «Новым и свежим является поэтический мир Александра. В нём, подобно краям небес и земли, соединились вчера и сегодня, желание и мысль, надежда и отчаяние. В нём заговорила неизбывная боль времени».² Этот путь манил за собой новое поколение поэтов, светя мерцающим светом надежды. А. Царукаев говорил по этому поводу: «Краугольный камень души моей – светлое слово», «слово – ради произнесения моей печали». «Поэт излучает свет осетинским словом, и живёт этим светом; он произнёс осетинским поэтическим словом народную печаль, высказал вековые обиды, обнажил язвы нашей жизни, времени»³. Если кому-либо в то время удалось добиться результатов в этом, то один из них – К. Ходов. Сам он, как поэт, говорит об этом так: «Бумаги писчей начал я бояться», – но это поэтический образ, с помощью которого он пытается донести до читателя такую мысль: каких бы успехов ты не достиг в творчестве, не надо заноситься – лучше жалуйся на то, что мало что получается. Но посмотрим, какие образы он создаёт, как преподносит их читателю:

*Зажглась на ветке почка, как свеча,
О, как она ждала весну!
На горке крутая тропка, надломанная,
Повисла.
Природа пришла в себя (приделась).
(«Терек с шумом рушится с гор»)*

А вот как вспоминается лирическому герою очаг родного дома, в котором давно не был и которого часто вспоминает: «Давно я не был у родного очага, / но я помню, / засыпан дымоход наш звёздами, / иссяк огонь у нас в печи!» («Давно я не был у родного очага»).

Приводить подобные примеры из произведений поэта можно бесконечно. Нет затруднений с их поиском, и они не набивают оскомину читателям. Это свидетельство поэтического успеха:

*Полуприкрытые чёрные почки-глазки молодого деревца
Свои зелёные зрачки,
Смущаясь, покажут небу...
(«Кручина большого города»)*

Написать стихотворение из одних вопросов – вид художественного приема. У выдающегося поэта Пабло Неруды есть целая книга таких стихов, она так и называется: «Книга вопросов»⁴. У этого гения было столько вопросов, что исчерпать их не удалось и

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 6. – М., 1976. – С. 255.

² Джикаев Шамиль. Ныхасы фарн. – Дзауджыхъæу, 1996. – С. 278.

³ Там же. С. 279.

⁴ Неруда П. Местожительство – Земля. – М., 1977. – С. 280.

целой книгой. Думаем, что если бы он взялся писать на них ответы, то получилась бы не одна книга.

Однако и нам, размышляя таким образом, пришлось бы писать данную книгу вопросами; возможно, это было бы даже интересно. Но сейчас речь о том, это у двадцатилетнего К. Ходова при написании ниже приведенного стихотворения тоже было немало вопросов:

*Сколько же Земле волчком крутиться?
Почему не рвётся тряпкой неба синь?*

*Интересно, кто сильнейший в мире?
А среди девушек – кто наикраше?*

*Сколько мне осталось жить под солнцем?
Что судьба мне предопределяет?*

*Сколько счётом звёзд на небосклоне?
Куда они срываются, словно испуганные души?*

*Интересно, что за песнь любили нарты?
И какими стрелами стреляли в небожителей?*

*Кто прогнал у моря его дремоту?
Кто написал первую песню?*

В сегодняшней действительности, в мире, переполненном насилием, предательством, несправедливостью вопросов у поэта меньше не стало. Но и вопросы бывают разными, поэты по-разному пользуются ими.

К. Ходов широко пользуется этим художественным приёмом (например, в стихотворении «Пегас»), но гораздо чаще видоизменяет его: т. е. заканчивает произведение вопросом, иногда ироническим, так что читатель сразу и не понимает, смеяться ему или...

Ясно бывает только одно: этот вопрос заставляет человека задуматься, почему вообще возникает проблема, которой нас озадачил автор? Не могла природа более ответственно подойти к тому, что он делает. Скажем:

*О волке,
Козе
И капусте
Есть много пословиц.
Но часто
Одно мы почему-то забываем:
Конечно,
Волка испугается коза;
Коза представляет опасность для капусты;
Капусты же никто не убоится –
Она с а м а пребывает в страхе...
И как вы смотрите на это?
(«Один небольшой вопрос»)*

Очевидно, при рассмотрении этого стихотворения легко увидеть ироничность и риторически-иронический смысл вопросов автора. С первого взгляда может показаться,

что автор балагурит и ёрничает, стремясь насмешить нас. Но если вдуматься в суть его вопросов, то становится понятным их действительное, жизненно-философское содержание, смысловое ядро.

Из авторских, шутливых вроде бы сентенций, текут, подобно слезам Сырдона, капли крови его сердца: «Бурлит (бродит) печаль в сердца подобно дрожжам, // порой заманивая человека на острие ножа...» («Наследие»). Вопрос, который кажется нам поначалу наивным, рождается в сознании поэта из этой печали, и не выдерживает душа поэта – выносит его на суд: «Ведь я не видел ещё и первого своего дня, // так почему печаль моя о дне моём последнем?»

Что ж, пусть попробует кто-либо легко ответить на вопрос, почему больше думает о последнем своём дне, чем о первом? Неужели последним днём определяется вся наша жизнь?

И сколько безответных вопросов есть в стихотворении «Не ко времени мне позвонил знакомый...» (это тоже творческий приём):

*Ночью,
Когда смотришь в потолок,
И сон не идет к тебе,
Когда все добрые люди крепко спят,
Тогда
О чём, скажи, твоя кручина?
В открытое окно тебе слышны
Шаги полуночных прохожих
(Очень редких),
О чём тогда ты думаешь?
Не хочешь узнать:
Кто они?
Куда идут в такое время?
Откуда?
Что у них в сердце – радость или в горе?*

Автор знает, как в небольшом городе обстоятельства и различные ситуации жизни влияют на человека, на какие мысли наводят его бессонной ночью. Чтобы читатель проникся этими вопросами, автор перебирает их по одному и достигает своей цели – у нас появляется желание найти ответы на все его хитроумные вопросы.

Поэту до всего есть дело: «Чего стесняется, интересно, первый снег?» («Первый снег»); «Любимая посмотрела на тебя свысока? Назло тебе ушла с другим?»; «Что говорила ты зелёным волнам, что?» («Следы незнакомки»); «Умом понимаю, // душою чую: // тебе неприятен// мой вид, // но сердцем // на что-то // надеюсь... // интересно, на что?» («Я направляюсь в твое село»).

И спросим себя: а на что надеемся мы, читая эти строки?

Наше смутное и стремительное время переполнено проблемами. О многом и подумать страшно. Но человек должен чувствовать эти проблемы, чтобы не попасть под давящее колесо жизни, не быть размазанным на дорогах сумасшедшей эпохи.

Это, что касается обычных людей. Но если ты поэт, то нет тебе спасения от риторических вопросов, что ставит перед тобой жизнь. Бежишь от них, подобно Гамлету, но они настигают тебя и никак не дают передохнуть.

Один из таких вопросов, не дающих покоя поэту, послужил основой стихотворения «Пегас»:

*Есть правда, которую трудно сказать,
А то бы многим я сказал открыто:*

*Для чего тянется к седлу тот,
Кто не достаёт даже до брюха лошади?*

Ответ автора в самом вопросе. Ведь мир стоит на правде, так почему же стало так трудно ее говорить? И ладно, люди уже боятся говорить правду, но почему поэт стал бояться открытого слова, почему вынужден прибегать к иносказаниям?

Потому, что в наше «собачье» время – время вынюхивающих, лающих, кусающих – каждый начинает думать о своей безопасности. Будучи праведником, так или иначе заденешь чьи-либо интересы. Нидерландский философ Эразм Роттердамский по этому поводу сказал так: «Лишь одним дуракам даровано умение говорить правду, никого не оскорбляя».¹

К. Ходов сам всегда доставал и достаёт до седла. Он способен произнести слово правды и в поэзии, и в жизни. И очень ценит тех, кто следует таким же принципам. Поэтому и говорит про Пабло Неруду: «Ты соперничал мне в наше время» («Сердце поэта»).

Словно и не Бог, а сам К. Ходов выступил творцом земной тверди, так уверенно и с осознанием собственной правоты говорит он и, прямо скажем, заставляет этим верить своим словам, что «глядя в упор на солнце», он не боится за свои глаза. «Живёт земная твердь» в его груди; это и радость его, и обида. Порой поэт и не различает уже, что у него в груди – сердце или земля?

Громко сказано? Слов нет: очень громко и вызывающе. Но это не мешает нам поверить ему, ибо поэт сам – из народа («О, люди! Мал я среди вас, но я один из вас...»). Это доверие основано и на том, что глядя глазами лирического героя на прежние поколения, мы видим: гении, чьи сердца пылали во имя народа, хоть и упокоились в чёрной земле, всё-таки глядят на нас глазами ныне живущих людей. Другие же гении ещё лежат в колыбелях – «свидетели грядущего».

Раз так, то мы верим его громкому, вызывающему, но идущему от сердца слову:

*Я
Земную твердь взял в ладони.
Она обжигает мне руки.
Но мне приятно:
Пусть никогда,
Никогда она не остынет!
Пусть никогда не погаснет на земле
Огонь жизни!
Люди!
Я вас так сильно люблю,
Что, как сказал один поэт,
Между небом и вами
Расстелю свою душу!
Я так сильно вас люблю,
Что, пишу эти строки,
И украдкой плачу!..
(«О люди!..»)*

Как мы уже говорили, именно искренность поэта покоряет наши сердца. Именно его тайные слезы заставляют нас поведать ему. Можно сказать, что поэзия К. Ходова выигрывает во многом потому, что то, о чем мы стесняемся говорить, чтобы не быть

¹ Роттердамский Э. Философские произведения. – М., 1986. – С. 136.

осмеянными, он озвучивает как бы разговаривая сам с собой, негромко – и наше как настроенное к тихому слову ухо быстро улавливает это.

«Создавать осетинскую лирику по образцам мировой поэзии – дело не надёжное, народ не впитает в себя ничего такого, что так или иначе не связано с его традициями, с его духовным опытом»¹, – указывал Р. Тедеты, но К. Ходов, словно оспаривая этот тезис, показывает нам, что образцы мировой поэзии также не чужды нам и вполне могут быть использованы для просвещения народа.

Тем, кто упрекает его за якобы недостаточную поэтическую результативность, К. Ходов отвечает следующим образом:

*Что плод, что овощ – как созреет, сорван...
Уж лучше заживо в темницу мне попасть,
Чем заниматься подражанием себе же –
Так сосет собственное вымя дурная корова.²*

Это тоже поэтический приём.

Мы указывали на то, что Камал часто пользуется верлибром. Но при этом близок ему и классический рифмованный стих. И не каждый поэт столь щепетилен к рифмам, как Камал.

К. Хетагуров писал: «Я не говорю о рифме – она имеет второстепенное значение, хотя и является главным техническим затруднением для поэтов при разработке серьёзной темы»³.

Рассуждая о рифме, В. Шкловский приводит высказывание барона Розена: «Последним убежищем рифмы будет застольная песня или, наверное, дамский альбом!»⁴. По данным литературоведов, написал он это под влиянием мыслей Пушкина и опубликовал в журнале «Современник».

Маяковский думал об этом по-другому: «Может быть, можно оставить незарифмованной (строку – М. К.)? Нельзя. Почему? Потому, что без рифмы (понимая рифму широко) стих рассыплется.

Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить её, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе».⁵

К. Ходов, создавая рифмы, творит их по образу и подобию людей. На это требуется немалый опыт и, бесспорно, талант. Так следует сказать о его неожиданных метафорах, эпитетах, сравнениях и многих других поэтических находках и приёмах.

Ещё об одном творческом приёме.

Обратите внимание на названия его книг – «Бонварнон»⁶, «Соль и хлеб», «Где-то поют осетинские парни», «Возраст», «Имя», «Настроение», «Ерттигъ»,⁷ «Звуки».

Красивое и емкое слово – «Бонварнон» – Венера, утренняя звезда. Если ее светом пронизаны произведения, собранные в книгу, то что еще можно желать – тем более, для сборника поэзии.

Следующие сборники его стихов получили «длинные» названия – «Соль и хлеб», «Где-то поют осетинские парни», но они очень поэтичны и трогают сердце. Но затем поэт всё же возвращался по мере возможности к коротким, ёмким названиям – «Возраст», «Имя», «Настроение», «Звуки»...

¹ Т е д е т ы Р. К. Осетинская советская поэзия. – Цхинвал, 1975. – С. 239.

² Мах дуг, 1998. № 7. С. 7.

³ Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. – М., 1974. – С. 272.

⁴ Ш к л о в с к и й В. Б. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. – М., 1974. – С. 90.

⁵ М а я к о в с к и й В. В. Собр. соч. в 12 т. Т. 11. – М., 1978. – С. 259.

⁶ В е н е р а – утренняя звезда.

⁷ Е р т т и г ъ – трехгранная стрела.

В 1939 году Нигер, изучая поэтику Коста Хетагурова, обратил внимание на названия его стихотворений: «Горе», «Солдат», «Кубады», «Раздумье», «Надежда», «Завещание» и т. д. Заметил – большая часть названий представлены одним словом.¹

Разумеется, мы не хотим сказать, что если название состоит из двух и более слов, то это плохо. Название сборника стихов К. Хетагурова «Осетинская лира» состоит из двух слов, и побольше бы ещё таких книг. Васо Абаев не зря отметил: «Не будет преувеличением сказать, что начало национальному самосознанию осетин положено книгой «Ирон фæндыр». Не будет также преувеличением сказать, что эта книга открыла новую эру в культурной истории осетинского народа. Впервые в его жизни появился человек, о котором каждый осетин, независимо от ущелья, наречия и говора мог сказать с любовью и гордостью: наш Коста... потому что при нем невидимо присутствовали Коста и его «Ирон фæндыр».² И еще: «Перечитывая «Ирон фæндыр», я снова и снова открываю новые грани, новые совершенства, новые жемчужины в этой, такой небольшой по объему, книге... Много о ней уже написано. В сотни раз больше по объему, чем она сама. И все же у меня такое ощущение, что сказано далеко не все и далеко не лучшим образом».³

Как видим, «Ирон фæндыр» у Коста не помешало ее название из двух слов. Но о маленьком открытии Нигера, о названиях некоторых произведений Коста мы вспомнили не случайно. Дело в том, что пристрастие Камала Ходова к именам кратким очевидно. И чему не надо учить поэта – так это отражению жизни в поэтическом творчестве.

Глава 4

МЕТОДЫ ОТРАЖЕНИЯ ХАРАКТЕРА И МИРОВОЗЗРЕНИЯ ГЕРОЕВ В ТВОРЧЕСТВЕ КАМАЛА ХОДОВА

1

Социально-мировоззренческая действительность последних десятилетий прошлого столетия, эпоха перестройки и реформ заставила работников искусства, в том числе и писателей, переосмыслить то, что они делают. Сама жизнь заставила их перешагнуть границы жанров, чтобы лучше и объективнее показать то, что происходит вокруг нас и в нашем сознании.

Ничего удивительного в этом нет. «Кто умеет танцевать в одну сторону, сумеет и в другую», – гласит народная мудрость. Это верно. Если писатель в одном жанре литературы чувствует себя как рыба в воде, то и в другом жанре он сумеет показать свой талант. Именно потому многие писатели работают в разных жанрах литературы: их тянут к себе поэзия, проза, драматургия, критика, переводческая деятельность...

Хорошо это или плохо, вопрос отдельный, для многих, может, и спорный, но некоторым писателям порой оказывается тесен тот или иной жанр для выражения своих мыслей и чувств, тогда как в других жанрах они находят новые для себя возможности.

Камал по этому поводу в своём интервью газете «Северная Осетия» высказывается следующим образом: «Многие планы, особенно касающиеся прозы, не сбылись, остались полусделанными, потому что очень много времени отнимает общественная деятельность, что тоже важно».⁴ Далее он рассуждает о пьесах Шекспира «Отелло», «Макбет», «Гамлет», «Кориолан», о выдающемся произведении Данте «Божественная комедия».

Оба жанра – и поэзия, и драматургия – близки его сердцу, и в обоих он показал своё дарование, силу своего таланта. С поэзией Камала мы ознакомились, что касается драматургии, то в свет вышли три его пьесы: сказка «Чудной чёрт»,⁵ комедия «Завтра

¹ Н и г е р. Уацмысты æххæст æмб. 3 т. Т. 3. – Дзауджыхъæу, 1968. – С. 313.

² А б а е в В. И. Избр. труды. – Владикавказ, 1990. – С. 552 – 553.

³ Там же. С. 555.

⁴ Северная Осетия, 2001. 2 июня.

⁵ Ногдзау, 1988. № 6; 1989. № 1.

нерабочий день?»,¹ поэтическая трагедия о мужестве и доблести древних предков осетин – аланов «Рухсана»,² и было бы ошибкой игнорировать эти произведения.

Камал, как поэт, в первую очередь является лириком, но в драматургии проявилась его способность к эпическому мышлению, выстраиванию сюжетов, созданию образов, а так же умение решать поставленные проблемы с помощью драматургических средств.

Самым первым драматическим произведением Камала, вынесенным им на суд зрителя, является поставленная детским театром Республики Северная Осетия – Алания «Саби» сказка «Чудной чёрт», написанная в соавторстве с поэтом Тотрадзом Кокаевым. Но это не первое его произведение для детей. Он был им знаком по нескольким удачным стихотворениям. К. Ходов, нечасто обращаясь к детской тематике, тем не менее очень хорошо понимает психологию детей. Он умеет так удачно и не навязчиво раскрыть мысль стихотворения, что и взрослых читателей увлекает за полётом своей фантазии. Поэтому многие из них стали хрестоматийными.

Вот одно из них – «Радость»:

*Как уютен наш край,
Его имя – высоко,
Безграничны его достоинства,
Высоко его разума око.*

*Как приятен наш край,
Звенит его слава.
Коврам подобны его луга,
Земля его – изобильна.*

*Как прекрасен наш край,
Старикам здесь – почёт,
Огнеоки здесь младшие,
Земля его – его мать.³*

Вроде бы из совсем простых строк сплетённое простое стихотворение. Но скрытые в произведении поэтические приемы достигают своей цели – например, строфная анафора («Как уютен наш край» представляет собой и риторическое восклицание; притом стихотворение главным образом написано с применением этого поэтического приёма); или, скажем, внутренняя рифма («бæрзонд – йæ зонд» – «высоко – разума око»); или образные сравнения («коврам подобные луга»). Но более всего трогают сердце тропы, с помощью которых поэт называет, то, что, по его мнению, есть лучшее на его родине: «Огнеоки здесь младшие, // Земля его – его мать».

Фабула стихотворения сложна для восприятия, но сразу отпечатывается в памяти, и мы открываем, почему нужно было поэту перечисление всех достоинств края – дело в том, что тот, кто любит свою землю, как мать, становится огнеоком, а для огнеокой молодёжи, что и говорить, свой край и краше, и выше, и изобильней.

И ставится вопрос: почему для осетинских юношей их родина не должна быть матерью?

Это главный творческий посыл стихотворения.

Снискал признание читателей сердец и рассказ «Гамо».

Хорошо знающий душу и психологию подростка что, кстати, тоже является талантом, Камал ненавязчиво показывает в своем рассказе, у кого учиться жить, работать,

¹ Фидиуаг, 1988. № 10.

² Мах дуг, 1995. №№ 1, 2.

³ А й л а р т ы З а р æ. Ирон æвзаджы чиныг 2-аг къласæн. – Дзæуджыхъæу, 1996. – С. 157 – 158.

чтобы стать настоящим человеком. Надо сказать, что творческие корни Камала уходят в народное творчество, что позволяет ему быть ближе к народу, в том числе и к детям.

Нигер, будучи мудрым человеком, учёным и хорошим поэтом, не зря говорил: «Я выхожу из сверкающих дворцов, созданных знатоками родного языка, и сооружаю себе шалаш у неисчерпаемого родника. Имя этому роднику «Народное творчество»».¹ Поэт нашёл в нём опору своему таланту, и это не просто случайность. Народ из века в век вкладывал в него фарн своего ума, тепло своего сердца, огонь души. Невозможно ошибиться в вековой мудрости. Не только Нигер, но многие творческие работники обращались и обращаются к народному творчеству. Конечно, не каждый может одинаково успешно и искусно им пользоваться. Поэтому не все произведения, основанные на фольклоре, доходят до сердец читателей. По нашему мнению, главной причиной этого является то, что творец не может сполна оторваться от народного творчества.

В свое время многие осетинские писатели (в их числе был и Нигер) попытались вынести на суд народа величественные нартские сказания в своей интерпретации, но ни умение их, ни опыт, ни талант не помогли им в этом. Они не смогли осилить ту высоту, на которой стоят народные творения: можно сделать из хлеба разные блюда, но меняя его вид, не улучшишь его качество.

На основе фольклора можно создать много произведений, но это – на основе. Писатель же обязан донести до читателя что-то новое, новое то, чего до сих пор не было. Сила художественного произведения заключается как раз в этом.

В пьесе «Чудной чёрт» авторы нашли этот правильный, ведущий к успеху путь, когда писали свою сказку. И это бесспорное достижение.

Сюжет сказки на первый взгляд вроде бы прост. Но это только на первый взгляд. На самом деле произведение скроено и сплетено из таких умелых и ярких деталей-частей, что увлекает за собой человека. По мере развития сюжета, интерес читателя все больше нарастает: чем же всё-таки закончится скрытая борьба бедняка со своей непослушной и себялюбивой супругой и скаредным алдаром-помещиком? В сказке расположенный к бедняку чёрт наделяет его всяческими дарами, чтобы дать тому возможность изобильной жизни: ручную мельницу, из которой сыпятся золотые монеты; жеребёнка, бросающего золото; вязанку чудесного хвороста, которую не развязать; чудесную тыкву-сосуд, из которого не вытащить затычку – всё это увлекает детей, композиция произведения становится всё более захватывающей, сюжет – всё любопытней.

Но развитие сюжета, её движение не ограничивается только этим. Драматургия, как жанр литературы, не любит однобокости, необходимо показывать жизнь панорамно. Поэтому в «Чудном чёрте» для вящего усиления эффекта воздействия мы видим, наряду с делами бедняка, как между жадным алдаром,² ненасытным волком и зайцем закручиваются отношения, которые трудно разрешить.

Сильное воздействие оказывают сцены, в которых заяц, благодаря подаренной чёртом шапке-невидимке, осмелели одолевает жадного волка благодаря своему уму.

Видный балкарский поэт Кайсын Кулиев в одном из лучших своих стихотворений пишет:

*Мила мне в сильных слабость, в слабых – сила.
Гром грохотал, раздув свои меха.
Могучий дуб гроза не повалила,
Но выдержала бурю и ольха.*

*И вот теперь, когда проплыли тучи,
Простая песнь с моих слетает губ,
В которой славлю я не дуб могучий,*

¹ Н и г е р. Уацмысты æххæст æмб. 3 т. Т. 3. – Дзæуджыхъæу, 1968. – С. 592.

² А л д а р – брин.

А слабую ольху, стоявшую, как дуб.¹
(«Мила мне в сильных слабость...».)
Перевод Н. Гребнева)

Это веление сердца: любить в сильных слабость, у слабых – проявление силы. У человека, в каком бы возрасте он ни был, это в крови.

Конфликт, заложенный в сюжете пьесы, обостряется тем, что жена бедняка, от бед которого дрогнуло даже сердце чёрта, отнюдь не старается благоустроить жизнь семьи, но постоянно любой ценой старается быть поближе к алдару. Даже бешмет заштопать своему мужу и то не удосужится. Потому муж, укоряя её, восклицает: «Чтоб у тебя руки отсохли по Божьему велению, жена! Ведь не растаяла бы, заштопав мой бешмет!»

Появляется ж е н а.

Ж е н а. Да завернут в этот бешмет твой труп, ещё чего не хватало – растаять!

М у ж. Ругается, вопит... А в лес голышом идти, что ли?

Ж е н а. Мертвым пусть привезут тебя из леса... голышом...

М у ж (*вздыхает*). Если бы, если бы! Зараз бы от тебя избавился. Но, эх, где такое счастье!

Ж е н а. Оставь свою болтовню, лучше иди да забрось алдару охопку дров.

М у ж. Чтоб тебе пусто было с этим алдаром!

Ж е н а. Может, смягчится к нам душой.

Опять каркает ворона.

М у ж. Чтоб тебе ворона глаза выклевала, что ты постоянно судачишь об алдаре?!

Ж е н а. Алдар – настоящий мужчина! Как выйдет... (*Изображает походку алдара.*)

М у ж. Чтоб ты ему на том свете мух обгоняла!

Ж е н а. А ты... будь ему ослом! У алдара, сказывают, даже у осла седло золотое! Вот и променяешь свой старый бешмет на золотое седло... (*Уходит*)»².

Можно подумать, что кроме денег ей ни до чего нет дела, но это не так. Ручную мельницу, намеливающую золото, она по дурости своей несёт алдару. «Вознеси молитву, алдар, да будет под твоим покровительством наша золотая мельница», – просит она скаредного алдара и сует в его загребушую руку чудо-мельницу, которая могла бы сделать их жизнь прекрасной.

Начало произведения ассоциируется с известной комедией Р. Кочисовой «Лгун» (другое название – «Наш пристав сошел с ума»). В бедной комнатухе «Мызылон шьёт чувяки» и, проклиная своего мужа Умархана, сокрушается о своей доле: «Чтоб тебя убили, такого негодника, который не заботится о своём доме! Это ж надо – встать с утра и шляться весь день по селу в поисках выпивки! Зависть берёт к тем, у кого мужья о своём доме заботятся! И сколько мне ещё терпеть такую жизнь?»³

В это время появляется Умархан, и они начинают переругиваться, что дом без присмотра, а глава дома с утра до ночи за водкой бегаёт.

В «Чудном чёрте» бедняк сидит у дома «под деревом, что-то напевая, штопая бешмет», но при этом не забывает укорять жену: «Чтоб у тебя руки отсохли по Божьему велению, жена! Ведь не растаяла бы, заштопав мой бешмет!», – и т. д. Затем, при появлении жены, они начинают ругаться.

Но в обеих пьесах такое образное начало – творческий приём, чтобы захватить внимание зрителя, и эта цель, надо признать, бывает достигнута.

Общая композиция пьесы хорошо проработана. По мере развития сюжета, взаимно помогая и усиливая друг друга, прочерчиваются две смысловые линии: бедняк, его жена, чёрт и алдар; заяц, волк и чёрт. Благодаря им произведение не только веселит зрителя, но

¹ Кулиев Кайсын. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. – М., 1987. – С. 278.

² Ногдзау, 1988. № 6. С. 19.

³ Кочисаты Розае. Рухсмæ бæлгæйæ. Дзауджыхъæу, 1960. – С. 16.

даёт ему возможность осознать торжество справедливости в сюжете пьесы. В кульминации пьесы эти две сюжетные линии объединяются.

Оба автора пьесы, хотя и являлись первопроходцами в этом деле, но поэтический дар и опыт помогли им в прозрачных и коротких диалогах раскрыть в полной мере свои творческие замыслы:

Чёрт. Скажи, ради Бога, зачем ты ешь своё ружьё-то?

Бедняк. Будь у меня ружьё, я не жил бы в бедности.

Чёрт. А чем же ты пугал волка?

Бедняк. Да вот трубкой борщевика¹. На, посмотри (*подаёт ему борщевик*).

Чёрт (*посмеиваясь*). Ну, хорошо ты его попугал... Глупый волчара.

Бедняк. Что-то же надо было делать для твоего спасения.

Чёрт. Спасибо. Добро твоё я не забуду ни под землёй, ни на земле.

Бедняк. Так ты и под землёй бываешь? (*Присматривается к нему*.) Да вот и хвост я вижу у тебя! Уж не чёрт ли ты?

Чёрт. Что, рожей не похож?

Бедняк. Вот те на! Вот это да!

Чёрт. За твою помощь я трижды отплачу тебе добром».²

К. Ходов проявил дар драматурга и в комедии «Завтра нерабочий день?»

Мы уже говорили о том, что Камалу присуще чувство юмора и он часто пользуется им в произведениях, вызывая улыбку у своих многочисленных читателей.

Так, мы не можем не улыбнуться, читая о том, как один жадный человек, приглашенный на поминальное мероприятие к своему бедному соседу, посвятил поминальные кушанья хозяина своим умершим. «Хозяин, набычившись, некоторое время слушал его, затем внезапно сказал:

– У меня в сарае есть еще старый осёл, посвяти ему тоже своим умершим!

Сосед смешался:

– Да что ты такое говоришь?!. Побойся Бога!

– Ну а как твои покойные столько добра на своём горбу унесут? – ответил ему бедняк».³

Благодаря своему острому глазу, внимательности к повседневной речи, а также умению выделять то, что актуально в данный момент, автору удается писать весёлые монологи. Конечно же, в большинстве своём преследуют цель насмешить читателя, но в них нечто более важное, о чём нельзя забывать. Один из этих маленьких рассказов повествует о том, как из Германии везли на перезахоронение в Осетию останки видного деятеля конца XIX – начала XX вв. Гаппо Баева: «В Кабардино-Балкарии картеж остановила милиция, чтобы проверить документы. Как выяснилось позже, с милиционерами был и министр внутренних дел Кабардино-Балкарии. Когда проверка стала слишком уж затягиваться, глава делегации Эдуард Мецаев вышел из своего автомобиля и обратился к ним (конечно, по-русски):

– Ребята, ну что вы пристали к нашим водителям, мы же везём гроб с телом первого мэра Владикавказа...

Услышав эти слова, министр Кабардино-Балкарии в испуге подскочил:

– Как?! Шаталов погиб?!!»⁴

Для него в то время известней тогдашнего мэра Владикавказа – Шаталова человека не было.

Так, жизненные наблюдения К. Ходова претворяются в жанровые сцены. Камал не зря слывет мастером писать пародии. Это качество помогло ему при написании комедии (в соавторстве с Г. Бицоевым).

¹ Борщевик – растение с толстым стволем (бот.).

² Ногдзау, 1988. № 6. С. 22.

³ Мах дуг, 2000. № 1. С. 9.

⁴ Мах дуг, 1999. № 9. С. 155;

В самом начале произведения мы не только знакомимся с Балотти – выпивохой, любителем дармовщинки, тщеславным человеком, но мы многое узнаем и о других персонажах пьесы (Келц, Мирзакул, Ахбол). Это удаётся благодаря конструкции драматургического слова.

И. П. Эккерман, вспоминая высказывания И. В. Гёте о драматургии, писал, что великий поэт настаивал на том, что в драме каждое действие должно иметь относительную самостоятельность и показывать значимое событие.¹

Когда Балотти вынимает из ящика стола бутылку, наполняет стакан, выпивает и довольно ухает, то это достаточно для понимания его внутреннего мира, его жизненной философии: «Эх, и закусить-то толком нечем! Удивительные создания эти жёны. Вот я – хозяин дома. К тому же ответственное лицо в этом селе, после Ахбола – второй человек. Так когда после работы прихожу домой – выйди мне навстречу. Две души должны понимать друг друга, иначе... (*указательным пальцем проводит по горлу*). Вот так будут жить, вот так. Им нужно гайки сразу позакручивать, в самом начале. Иначе сядут тебе на голову, да ещё и всякие кляузы начнут на тебя писать»².

В нескольких сжатых предложениях отражены не только черты Балотти, его работа, его характер, но и жизнь его семьи, его устремления. В произведении это каждый раз свидетельство того, что автор умеет работать со словом, с найденным материалом, выстраивать сюжет, выверять композицию, облекать в слова задуманное.

В сценах и действиях драматического произведения всё это проявляется с помощью хорошо продуманных диалогов. Пьеса «Завтра нерабочий день?» с начала до конца состоит из таких диалогов:

Б а л о т т и. Вот такие, как ты, нас сейчас и тормозят, а то бы... (*Пауза.*) Так что же, по твоему, делать с Бизиккон?

К е л ц. Позвать сюда и наказать. Если это не в ваших силах, то вот Мирзакул найдёт средство! Клянусь Хетагом!»³.

Этот разговор происходит между «вторым человеком» сельсовета Балотти и любителем легкой наживы водителем Келцом. Он пришел жаловаться на свою соседку Бизиккон, которая то мусор перед ним разбросает, то вслед ему помои выплеснет. В ходе разговора, как бы ненароком, выясняется схожесть их характеров, мировоззрений.

Б а л о т т и (*с интересом*). Как поживает Мирзакул? Правда ли, что на свою свадьбу он пригнал из калмыцких степей диких быков?

К е л ц. Какая свадьба? Кто бы об этом знал раньше меня?

Б а л о т т и. Вот в это самое время сват Мирзакула Ахбол произносит тост дома у Езетхана.

К е л ц (*от души смеется*). Клянусь Хетагом, даже если Мирзакулу предложить дочь Солнца, то он и от неё начнёт нос воротить, а вы ему с Ахболом Езетхан сватаете.

Б а л о т т и (*вытаскивает из нагрудного кармана фотографию, украдкой на неё поглядывает*). Слушай, Келц, ты не достоин говорит про Езетхан! К тому же её дочь Дидинаг⁴ ничем не хуже дочери Солнца!

К е л ц. Понятно, Дидинаг предпочтительней дочери Солнца, но с чего ты завел разговор о ней?

Б а л о т т и (*теперь уже он смеется*). Ну, как же тебя не назвать тёмным человеком! Твой хозяин у тебя под носом проворачивает такие дела, а ты ни сном ни духом!

К е л ц. Если Мирзакул без меня что-то сделает – то я умер!

Б а л о т т и. Значит, умер – сватает Дидинаг!

К е л ц (*расмеялся*). Так её же за меня сватал Мирзакул.

¹ Эккерман И. П. Разговоры с Гёте. – М., 1981. – С. 179.

² Фидиуэг, 1988. № 10. С. 32.

³ Там же. С. 33.

⁴ Цветок – по осет.

Б а л о т т и (*не обращая внимания на его слова*). Правда ли пропала цистерна спирта из сокового цеха?»

Вроде бы мы взяли для примера маленький отрывок из пьесы, но сколько нужной информации он содержит, к тому же полностью ориентирован на дальнейшее развитие сюжета, способствует раскрытию замысла произведения, нагнетанию конфликта. Гегель не случайно указывал на то обстоятельство, что там, где нет борьбы, нет противостояния, там нет драмы.¹ А это как раз те важные художественные средства, благодаря которым пьеса становится подлинной пьесой. Умелое и точное использование данных художественных приемов, которые применяет К. Ходов, служат залогом успеха его произведений.

Раз произведение «Завтра нерабочий день?» – комедия, то в ней встречаются элементы, характерные для осетинской комедии и предназначенные только для того, чтобы вызвать смех зрителя, хотя, по моему мнению, это не так похвально, например: краткосрочные курсы женихов (ККЖ), витамин Г – гонорар, мини-курсы девушек – МКД, и другие, но это всё только для того, чтобы комедия не выходила за рамки своего жанра. На самом деле произведение преследует очень большую, важную мысль. По словам одного из положительных героев Ахбола «не всё можно купить за деньги», особенно любовь. Равная дочери Солнца Дидинаг не зря мучает своих многочисленных женихов: те, кто не научился вести себя достойно, должны сперва подумать о своем поведении, а затем только о создании семьи.

Не приносят человеку славы воровство, обман, насилие, чревоугодие, разврат, пьянство, никогда они не были делом чести у народа, это ясно видно в пьесе, и авторы показывают нам эти пороки не для того только, чтобы мы смеялись, нам преподносится урок – урок жизни. Это главная идея произведения.

Целью данной комедии было выявление недостойных качеств нашего современника в осмыслении духовного бытия человека. И авторы со своей задачей справились. Кто не умеет идти по жизни, кто ищет лёгких путей, тот теряет не только самое дорогое, что у него есть – любовь, но, подобно Балотти, и свое место. И не только место работы, но место, которое делает человека человеком в обществе людей. Эта главная идея пьесы выражена ярко, глубоко, прочувствованно. Но, чтобы читатель сделал из этого выводы, ему на помощь приходят яркие образы, сделанные авторами, язык комедии, множество художественных деталей.

Но всё же самым весомым произведением Ходова Камала является его поэтическая трагедия «Рухсана». Написана она по Расину.

Жан Расин жил в XVII веке (1639 – 1699) и оставил свой след во французской драматургии главным образом трагедиями «Британик», «Береника», «Митридат» и «Федра», которая породила и «Рухсану». Его внимание в основном привлекали человеческая жестокость и сопряженные с ней, всё обостряющиеся конфликты личностей. Не остались без внимания автора и добропорядочные дела, а также противоречивые качества, делающие человека человеком, его достоинства и безумные страсти. В своё время французский писатель, мастер афористической публицистики Жан де Лабрюер сказал о нем: «Корнель нас подчиняет своим характерам, своим идеям. Расин роднит их с нашими. Тот рисует людей такими, какими они должны быть, этот – такими, какие они есть... Один возвышает, давит, господствует, учит; другой нравится, волнует, трогает. Всё, что есть в разуме наиболее прекрасного, наиболее благородного, наиболее возвышенного – это область первого; всё, что есть в страсти наиболее нежного, наиболее тонкого – область другого. У того изречения, правила, наставления; у этого – чувства. Корнель наиболее занят мыслью, пьесы Расина волнуют. Корнель поучителен, Расин человечен, один подражал Софоклу, второй более обязан Еврипиду».²

¹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика в 4 т. Т. 3. – М., 1971. – С. 539.

² Зарубежная литература XVIII – XIX вв. – М., 1982. – С. 96

«Федра» Расина написана по «Ипполиту» Еврипида. Не одно произведение было создано по сюжету, посвященному преступной связи молодого человека и его мачехи. Но в большинстве они оказываются неспособными вырваться за рамки сюжета-предшественника.

Расин считал недопустимым насилие Ипполита над своей мачехой. Он был горд, что избавил своих персонажей от столь отвратительных поступков: «Я даже постарался сделать её менее отталкивающей, чем в трагедиях древних, где она сама решается выступить обвинительницей Ипполита. Я считал, что в клевете есть нечто слишком низкое, слишком злодейское, чтобы вложить её в уста царственной особы, которая во всём прочем наделена чувствами столь благородными и столь добродетельными. Эта низость показалась мне более подходящей кормилице, у которой могли быть более рабские склонности и которая все же выдвигает это ложное обвинение лишь для того, чтобы спасти жизнь и честь госпожи».¹

Клеветать на кого-либо – дело недостойное, тем более на любимого человека; сплетни порождены предательством. Не зря люди говорят: многие гибнут от сабли, но еще более разит злой язык; потому что пока умные будут искать правду, язык острым клинком чиркнет по горлу. Поэтому умные люди считают ниже своего достоинства прислушиваться к сплетням.

Камал тоже избавил Рухсану от сплетен, и правильно сделал. Надо уметь ценить своего героя. И, конечно, любить тоже. Работая над трагедией «Амиран», Бритаев Елбиздико не напрасно писал своей жене Казбековой Ольге: «Я боюсь забыть тебя. Твой образ двойтся с другим, который становится мне таким же дорогим, как твой, и в этот другой образ я начинаю безумно влюбляться. Не бойся, однако, этот другой образ – образ героини моей драмы. Только!», – и далее: «Продумаешь всё, переживёшь так, что порою дух захватывает, слёзы навёртываются, бледнеешь (испугавшись за героя своего: я пережил это на самом деле и увидел в это время свое лицо в твоём зеркале – лицо было бледно) и т. д.».²

Вот так надо любить своего героя! И тогда он не даст тебе ошибиться. Поведёт тебя прямо по той дороге, которая уготовлена судьбой. Но сперва надо создать этот образ. И Камал Ходов шаг за шагом старается обогатить образы своих героев.

Несчастье и достойна сожаления судьба Рухсаны. Как тать в ночи, таит она даже от себя накопившуюся в сердце ненависть, которая мучает её и которой она боится. Нельзя без волнения читать ее душераздирающий диалог с няней Хорческой:

Р у х с а н а:

Даже если я до предела раскрою перед тобой свое сердце,
Всё равно греховна жизнь моя.

Х о р ч е с к а:

Как же мне ещё говорить с тобой,
Умылась я своими слезами,
Иссякла душа моя от страданий.
Я стою на коленях перед тобой
И целую твои ноги.

Р у х с а н а:

Хорческа, встань!

Х о р ч е с к а:

Скажи тогда открыто.

¹ Там же. С. 97.

² Б р ы т ь и а т ы Е л б ы з д ы х ь о . У а ц м ы с т æ 2 т . Т . 2 . – Д з æ у д ж ы х ь æ у , 1982 . – С . 119-120.

Р у х с а н а (*в сторону*):
Что ей сказать? Как начать?..

Х о р ч е с к а:
Верь мне!

Р у х с а н а:
О, мука чёрная! Пусть погибнет мой Создатель,
Горячими страстями наделивший меня!

Х о р ч е с к а:
Неужели полюбила?

Р у х с а н а:
Опозорилась я...
Даже во сне начинаю его целовать.

Произведение главным образом завязано на этой трагической, преступной любви. Счастью любящего сердца достойно зависти, но тайная и неравная любовь кроме несчастий ничего не приносит ни любящим сердцам, ни тем, кто окружает их.

Из монолога Рухсаны мы узнаём про несчастную любовь, что терзает её, неуместные чувства бросают человека в дрожь, настолько они неожиданны в своей беспощадности. Не выдерживает и любящее сердце воспитательницы, и она в горечи восклицает: «О великий Создатель!.. О позор! Беда! Рухсана!»

Монолог никого не оставит равнодушным. Тот, по которому она сходит с ума, без кого жизнь потеряла для нее смысл, из-за чьей любви презрела она людское мнение и, будучи супругой царя, лишает себя радостей жизни, приближая день своей кончины, является сыном ее отважного и беспощадного супруга, аланского царя Арц-Алана от первого брака с гречанкой – Фарнагом. И благодаря мастерству автора из уст героини трагедии мы узнаем о событиях, связанных с ее несчастной любовью:

*Но рок! Он беспощаден:
Куда был сослан сын моего мужа,
Там однажды объявился Арц-Алан,
И я в той поездке тоже была с ним...
И вновь открылась смертельная рана.
Я снова потеряла покой,
Тьма объяла мой разум.
И я сказала: «Люблю Фарнага».*

Шила в мешке не утаишь... Чем выше стоит человек на социальных ступенях, тем быстрее разносится весть о его позоре. Все видели мучительную страсть Рухсаны, но никто не хотел замечать, как в ней борются, словно искры огня, глубокие женские чувства и не дают ей победить свою любовь.

Рухсана проклята небожителями – ее любовь-страсть рождается против ее воли и потому сводит ее с ума. Она не скрывает её от мужа, она честна с ним, и это обстоятельство возвышает не только её душу, но, можно сказать, и ее любовь:

*Твой сын был чист перед Богом,
Лишь я виновна в том, что было.
Небожители влили в мою кровь*

*Любви постыдной и недостойной яд,
И не смогла я совладать с собой,
Что люблю его безграничную любовью,
Я как-то раз сказала Фарнагу откровенно,
Но Фарнаг не ответил на мою любовь.*

В смятении Рухсана рассказала все Хорческе. Хорческа же, испугавшись за свою воспитанницу, обрушила потоки клеветы на Фарнага и тем самым внесла еще больше раздора в и без того запутанные семейные отношения Арц-Алана. Но она же первая и пострадала от своего злословия.

Любви постыдной и недостойной яд разлился в крови Рухсаны, но ее грешную душу оправдывает то, что она не снимает с себя вины, не пытается оправдать себя, а борется за правоту своего возлюбленного Фарнага: «Могла бы я покончить с жизнью счёты, Но тогда не знал бы правды ты».

Другое дело Фарнаг. Он любит ту, кого любить не должен, ту Агунду, чью семью погубил его отец Арц-Алан ради достижения царской короны. Для гордого юноши-воина, не обращавшего до сих пор внимания на женщин, наступил черед страданий – «вонзилась в грудь любви стрела». Старания прогнать из сердца образ Агунды приводит к ещё большим потерям – «Покидает сердце грудь, // и жизни смысл теряется порой».

Но гордому смельчаку честь и слава отца дороже собственной чести и славы. Он будет терпеть собственное унижение, не станет добиваться правды и не пожалеет об этом. Решение его твёрдо: «Лишь бы не трепали имя отца, а что обо мне скажут, мне всё равно». И цель его ясна: «Чтобы имя моего отца Арц-Алана // сияло звездой как прежде».

«Рухсана» – романтическая трагедия, пронизанная романтическим настроением, соединившая в себе несколько романтических историй, когда один герой отдает свою жизнь ради защиты чести другого героя (Хорческа защищает честь Рухсаны, Рухсана защищает честь Фарнага, а Фарнаг защищает честь Арц-Алана). Но романтическое произведение ради идеи – приносит в жертву жизнь своих героев. И Хорческа из-за своих сплетен, Рухсана из-за преступной любви, а Фарнаг ради сокрытия позора своего отца – находят смерть. Но что интересно в этой трагедии – это художественная композиция, развитие сюжета и соответствие поступков характерам героев...

Нельзя не отметить, что трагедия воспекает человеческое достоинство. По словам Васо Абаева, в народной этике высоко ценились мужество и человеческое достоинство, но предметом особой славы, воспеваемых в песнях, становились те, которые служили правому делу¹: и герои Камала верой и правдой служат правым делам в художественном мире автора.

В трагедии вырисовывается и другая сюжетная линия – борьба за царскую корону, но она не раскрыта, находится как бы в тени любовной линии, впрочем не раскрыт и образ Арц-Алана, храбрый воин и любитель женщин показан лишь декларативно.

Старый, захватывающийся сюжет автор старался заставить «сиять заново» в осетинском одеянье, и это ему удалось.

Что интересно, в драматургии Камал начал свой путь в жанре сказки, потом поднялся к комедии и перешел к жанру трагедии. В поэтическом мире Ходова эти позитивные сдвиги говорят о прогрессе его творческой судьбы. От художников, с каждым новым произведением поднимающихся выше и выше, читатели ждут всегда новых и лучших произведений. И поэт не обманывает их ожидания и в жанре драматургии. Гармония и драматизм жизни в его поэтическом восприятии так художественно совмещены, что читатель не может оторваться от его произведений, и это говорит о мастерстве Камала.

¹ Абаев В. И. Избр. труды. – Владикавказ, 1990. – С. 399.

Как мы видим из творчества писателя, К. Ходов является надеждой осетинского народа, надеждой Осетии. Воспринимая гармонию и трагизм жизни в творчестве писателя, мы получаем от них художественное впечатление, адекватное в своей содержательности авторскому замыслу.

2

Из века в век все великие писатели мира силу своих умов и жар своих сердец вкладывали в суть своих произведений с тем, чтобы породившие их народы возвышали этой силой свои думы и согревали этим жаром свои души. И эти сокровища человеческого духа сохраняют свое значения всегда. Самые дальновидные и мудрые люди возвышают свой дух этими сокровищами. И они, безусловно, правы.

Когда разные народы, единодушно гордящиеся редчайшими созданиями великих своих художников, протягивают их творения тебе на ладони, твой долг – суметь принять этот бесценный дар, своим умом и талантом заставить заговорить на твоём родном языке, чтобы твой народ во веки веков был тебе благодарен.

На осетинском языке великолепно заговорили Пушкин и Шекспир, неизвестный автор «Слова о полку Игореве», Руставели и целый ряд других гениев. И об этом трудном и благородном деле искусстве переводе можно было бы говорить долго и основательно. Но в данном речь идет о труде дарования Камала Ходова, художественной сущности которого органично свойственно пристрастное общение с великими творениями человеческого гения.

Правда, Камал Ходов не так часто обращается к переводу произведений мировой классики на родной язык. Но когда он берется за перевыражение шедевра на родном языке, то ему удается перешагнуть через самые, казалось бы, неодолимые препятствия. Своим трудом и талантом он заставляет эти шедевры блистать на осетинском языке так, как будто их родил осетинский гений.

Скажем, вот каким звонким голосом заговорил на осетинском языке Джованни Боккаччо («Сонет об Италии»):

*Уыдтæ, Итали, бæстæтæн сæ паддзах.
Цы фесты ныр дæ нæргæ кад, дæ цыт?
Æвæццæгæн, дунейы сæфт æрцъид –
бæрзонд аивад къæхты бынмæ 'рхаудта.*

*Куыдзы 'мгад систы хорзæхтæ. Нымад та
куыд уой лæгмæ, кæд сау дуджы фæрцы
нæ удты намыс бакодта мæрдицъынд –
æрмæст æхца, кæй ма æндавы кад та?!*

*Уæндон ныхас нын баззади фæткæн.
Уæууæй, нæ иу дæр нал кæны йæ мæт.
Ды дæр нын нал дæ ацы ран ныфсдæттæг.*

*Уæдæ мæнимæ судзгæ марой кæн –
йæ базыры бын бакодта хъысмæт
дзырды фарнæн йæ цыфыддæр ызнæгты.*

«Чтобы создать переводный аналог, достойный оригинала, переводчик должен глядеть из того же окошечка, из коего смотрел творец оригинала на жизнь и ее явления в

процессе творчества», – утверждал известный осетинский писатель и переводчик Михаил Булкаты.¹ Этого принципа придерживается и Камал Ходов.

Ритм – тугой и звонкий, мысль – стройна, ясна. Слова так плотно и дружно сцеплены, что разнять их невозможно. Во фразах, предложениях все скроено по ладу и стати осетинского языка. Нет искусственно образованных лексем и словосочетаний. И все это – следствие искусной работы переводчика.

К тому же горестные размышления поэта о судьбе Италии так перекликаются с нашими не менее горестными думами о судьбе Осетии, словно Боккаччо свой сонет писал о судьбе нашей родины. Ведь и мы нередко гордимся славой скифов и аланов, а между тем слава эта исчезла давно, от костра осталась одна зола, «высокое искусство выброшено в грязь», «подвиги ценятся не выше псовой прыти»; в «сей мрачный день» в цене лишь деньги. «Судьба своим крылом пригрела врагов величья слова». И складывается такое впечатление, словно Боккаччо принял в сердце нашу боль, горестно переживает нашу трагическую судьбу. А это свидетельствует о том, что «переводчик сумел добраться до сердцевины природной сути оригинала».²

Спору нет, переводчик должен знать доподлинно то, что хочет усвоить из инонационального художественного опыта, и не менее точно знать – как усвоить этот драгоценный опыт. Результаты переводческого искусства и труда Камала Ходова убеждают нас в том, что он в высокой степени владеет как искусством выбора переводимого произведения, так и искусством перевыражения его на почве родного языка.

Вот каким, например, изумительно мелодичным голосом заговорил Эндре Ади на родном нам языке, словно звучание осетинского слова вошло в его душу, как собственное сердцебиение:

*Дæ рафæлдыст æнустыл тауыс ды
рын æмæ тохы монц.
Ныккал та ныл дæ сырх фæттæ, ныккал!
Ныккæнæд тохы бон!*

*Мæ алыварс, – кæййонг æххæссы цæст, –
мардон тар æмæ саудалынг æмвæтæнæг.*

*Сæлхæр хъысмæт æмæхсæвæджы мах
сæрсæфæнмæ кæдмæ тардзæн?*

*Кæдмæ тардзæн æлгъаг ивгъуыд фыдаудæн
нæ зæнæгыл?
Кæдмæ нæ 'лгъитдзæн?
Сырх зæрин хур, дæ зивæг фæхс!
Дæумæ бæллын!
Табу – дæхицæн...*

(«Сырх хур»)

И читателю невольно кажется, что Эндре Ади – один из нас, что он орацается к солнцу, как это сделал бы осетин. Кажется также, что он воочию увидел нашу беду, услышал наш горестный зов, принял в душу нашу сердечную муку. И, по-видимому, именно по этой причине – из-за неизбежно бедственного состояния нашего народа – приходится переводить такие произведения, как «Красное солнце» Ади. Камал Ходов это знает как бесспорную истину и потому стонет в унисон с автором «Красного солнца»:

¹ Булкаты Михаил. Тæлмац кæныны хъуыддаг – хæлардзинады хид // Фидиуæг, 1986. №4. С. 76.

² Булкаты Михаил. Тæмац кæныны хъуыддаг – хæлардзинады хид. // Фидиуæг, 1986. №4. С. 76.

*Æнæныфсæй, тыппырзæрдæйæ амæлон? –
нырма æвгъау дæн!
Æрдынтынгæй,
æлвæсткардæй дæумæ бæллын,
сырхбазыр бардуаг!*

*Мæ иу фендæй дæс ахæмы дæ марг
куына фæуа –
дæ фарн мыл уæд ныгуылдзæн!
Стул уыраугæ, дæ рын бахæрон!..
Иугæр дæн æгас –
уæд карз фыдæх дæуау мæ риуы судзæд!
Дæ сырх арты куы фенин дуджы сау хъылма
Бынсæфт, сæргойæ, –
мæ ингæнмæ ныххизин уæд æз дæр
æнцад-æнцойæ.*

К. Ходов знает и то, что так необходимое его душе слово примет с отрадой каждое осетинское сердце. А ведь верный выбор пути – свидетельство таланта служителя искусства слова. И слова нашего замечательного литературного критика Александра Тибилова, сказанные об искусстве перевода редкостно талантливого Цоцко Амбалова, великолепно владевшего русским и немецким языками, вполне приложимы к переводческому дарованию Камала Ходова: «... он отлично знаком с сокровищами искусства слова на многих литературных языках. У него развитый художественный вкус. И переводит на родной язык такие произведения, из которых наш народ может усвоить прекрасные чувства и высокие помыслы. Он переводит лишь такие книги на осетинский язык, которые ясно говорят о свободе и достойной борьбе за свободу; в которых очевидно заступничество за оскорбленного человека».¹

И думается, что творчество переводчика обладает несравненной ценностью в тех случаях, когда последний умеет выбирать для перевыражения такие произведения, в коих читатель найдет суждения о проблемах, судьбоносных и для его народа, а также одарен способностью изложить авторскую мысль соответственно оригиналу. Камал Ходов безошибочен в выборе произведения для перевыражения на родном языке:

*Фыцгæ фурды зилдухмæ рындзæй кæсын, –
Ныссау и, мæ сагъæсты уаргъау.*

*Æхситгæнгæ дымгæ йæ уæлных хæссы –
Цъæх фурды хъæлаба уа, маргъ уа.*

*Хæлæрттæ мын цал уыд, стæй уарзæттæ – цас!
Ныр нал ис сæ иу дæр мæ разы.
Ныффæртт ласы иу уылæн иннæйы ‘васт,
Æнæрæнцой*

дымгæ дзыназы.

(Гейне. «Фыцгæ фурды зилдухмæ рындзæй кæсын...»)

¹ Т ы б ы л т ы А л ы к с а н д р. Уацмысты æмбырдгонд. – Цхинвал, 1988. – С. 123.

Наш поэт сумел адекватно передать и смысл, и эмоциональную выразительность прекрасного стихотворения Гейне на родном языке.

Искусство переводчика (особенно поэзии), безусловно, трудное и ответственное деяние. Но когда переводимое произведение волнует мысль и душу переводчика, то и переводный аналог непременно затронет струны сердца читателя. И потому отметил Ахсар Кодзати в своем обзоре осетинской поэзии за 1983 год: «Камал внес в состав книги «Æрттигъ» («Трехгранная стрела» – К. М.) некоторые из своих переводов разных лет и из разных национальных литератур. Этот факт дает более верное и более широкое представление об его творчестве. Читая переводы Камала Ходова стихотворений Боккаччо, Гейне, Плещеева, Светлы Узуновой, Шукри Тахирова и других поэтов, порой кажется, что эти поэты свои лирические откровения писали на осетинском языке».¹

Чтобы окончательно убедиться в высоких достоинствах переводческого искусства Камала Ходова, достаточно еще раз внимательно прочесть перевод сонета Лопе де Вега:

*Сæнæфсыры мæнæгæфсон цонг дæр хатгай
гæдыбæласы даргъ зæнгыл ысхилы
æмæ йæ улы дзæбæхæн фæзилы
сыфтарджын ран. Æррæвдауы йæ сатæг.*

*Кæны хæххон дон къæдзæхтыл гæппытæ,
уæлвонгмæ цыма базыртыл тæхы...
æнæбон дзиба хъахъхъæны йæхи
хъæрмтугмондаг хъæрцыгъайы дзæмбытæй.*

*Егъау фурдмæ куы бакæлы цæугæдон,
куы аирвæзы йæ 'нæбын æрфытæм,
йæхимæ уæд уый нал кæсы æнæбон.*

*Мæ уарзтæн нæй мынаггæнæн уæлауыл,
кæд ис, уæд мын дæуимæ ис цæрæнбон –
æцæг уарзтæн йæ фарн мæрдтæм нæ цæуы!*

Михаил Булкаты, талантливый прозаик и мастер переводческого искусства, в одной своей статье, уже упомянутой нами, высказал такую мысль: «Переводчик обязан перевести на родной язык не только полюбившийся ему текст. Он обязан перевести еще и талант автора произведения».

Михаил Булкаты такой позиции держался неспроста. Он считал, что переводить следует исключительно с языка оригинала. Ибо только знание оригинала позволит переводчику постичь «своеобразие природы оригинала». «В сложном процессе перевыражения вместе с языком в определенном смысле меняются и персонажи произведения, и переводчик сам должен испытать духовную метаморфозу перехода с одного языка на другой, в том случае его перевыражение будет довольно искусственным и неубедительным».

Таково убеждение М. Булкаты. И спорить с ним было бы неразумно. Однако процесс развития межнациональных культурных контактов сложнее любых исследовательских выводов. У малочисленных народов весьма малочисленны и ряды талантливых художников слова. Языков народов, имеющих великие литературные памятники, довольно много. Владеть всеми этими языками нет реальной возможности, а переводческое освоение опыта этих литератур, безусловно, необходимо. И по этой

¹ Х о д з а т ы А х с а р. Афæдзы фæллоу // Критикон уацтæ. – Дзæуджыхъæу, 1990. – С. 26.

причине, естественно, приходится прибегать к помощи подстрочных комментированных переводов. Образованные и талантливые переводчики и в такой ситуации создают в высшей степени интересные аналоги к оригиналам, языком коих они не владеют. Именно к числу таких переводчиков относится и Камал Ходов. И его переводческая удачливость связана еще и с его преданностью одной максиме: переводить единственно любимые произведения.

Вот, скажем, переводы двух миниатюр классика армянской поэзии Ованеса Туманяна:

*Æз иу бæлон фатæй фæцæф кодтон раджы,
Мæ сау мийæн фидын йæ аргъ:
Уынын æй мæ фынты – йæ тугахуырст базыр
Зæрæхсидау бамбæрзы арв...¹*

Смысловой эпицентр строфы – последние два стиха – трагический образ погубленного голубя, чье окровавленное крыло закрывает всю небесную синеву в глазах убийцы...

Видимо, к такой мучительной концентрации образного и эмоционального смысла относится поэтическая максима Некрасова – о тесноте словесной и просторе мыслей.

Таков и перевод второй миниатюры Туманяна об убийственном вопросе матери-овцы к человеку, съевшему ее ягненка: «Вкусно ли было мясо моего дитяти?»

На осетинском языке в переводе Камала Ходова это звучит так:

*Цæй, алы фынгай адаймаг куыд лидза!
Мæн иу мадел фыс бафарста сæрдæжы:
«Дæ хъæбултæ зæрдæхъæлдæгæй рæзæнт –
Хæрзад уыди мæ уæрыккæн йæ дзидза?»²*

Вносить в сокровищницу родной литературы такие шедевры, пусть переводные, – дело благородное и общелитературного значения. У Камала Ходова щедрый талант на такие дары родному языку. И, кстати сказать, он переводит не только стихотворные шедевры, но и драматические произведения. На сцене осетинского театра целый ряд спектаклей состоялся именно на основе пьес, переведенных К. Ходовым.

К его наиболее удачным переводам относится трехактная пьеса немца Леонхарда Франка «Поворот» («Фæзилæн»). Этот писатель с 1933 по 1950 годы был в антифашистской эмиграции. Его романы «Шайка разбойников», «Оксенфуртский мужской квартет», «Ученики Иисуса» и повесть «Карл и Анна» основаны на глубоких социальных конфликтах, пронизаны серьезными раздумьями о жизни. В них созданы с тонкой психологической детализацией реалистические образы людей.

И в своей драматургии писатель держится такой же манеры изображения характеров персонажей. Все лучшее, равно как и все худшее в характере изображаемых им людей, писатель вскрывает в цепи естественно совершающихся поступков и действий. Эти характеры во всей реалистической наготе предстоят перед судом зрителей.

Такова и драматическая драма «Поворот».

Мартин, мужчина лет сорока, занятый ремонтом покрышек машин, влюбился в молодую женщину Марту с такой силой, что он готов на все, лишь бы она не оставила его. Ради этого он и дом строит в стороне от людских глаз. Увести Марту от общения с мужской половиной человечества – мечта Мартина. Марта с этим не соглашается. Запутанные отношения между Мартой и Мартином осложнены еще и целым клубком

¹ Мах дуг, 1998. №7. С. 9.

² Мах дуг, 1998. №7. С. 9.

житейских проблем. И с развязкой проблем, с приближением кульминации драмы нарастает нешуточный интерес к развитию действия.

Движение характеров, их противостояние, ссоры, примирения, очищение все большее и сильнее притягивают к себе. И нет возможности оторваться от развернутой перед тобой динамичной картины жизни. Ведь с каждым эпизодом ты узнаешь что-то новое о характере героев, и это не дает успокоения человеческому любопытству.

Автор внимательно следит за каждым шагом, каждой репликой своих героев, тем самым раскрывая их характеры. И перед нами встают, вроде бы совсем простые, но на самом деле сложные по складу души и духа образы. Они говорят то легко и быстро, то тяжело и мучительно долго. Но все соответствует конкретной ситуации в пьесе.

Пьеса написана прозой, но в ней есть внутренний ритм, и это, делая произведение насыщенным и компактным, способствует естественному раскрытию эмоциональной природы характеров героев.

Передать все эти драматургические нюансы в переводе бывает порой весьма сложно, но К. Ходов упорным трудом и всесторонним осмыслением текста за редчайшим исключением одолевает встающие перед ним сложности.

Разумеется, Камал Ходов умеет искусно перевыражать смысловые оттенки содержания переводимого произведения, его внутренний ритм, своеобразие языка персонажей. Но он порой вносит в язык оригинала такие осетинские речевые нюансы, которые делают характеры персонажей более понятными и близкими для осетинского читателя.

В качестве примера можно указать такие выражения, как «Царциаты диссæгтæ...», «...афтæ арæзт дæ, цыма дæ каистæм сусæг цыд кæныс» – «Царциатовские дивы дивные...», «... ты так нарядился, словно решил тайно навестить семью своей суженой». Спору нет, эти выражения чужды немецкой речи. Но они и в осетинском просторечии давно потеряли свое первоначальное значение. Однако в качестве фразеологизмов придают речи персонажа мягкий юмористический оттенок и сближают зрителя с действующими на сцене персонажами. А это довольно значительное обретение для драматического произведения в переводе. А между тем К. Ходов, работая над переводами, серьезно и тщательно сверяет речевую культуру персонажей с возможностями осетинского языка как в драмах стихотворных, так и прозаических. Он равно ответственно относится к каждой реплике персонажа и к каждой авторской ремарке в переведенных им пьесах.

И это чувство и сознание ответственности никогда не покидают Камала как в работе над собственными произведениями, так и в его переводческом творчестве. Он одинаково придиричив к своему труду во всех творческих начинаниях. Можно без всякого преувеличения сказать, что чувство ответственности у него в крови.

К. Ходов перевел немало произведений иноязычной поэзии и драматургии. Однако достоинство его искусства не в количестве и разностильности переведенных им произведений.

Ему часто предлагают перевести то или иное произведение, но он никогда не отвечает спешно. Прежде, чем согласиться, он долго примеривается к произведению. И эта медлительность опять-таки связана с чувством ответственности за свою работу. Ведь в искусстве слова доброе имя заслужить трудно и требует долгих трудов, а вот потерять его – дело не хитрое.

Камал Ходов это, разумеется, знает и никогда не идет без серьезного осмысления навстречу даже весьма заманчивым предложениям. Об этом свидетельствуют его собственные признания из «Сонета о правдивом слове»:

*Одна граница между светом и мраком,
Ведь ясный день не сразу наступает, –
Лишь после долгой битвы с тьмой кромешной.*

Ради того, чтобы породнить со своим языком произведение, выросшее на чужой земле на иной национальной почве, переводчику приходится долго и упорно размышлять и трудиться. Правда, размышления и творческие переживания переводчика связаны не только с желанием максимально полнее и искусней передать на родном языке чужой оригинал. Ему приходится решать и вопрос о том, что, собственно, даст это читателю.

Знаменитый американский поэт, критик и драматург, лауреат нобелевской премии Томас Элиот в статье «Американская литература и американский язык» отмечает: «Впервые читая роман Достоевского или знакомясь с пьесой Чехова, мы оказываемся, по моим наблюдениям, заинтересованными, прежде всего причудливым складом души русских людей; но потом мы начинаем понимать, что перед нами всего лишь необычный способ выражения тех мыслей и чувств, которые мы все испытываем и знаем. И хотя добиться в произведении местного колорита, не придав книге качества всеобщности, в высшей степени просто, я сомневаюсь, что поэт или романист способны обладать всеобщей значимостью, если в их творениях нет также и местного. Можно ли представить себе более типичного античного грека, чем Одиссей? Более типичного немца, чем Фауст? Более типичного испанца, чем Дон Кихот? Более законченного американца, чем Гекк Финн? А ведь каждый из этих характеров – своеобразный архетип, вошедший в мифологию человека, значимую для всех народов и для всех времен».¹

Конечно же, народы мира отличаются друг от друга многими своеобразными особенностями. Но у них еще более таких особенностей, которые равно присущи всем. И все эти особенности наиболее ярко и выпукло проявляются в художественной литературе, так как литература отлична от других искусств тем, что рельефнее рисует человека.

Вот почему К. Ходов, переводя произведения иноязычных писателей на родной язык, всегда ищет в характерах их героев особенности, общие «для всех народов и для всех времен», присущие, в том числе и осетинскому народу. В таком ключе он переводил и пьесу великого испанского драматурга начала XVII века Лопе де Вега «Крестьянка из Хетафе».

Переводчика покорило то обстоятельство, что простая крестьянская девушка Инесс, полюбив богатого дворянина, не сдалась на милость своим знатым соперницам, а нашла в душе силы для борьбы за свою чистое и страстное чувство. И она сумела, одолев все и всяческие препятствия, одержать победу. Говоря о творчестве великого драматурга, А. Смирнов и З. Плавский справедливо отметили: «Любовь, великая и могучая, раскрепощающая человеческую личность и способствующая раскрытию в человеке его благороднейших природных задатков, – вот центральный персонаж всех комедий Лопе де Вега о современности, комедий, которые поэтому могут быть с полным правом названы комедиями любви».² Любовь Инесс из пьесы «Крестьянка из Хетафе» потому одержала полную победу над своими соперницами. Такую же победу одержал и переводчик пьесы в трудном поединке со сложным и великим произведением.

С чувством глубокого волнения и ответственности перевел К. Ходов и такие шедевры мировой драматургии, как «Коварство и любовь» Шиллера, «Пигмалион» Бернарда Шоу, «Последняя жертва» А. Островского. С особым воодушевлением он работал над переводом пьесы «Царь Эдип» древнегреческого трагика Софокла. Его труды не пропали даром. Спектакль по этой пьесе оказалась столь удачным, что поставившему его коллективу Северо-Осетинского драмтеатра была присуждена государственная премия имени Коста Хетагурова. Кстати, Камал Ходов тоже удостоен этой премии.

Станислав Куняев, размышляя о поэзии и судьбе Сергея Есенина, пришел к такому заключению: «Великий поэт – «растение многолетнее», разрастающееся с годами вширь и вглубь. Плоды его творчества созревают не сразу, и сроки их созревания неподвластны

¹ Томас Стирнс Элиот. Американская литература и американский язык // Писатели США о литературе. – М., 1974. – С. 176.

² Лопе де Вега. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. – М., 1962. – С. 25.

пророчествам. Завоевания великих поэтов не умирают».¹ А французский философ-материалист Мелье Жан утверждал: «Не существует абсолютно никакой силы, которая могла бы сделать нечто из ничего.»² Творчество Камала Ходова глубоко связана с жизнью. Опыт жизни учит его видеть вокруг себя гармонию и дисгармонию. Так разрастался и его поэтический мир. И в этом мире творца одним из самых интересных «регионов» является переводческое искусство поэта, которое от произведения к произведению все больше и больше совершенствуется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говорят, критическое слово сближает читателя с творчеством писателя. А читатель всегда хочет знать о писателе все. В. Белинский говорил: «Всякое органическое развитие совершается через прогресс, развивается же органически только то, что имеет свою историю, а имеет свою историю только то, в чем каждое явление есть необходимый результат предыдущего и им объясняется».³ Каждое произведение Камала Ходова имеет свою историю. И хотя Некрасов обращался к снисходительности читателя –

*Я трудом смягчаю мой недуг:
Ты не будешь строг, читатель-друг?⁴ –*

однако «читатель-друг», как правило, строг и требователен – желает знать о любимом писателе все без прикрас и без хулы.

На наш взгляд такое утверждение не совсем верно, хотя бы потому, что поэт сердца читателей завоевывает прежде всего достоинствами своих произведений. Но наш век тороплив в суждениях, падок на эмоции. Люди обленились, порой удовлетворяются газетной информацией, телевидением. Серьезные книги читают лишь верные литературе люди, а их, к сожалению, немного.

Камал Ходов – поэт самобытный, своеобразный. Порой он мягок и снисходителен в своих лирических размышлениях. Умеет, правда, не только улыбнуться, но и резко осудить, часто ироничен, не чужд ему и сарказм. Иногда заставляет задуматься, подводит к философским размышлениям.

Как известно, главным предназначением работников культуры является по мере сил способствовать повышению духовной культуры народа с тем, чтобы эта культура глубже входила в душу и разум новых поколений, служила их нравственному возвышению. Именно с реализацией этой возможности духовной культуры связано пробуждение в сердце читателя чувств и мыслей, вопрошающих время и общество с точки зрения высокого идеала или, как считал Пушкин: «Духа отрицания, духа сомнения».⁵

Чувство и сознание непомерной ответственности поэта перед народом заставляют К. Ходова быть скупым на публикацию всего написанного и переведенного им. Основной своей задачей он считает создание и издание таких произведений, которые смогут оказать благотворное влияние на развитие жизни общества, на национальное самосознание. Именно из таких произведений Камал Ходов, словно искусный каменщик, возводит свой поэтический мир – яркий, живой и совершенный. И в этом прекрасном мире мы видим гармонию жизни.

С этим связано и всенародное признание поэта. Народная любовь нашла свою реализацию в присвоении ему народного поэта Осетии, звания заслуженного, достойного

¹ К у н я е в С. Ю. Завет жизнелюбия // В мире Есенина. – М., 1986. – С. 112.

² М е л ь е Ж. Завещание. В 3 т. Т. 2. – М., 1954. – С. 345.

³ Б е л и н с к и й В. Г. Взгляд на русскую литературу. – М., 1981. – С. 510.

⁴ Н е к р а с о в Н. А. Полн. собр. соч. в 15 т. Т. 3. – М., 1982. – С. 199.

⁵ П у ш к и н А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. – М., 1974. – С. 105.

Камала Ходова. К этому естественно прибавить и тот факт, что именно он стал автором текста государственного Гимна Республики Северная Осетия – Алания.¹

К творцу текста песен, особенно же государственного Гимна, предъявляются особые требования. И не только чисто содержательного, идеологического характера, но и требования ритмико-интонационного, музыкального, т.е. мелодического ряда. Ходову удалось удовлетворить все эти сложные требования жанра. Он внес в свой Гимн дыхание осетинской народно-героической песни и тем приблизил к народной музыке по мелодии и к народной песне по лексической выразительности.

Творчество К. Ходова отмечено многими замечательными достоинствами. Однако, на наш взгляд, особенно следует отметить некоторые отличительные черты его поэтического поведения и идейно-эстетической позиции.

Среди характерных черт Камала Ходова, на наш взгляд, следует выделить следующие: во-первых, если он считает произведение в чем-то неудачным, то никогда его не печатает. Во-вторых, самой привлекательной чертой поэтического поведения и идейно-эстетической позиции Ходова следует признать такое его качество, как неумение быть хотя бы в чем-то дурным человеком. И еще – неумение писать и переводить плохо.

Таким он был и в далекие юношеские годы, таким он пришел и в литературу. Известный русский поэт Владимир Цыбин более тридцати пяти лет тому назад сказал о нем и его творчестве так: «Настоящая поэзия всегда создает свой микромир. И здесь важно не замкнуться в найденных образах и темах, важно, чтобы в сердце поэта постоянно обновлялись лирические силы.

Читая стихи осетинского поэта Камала Ходова, удивляешься целостности лирической вселенной, которая начинается у него с вершины осетинской земли, с гортанной переключки ручьев, с верных троп, которым так привык доверяться горец. Родник и тропа – два образа вечного движения в даль: одно – к земле, к полю, другое – ввысь, к небу. В горах эти направления часто совпадают; у каждого ручья есть своя тропа. Камала Ходова одинаково влекут и тропы, и родники.²

Все особенности лирики Ходова, замеченные Цыбиным, присутствуют и функционируют в поэтическом мире поэта, строгом, но привлекательном мире, в коем учащенно трепещет его сердце, заставляя волноваться и наши сердца. Вот как об этом повествует сам Камал:

*Снежинки падают с неба,
Белеет земля –
Чудесную песню
Я слышу тогда.*

*В ножнах расписных –
В (боевой) готовности нож, –
И в этом безмолвии
Я слышу песню!*

(«Звуки»)

Как видим, поэт слышит каждый звук в тишине, видит каждую краску на земле и радуется ими наши сердца, чтобы очистить и возвысить наши души, сделать нас борцами за справедливость, одержимыми надеждой на победу.

Хаджи-Мурат Дзуццати считал, что «изобилие стихотворений невысокого качества связано с безответственностью».³ К этому, пожалуй, можно добавить, что это явление связано также с неразвитостью эстетического сознания создателей стихотворного

¹ Х о д ы К а м а л. Балсæджы цалх. – Дзæуджыхъæу, 2009. – С. 348.

² Ц ы б и н В. Д. Родник и тропа // К а м а л Х о д о в. Белые искры. – М., 1976. – С. 3.

³ Д з у ц ц а т ы Х а д з ы-М у р а т. Рæстæг æмæ литературæ. – Цхинвал, 1985. – С. 133.

балласта. Тот же Х.-М. Дзуццати верно отмечал, что в искусстве «эмоция должна быть насыщена мыслью, ровно как и мысль – эмоцией».¹

Знаменитый Виктор Гюго наставлял: «Над мыслью тяготеют две цензуры – политическая и церковная: первая сковывает общественное мнение, вторая зажимает рот совести».² С этой максимой трудно не согласиться. И все же в литературе серьезно говорить следует лишь о том, что удалось сотворить поэту по законам правды и красоты.

Само собой разумеется, что в произведении художественного слова бесспорно важна тема, но основным в достоинствах произведения все же является решение поставленной автором проблемы, насколько сумел поэт затронуть наши сердца, обогатить наши представления о времени и о жизни своим видением.

О том, что происходило в осетинском литературном процессе в конце 50-их и в 60-ые годы прошлого века Шамиль Джикаев писал: «Искусство слова обогащалось содержанием и идеями, новые формы изобразительности вступили в свои права».³ И в этом процессе весьма значительна роль творчества Камала Ходова, который своим правдивым изображением жизни обогащал нашу литературу.

Многие литераторы порой особенно заботятся о композиционной стройности произведения. К. Ходов, напротив, художественное решение проблемы считает более трудным и более важным в этом деле.

Нафи Джусойты в статье, написанной и опубликованной к 60-летию поэта «Чувство – кремневый запал песни» («Æнкъарæн – зарæджы æндзарæн»), заметил – «... возможно, что кому-то придет в голову вопрос: неужели в поэтическом искусстве Камала Ходова совершенно нет недостатков?! Разумеется, есть. Недостатки в искусстве сами бросаются в глаза, скрыть их невозможно. Куда труднее заметить достоинства в искусстве мастера, – они, подобно зрелым гроздьям в малиннике, прячутся от посторонних. К тому же ныне я не расположен никого упрекать. В Осетии и без меня много людей, склонных по поводу и без повода осуждать и выискивать недостатки в работе талантливых людей. Бог им судья...»⁴

В рецензии на книгу стихотворений Гафеза «Цардбæллон» («Жизнелюбец») Х.-М. Дзуццати заметил: «В новом сборнике стихов Гафеза некоторые произведения лишены художественной энергии, лишены оригинального звучания, неинтересны. Но я прошел мимо них, как и они обошли меня».⁵

Я не следую этой традиции. Говоря о гармонии и драматизме жизни в художественном восприятии Камала Ходова, не старался пройти мимо «неинтересных произведений», но стараюсь особенное внимание обращать на достоинства поэзии и личности Камала Ходова.

Когда-то наш известный писатель Барон Боциев высказал мудрую мысль: чтобы ясно видеть чужие достоинства и добродетели, надо иметь неохватную, как небо, грудь и широкое, как солнце, сердце.⁶ Порой сияние такого солнца я вижу в поэтическом мире Камала Ходова. Гармония и драматизм жизни в его художественном восприятии так ярко нарисовано, что не заметит их невозможно.

И часто мне приходят на память слова Некрасова, сказанные о книге Тютчева, что ее «... каждый любитель отечественной литературы поставит в своей библиотеке рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения».⁷

Считаю, что эти слова с полным правом можно отнести к произведениям Камала Ходова.

¹ Там же. С. 141.

² Г ю г о В. М. Собр. соч. в 15 т. Т. 15. – М., 1956. – С. 84.

³ Д ж ы к к а й т ы Ш а м и л. Ирон литературæйы истори. – Дзæуджыхъæу, 2003. – С. 460.

⁴ Д ж у с о й т ы Н а ф и. Æнкъарæн – зарæджы æндзарæн / Хурзæрин, 2001. 20 июнь.

⁵ Д з у ц ц а т ы Х а д з ы - М у р а т. Рæстæг æмæ литературæ. – Цхинвал, 1985. – С. 201.

⁶ Б о ц и т ы Б а р о н. Республикаæ. Æмдзæвгæтæ æмæ поэмæтæ. – Дзæуджыхъæу, 1958. – С. 18.

⁷ Некрасов Н. А. Полн. соб. соч. в 15 т. Т. 9. М., 1950. С. 221.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В.И. Избр. труды. Владикавказ, 1990.
2. Абаев В.И. Нартский эпос осетин. Цхинвал, 1982.
3. Авторский коллектив. Ёрттигъ. Орджоникидзе, 1983.
4. Авторский коллектив. Бонвæрнон. Орджоникидзе, 1962.
5. Авторский коллектив. В мире Есенина. М., 1986.
6. Авторский коллектив. Лирика древней Эллады и Рима. М., 1990.
7. Авторский коллектив. Критикон уацтæ. Дзæуджыхъæу, 1992.
8. Авторский коллектив. Маяковскому. Л., 1940.
9. Авторский коллектив. На юге Осетии и снег горел. Цхинвал, 2006.
10. Айларты Зарæ. Ирон æвзаджы чиныг 2-аг къласæн. Дзæуджыхъæу, 1996.
11. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М., 1984.
12. Бестауты Гиуæрги. Уацмыстæ 3 т. Т. 1. Дзæуджыхъæу, 2003.
13. Бестауты Гиуæрги. Уацмыстæ 3 т. Т. 3. Дзæуджыхъæу, 2004.
14. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1954.
15. Бернс Роберт. Стихотворения. М., 1982.
16. Библи.
17. Блок Александр. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. Л., 1980.
18. Бондаренко Владимир. Неожиданное чудо Рубцова / Литературная Россия, 2004. 21 май.
19. Брытъиаты Елбыздыхъо. Уацмыстæ 2 т. Т. 2. Дзæуджыхъæу, 1982.
20. Бунин И. А. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М., 1988.
21. Вопросы литературы, 1976, №5.
22. Гамзатов Расул. Стихи и поэмы. М., 1974.
23. Гарсия Лорка Федерико. Избр. произ. в 2 т. Т. 1. М., 1975.
24. Гæдиаты Секъа. Равзаргæ уацмыстæ. Орджоникидзе, 1959.
25. Гæдиаты Цомахъ. Уацмыстæ. Орджоникидзе, 1959.
26. Гегель Г. В. Ф. Эстетика в 4 т. Т. 3. М., 1971.
27. Гог Ван. Письма. М., 1966.
28. Гольбах П. А. Избр. произв. в 2 т. Т. 1. М., 1963.
29. Горький М. Собр. соч. в 15 т. Т. 1. М., 1979.
30. Гутнов Ф. Х. Аристократия алан. Владикавказ, 1995.
31. Гюго В. М. Собр. соч. в 15 т. Т. 15. М., 1956.
32. Дидро Дени. Избр. атеистич. произв. М., 1956.
33. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
34. Джусойты Нафи. Елбасдуко Бритаев. Цхинвал, 1963.
35. Джусойты Нафи. Ирон аив дзырды сæрвæлтау. Цхинвал, 1966.
36. Джусойты Нафи. История осетинской литературы. Книга первая. Тб., 1980.
37. Джусойты Нафи. Книга друзей. Нальчик, 2003.
38. Джусойты Нафи. Лирикæ. Цхинвал, 1955.
39. Джусойты Нафи. Нигер. Дзæуджыхъæу, 1990.
40. Джусойты Нафи. Сабыр ныхæстæ. Цхинвал, 1973.
41. Джусойты Нафи. Фыдæлты туг. Цхинвал, 1965.

42. Джыккайты Шамил. Ирон литературæйы истори. Дзæуджыхъæу, 2003.
43. Джыккайты Шамил. Ныхасы фарн. Дзæуджыхъæу, 1996.
44. Дзаболаты Хазби. Уацамонгæ. Орджоникидзе, 1974.
45. Дзесты Куыдзæг. Зæрдæйы ностæ. Дзæуджыхъæу, 2002.
46. Дзугаты Георги. Уацмыстæ 3 т. Т. 1. Цхинвал, 1971.
47. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Арвистон. Цхинвал, 1988.
48. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Бæрндзинад. Цхинвал, 1976.
49. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Биографи. Цхинвал, 1980.
50. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Знон æмæ абон. Цхинвал, 1964.
51. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Рæстæг æмæ литература. Цхинвал, 1985.
52. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Хæст æмæ зæрдæ. Цхинвал, 1966.
53. Евтушенко Евгений. Стихи и поэмы в 3 т. Т. 1. М., 1987.
54. Зарджытæ, кадджытæ, æмбисæндтæ. Цхинвал, 1977.
55. Зарубежная литература XVII–XVIII вв. М., 1982.
56. Звезда, 1975. №2.
57. Ирон адæмон сфæлдыстад 2 т. Т. 2. Орджоникидзе, 1961.
58. Ирон æмбисæндтæ. Орджоникидзе, 1976.
59. Калоты Хазби. Уацмыстæ. Орджоникидзе, 1976.
60. Кодзати Ахсар. Яблоко нартов. М., 1974.
61. Кожина М. А. О понятии стиля и месте языка художественной литературы. Пермь, 1962.
62. Козаев А. И. Анахарсис. Цхинвал, 1982.
63. Кочысаты Розæ. Рухсмæ бæлгæйæ. Орджоникидзе 1960.
64. Крылов И. Л. Сочин. в 2 т. Т. 2. М., 1984.
65. Кулиев Кайсын. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. М., 1987.
66. Ламетри Ж. Сочинения. М., 1976.
67. Лейбниц. Сочинения в 4 т. Т. 2. М., 1983.
68. Леонхард Франк. Фæзилæн // Мах дуг, 2001, №1.
69. Лермонтов М. Ю. Собр.соч. в 4 т. Т. 1. Л., 1979.
70. Литературная Россия, 2004. 21 мая.
71. Лихтенштейн Е. С. Наука в веках // Слово о науке. М., 1978.
72. Луговской Владимир. Собр.соч. в 3 т. Т. 2. М., 1988.
73. Лукиан. Избр. атеистич. произв. М., 1955.
74. Марешаль П. С. Избр. атеистич. произв. М., 1958.
75. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1955.
76. Мах дуг, 1967. №6.
77. Мах дуг, 1995. №№1, 2.
78. Мах дуг, 1998. №7.
79. Мах дуг, 1998. №9.
80. Мах дуг, 2003. №10.
81. Маяковский Владимир. Собр. соч. в 12 т. Т. 4. М., 1978.
82. Маяковский Владимир. Собр. соч. в 12 т. Т. 11. М., 1978.
83. Мелье Жан. Завещание. В 3 т. Т. 2. М., 1954.
84. Некрасов Николай. Собр. соч. и писем в 15 т. Т. 1. Л., 1981.
85. Некрасов Николай. Собр. соч. и писем в 15 т. Т. 2. Л., 1981.
86. Некрасов Николай. Собр. соч. и писем в 15 т. Т. 3. Л., 1981.

87. Неруда Пабло. Местожительство земля. М., 1977.
88. Нигер. Уацм. æх. æмб. 3 т. Т. 3. Орджоникидзе, 1968.
89. Ногдзау, 1988. №6.
90. Ногдзау, 2000. №1.
91. Опиц Мартин. Книга о немецкой поэзии. М., 1980.
92. Орлов Сергей. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. М., 1979.
93. Пабло Неруда. Местожительство – Земля. М., 1977.
94. Правда, 1933. 7 августа.
95. Пришвин М. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. М., 1986.
96. Пушкин Александр. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. М., 1974.
97. Пушкин Александр. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. М., 1974.
98. Пушкин Александр. Собр. соч. в 10 т. Т. 3. М., 1974.
99. Пушкин Александр. Собр. соч. в 10 т. Т. 4. М., 1974.
100. Пушкин Александр. Собр. соч. в 10 т. Т. 5. М., 1974.
101. Рæстдзинад, 1994. 21 декабря.
102. Рæстдзинад, 2000. 24 августа.
103. Рæстдзинад, 2001. 25 февраля.
104. Роттердамский Эразм. Философские произведения. М., 1986.
105. Рубцов Николай. Избранное. М., 1982.
106. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. М., 1981.
107. Рутенбург В. И. Великий итальянский атеист Ванини. М., 1959.
108. Северная Осетия, 2001. 2 июня.
109. Солженицын Александр. Архипелаг ГУЛАГ. 1-ая книга. М., 1990.
110. Тедеты Р. К. Осетинская советская поэзия. Цхинвал, 1975.
111. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. М., 1976.
112. Тыбылты Алыксандр. Уацмысты æмбырдгонд. Цхинвал, 1988.
113. Фидиуæг, 1988. №10.
114. Фидиуæг, 1986. №11.
115. Фидиуæг, 2000. №1.
116. Хурзæрин, 2001. 20 июня.
117. Хетагуров Коста. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. М., 1974.
118. Хетагуров Коста. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. М., 1974.
119. Ходов Камал. Белые искры. М., 1976.
120. Ходов Камал. Своим чередом. М., 1989.
121. Ходы Камал. Кар. Орджоникидзе, 1974.
122. Ходы Камал. Кæмдæр ирон лæппутæ зарынц. Орджоникидзе, 1970.
123. Ходы Камал. Мыртæ. Дзæуджыхъæу, 1992.
124. Ходы Камал. Ном. Орджоникидзе, 1979.
125. Ходы Камал. Цæхх æмæ кæрдзын. Орджоникидзе, 1966.
126. Хостыхъоты Зинаæ. Табуйаг. Дзæуджыхъæу, 1998.
127. Хъодзаты Ахсар. Рухс. Орджоникидзе, 1987.
128. Цæрукъаты Алыксандр. Цыма лæууын æз кувæндонны раз. Орджоникидзе, 1968.
129. Швейцер Альберт. Благоговение перед жизнью. М., 1992.
130. Шекспир. Сонетæ. Дзæуджыхъæу, 2001.
131. Шкловский Виктор. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. М., 1974.
132. Эккерман И. П. Разговор с Гете. М., 1981.
133. Южная Осетия, 1996. 27 июля.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛОВО О КАМАЛЕ ХОДОВЕ

Исследование идейно-художественного мира творчества одного из ведущих поэтов Осетии Камала Ходова диктуется потребностями развития современной осетинской поэзии. Творчество этого яркого поэта является своеобразным зеркалом осетинской поэзии конца XX, начала XXI вв.

Знакомясь с поэзией Ходова, мы вновь убеждаемся в истине В.А.Жуковского: «Жизнь и поэзия – одно».

Изучить художественный мир Камала Ходова является средством познания его поэтической индивидуальности и определения места поэта в осетинской поэзии. Он не только поэт и мыслитель, который, по мнению одного из ведущих поэтов и литературоведов Осетии Шамила Джикаева, стремится с помощью художественного слова защитить землю от огня стронция и все это видно в его творчестве.¹

Несмотря на то, что о произведениях Камала Ходова не раз высказывались известные осетинские писатели и литературные критики, в том числе Нафи Джусойты, Шамиль Джикаев, Михаил Булкаты, Ахсар Кодзати, Барис Хозиев и другие, однако его идейно-художественный мир до сих пор не становился объектом самостоятельного исследования. А без этого, как нам кажется, нельзя определить эстетическое значение творчества поэта и его место в истории национальной литературы.

Поэт создал прекрасные образцы поэтических произведений, как в осетинской классической традиции, так и в свободной форме поэзии – верлибре. Он является одним из ведущих поэтов Осетии, но в то же время он и отличный переводчик, и драматург, чуткий критик, публицист и общественный деятель и всем определяется его роль в истории современной осетинской литературы и общественной жизни.

Творчество Камала Ходова, как мы уже отметили, привлекает многих литературоведов и литературных критиков, но не уделяют должного внимания вопросам поэтики творчества поэта, разбирая в основном идейное содержание произведений.

В данных статьях ваш покорный слуга попытался, чтобы было видно, как с помощью поэтических средств субъективные представления о повседневной жизни превращаются в художественный мир поэта. Большое внимание уделено также раскрытию психологического склада и нравственной сущности лирического героя.

1. СМЕЛОСТЬ ПОЭТА

В творчестве известного осетинского поэта Камала Ходова внимание читателя привлекает и содержание, и форма, и поэтика. Основные черты его поэтического искусства – оригинальность образов, эмоциональность, своеобразие формы...

Камал Ходов в осетинской поэзии появился в нужное время. И со своим назначением – открыть настежь поэтическую душу человека второй половины двадцатого века.

И хотя год его рождения совпал с началом Великой Отечественной войны и отец его не успел «дожить до седины» («Не успел отец...»), он никогда не старался из жизни делать трагедию – наоборот, он осмеливается из трагичной сути жизни творить художественный образ. Это – смелость поэта.

¹ Мах дуг, 1967. №6. С. 100.

Анахарсис, скифский царевич, не зря «высказывал удивление тому, что у греков выходят на состязание художники, а суд о них произносят нехудожники».¹ Камал Ходов никому не оставляет шансов судить о жизни вместо него и вопреки его опыту.

И это не потому, что до его прихода в осетинской поэзии не было талантливых художников. Гриш Плиев, Гафез, Александр Царукаев, Нафи Джусойты, Георгий Бестауты... были живыми классиками осетинской поэзии. Но осетинская литература нуждалась в открытом, вольном дыхании Камала Ходова. И в трудные военные годы «где-то детский смех канул навсегда», но уже тогда он бредил другим:

*Эхо водопадов
Слышал я в зной,
Сердцем уходил
На свет впереди...
Словно песня гор рождалась со мной,
Набирая силу в моей груди.²*

(«Не успел отец...»). Все стихотворения, в которых не обозначены переводчики, переведены Владимиром Еременко).

И, несмотря на то, что его поколение дало осетинской поэзии таких ярких поэтов, как Ахсар Кодзати, Васо Малиев, Шамиль Джикаев, у Камала - свой яркий путь и в жизни, и в поэзии.

Вряд ли кто-нибудь будет доказывать, что у большого русского поэта Николая Рубцова и у Камала Ходова есть что-то общее. Говоря словами Владимира Бондаренко, который, цитируя слова другого яркого русского поэта Юрия Кузнецова, пришел к мысли о том, что «...искра славянскому уму» была высечена поэзией Николая Рубцова».³

Бондаренко тонко отметил значение поэзии Рубцова. Он не был похож на шестидесятников своего века. Сам хорошо знал это и был горд своей оригинальностью:

*Я уплыву на парохоме,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком.
Пойду по волоку с мешком –
И буду жить в своем народе!⁴
(«Экспромт»)*

Камал Ходов проторил свою жизненную и творческую дорогу, чтобы «жить в своем народе». Не зря сказал известный осетинский писатель и литературовед Нафи Джусойты: «Из стихотворений Камала Ходова меня особенно трогают, словно прикосновенье голубинового оперения к сердечной сути, те, которые порождены его личными биографическими впечатлениями». – И далее он упоминает стихотворение «Вспоминаю деда...».

В нем поэт говорит о папахе, ноговицах, о доспехах, но с горестью замечает: «не могу припомнить твою улыбку...».⁵

Таким образом, с помощью одного поэтического образа читатель понимает, в каких

¹ К о з а е в А.И. Анахарсис. – Цхинвал, 1982. – С. 122.

² Х о д о в К а м а л. Своим чередом. – М., 1988. – С. 5.

³ Б о н д а р е н к о В л а д и м и р. Неожиданное чудо Рубцова / Литературная Россия, 2004.05.21.

⁴ Р у б ц о в Н и к о л а й. Избранное. – М., 1982. – С. 167.

⁵ Д ж у с о й т ы Н а ф и. Чувство – пламя песни / Хурзарин, 2001. 06.20.

условиях приходилось деду воспитывать своего внука – лирического героя Камала Ходова.

Одна, как будто бы, маленькая деталь – лирический герой в облике своего дедушки помнит все, только не его улыбку. Но сколько в этом человеческого горя!..

Поэзия Ходова многоголосая. Даже с первого взгляда сразу не заметишь, что в его стихотворениях больше – внутренних переживаний, любви или раздумий. И все они удивительно сочетаются в творчестве поэта с помощью зримых образов, разнообразных деталей, четкого ритма и звенящих рифм. И что самое главное – Ходов все это никогда не делает искусственно. Его творчеству доступны все формы поэзии. Глубоким лиризмом отличается его верлибр «Разговор с матерью»:

*Ты прости мне,
Если случится так,
Что забуду, как вслед
Бежал по пятам...
И любовь, что когда-то
Прятал, чудак,
От тебя,
В дороге людям раздам.*

*Ты прости мне...
Ты не можешь знать,
Но впервые в жизни
Шепчу: прости...
От колен твоих –
Начало пути,
И конец его
Рядом с тобою, мать.*
(«Разговор с матерью»)

Известный русский поэт Юрий Кузнецов, – его часто называют и последним классиком русской поэзии, – о другом осетинском поэте сказал: «А. Кодзати в совершенстве владеет такой трудной формой поэтического мышления, как верлибр».¹ Эти слова прямо можно отнести и к творчеству Ходова.

Владеть формами поэзии помогает поэту перевоплощать местные проблемы в болевые точки общества в целом. И не случайно: мечта орла – летать выше туч.

Творчество Камала Ходова выигрывает и тем, что поэт отлично знает то, о чем и о ком говорит, а рисует все с любовью и с оригинальным видением предмета изображения. И мы тоже переживаем вместе с ним. «Когда не возвращается корабль», над ним рыдают одинокие волны; «овдовевшие жены на заре одевают траур»; воротилы и клерки «начинают дрожать в страхе за место»...

Но, к сожалению, это еще не все. Самое трагичное, как это бывает обычно, находит поэтическое звучание в самом финале произведения:

*А далеко, на земле,
Под ветром
Вздыхает лес на родине корабля.
И по щекам потемневших пней
Ползут
Солоноватые*

¹ К о д з а т и А х с а р. Яблоко Нартов. – М., 1974. – С. 66.

Капли.

(«Когда не возвращается корабль»)

Поэзия Ходова ценна тем, что автор читателей не утомляет рассуждениями, не воспитывает их нравственными проповедями. Разные ситуации он закручивает в узел, а читателя заставляет распутывать их. А чаще всего «заставляет» сопереживать.

Мать, у которой погиб сын, даже плакать уже не могла, «долго глядела на дверь. Только слезы лились». Утешали ее, что «Жизнь беспощадна. Поверь. Осознай и смирись». Но смертельно раненное сердце не принимает утешения:

Поднималась, как прежде, ни свет, ни заря.

Озирала жильё...

«Все, что падает с неба,

Выносит земля», -

Утешили ее.

И до срока пришла ее осень, пыля

Вдоль опавшей листвы...

Все, что падает с неба,

Выносит земля,

Но не сердце, увы!..

(«Все, что падает с неба, выносит земля...»)

Камал всегда, как поэт, в своих внутренних переживаниях ищет что-то новое, не сказанное до него другими мастерами художественного слова. А как мы знаем, тот, кто ищет, всегда находит.

В стихотворении «Ночь в Стыркеме» небо загромыхало. Даже мир к земле приник. А село «свернулось вмиг калачиком, как мокрая дворняга». Но это только начало. Если бы все закончилось на этом, то Камал бы не был самим собой. Великий философ-энциклопедист Лейбниц не зря сказал: «Известен случай, когда человеку показалось, что он сочинил новое стихотворение; в действительности же оказалось, что он задолго до того, дословно прочитал его у одного древнего поэта. Часто нам необычайно легко понять некоторые вещи благодаря тому, что мы их поняли уже раньше, хотя и не помним этого».¹

Таких примеров в любой литературе можно найти немало. Но наш поэт всегда старается, чтобы его произведения всегда отличались своей оригинальностью. Добиться этого порой бывает очень трудно. Но и на этот раз в стихотворении «Ночь в Стыркеме» Ходов нашел нужные краски, чтобы показать суровую красоту одной из деревень Осетии:

Издадека – натужный волчий зов...

Сквозь ярый ливень молния сверкнула.

Вновь силуэт разгневанного тура

Там, на скале... И свет в глуши лесов.

Ночных небес тяжелая рука

Скрывается, дрожа от нетерпенья,

И рушит свет. Оглушены растенья.

И на груди земли – ни огонька.

С волками и водой в единый дых

¹ Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 2. –М., 1983. – С. 107.

*Громадный ветер подвывает грому...
Пусть путники найдут дорогу к дому,
Где домочадцы молятся за них...*

Знакомясь с поэзией поэта, восхищаешься точной топографией. И что самое главное – мы тоже чувствуем «знакомого леса прохладу» его родного села Батако и видим, как «затихло в объятиях ночи», и слышим, как «Хриплый лай Сытых собак Умолк» («Затихло в объятиях ночи...»); нам тоже становится «...целый мир – Ущелье Бида» («Не успел отец...»); чувствуем «На турбазе «Зарамаг», что хмурые дни скоро растворятся в мерном дожде, «С рокотом темным уносится к морю Адай. Словно старуха, в тропу упираясь клюкой, Черная ива стоит над ревущей рекой...»

Все это говорит о таланте поэта. О его многогранных возможностях в создании поэтического слова. Он умеет простые жизненные ситуации и пейзажи превращать в поэзию. В настоящую, прекрасную поэзию.

А это, слава Богу, он, как поэт от Бога, умеет делать по своему на вышем уровне. Благодаря поэту мы влюбляемся в его «маленькую», прекраснейшую родину. Александр Твардовский будто о нем сказал: «Для всякого художника, в особенности художника слова, писателя, наличие этой малой, отдельной и личной родины имеет огромное значение. Есть писатели, читая которых не удается почувствовать, распознать, откуда они, есть ли у них своя река или речка, было ли у них когда-нибудь детство».¹

Ходов, безусловно, относится к первой группе писателей. И это в настоящий момент, когда молодежь оставляет свои родные деревни в погоне за длинным рублем, имеет большое значение.

Камал Ходов настоящий интернационалист («У памятника Пушкину», «Сердце поэта», «Я вижу»...). Человек учится у породившего его народа и «малой, личной родины». «Трудно представить себе и такого интернационалиста, который бы желал, чтобы его родной народ покидал отчизну, веками насиженные места, и расходился по всему белому свету»,² - не зря отметил Нафи Джусойты, говоря о жизни и творчестве классика осетинской литературы Елбасдуко Бритаева. И Ходов станет устами основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова утверждать:

*«Пусть свечою сгорю во тьме,
Лишь бы песней земной
Ложь и льстивых продажный дух
Начисто истребить...
Может, разум наш и душа
Отринут фальшь и корысть,
Даже надежда наша и та
Изолгалась насквозь.*

*Словно горох, рассыпан народ...
Или нить порвалась?..
К фарну³ предков дороги нет,
Уастырджи,
Наставь!»*

(«Молитва поэта»)

Мельничное колесо без воды не вертится. Поэт хорошо знает, что так говорить его заставляет горькая судьба народа: «От долгой песни в сердце след горяч. В ней прошлое –

¹ Твардовский А.Т. Соб. соч. в 6 томах. Т. 5. – М., 1980. – С. 26.

² Джусойты Нафи. Елбасдуко Бритаев. – Цхинвал, 1963. – С. 27.

³ Фарн – достоинство, слава.

Как черная дорога...» И видит в образе «черной дороги» эту судьбу. И потому задает родине вопрос, навеянный горестным прошлым: «Скажи мне, чем Ты прогневила бога, Осетия?» Последовал ответ почти безысходного трагизма: «И песнь твоя – Как плач» («Слушая народную песню»).

Повседневные жизненные ситуации, преображенные в памятьливом воображении поэта в настоящие художественные произведения, ярко свидетельствуют о подлинном таланте Камала Ходова.

2. ГОСУДАРИТЬ В СВОЕМ МИРЕ

Всем памятно наставление Николая Некрасова – каждый человек «гражданином быть обязан».¹ А это достоинство приобретается любовью к родной земле и преданностью интересам родного народа. Не заметить эти черты в творчестве Камала Ходова невозможно. Воспеть Родину он считает своим долгом:

*Если к бедам твоим я не буду причастен душой
И, с твоим помирившись врагом, протяну ему руку,
Если в битве решающей стать не сумею стрелой
На тугой тетиве твоего беспощадного лука,*

*Если сердце свое не оставлю в горах,
Если пренебрегу я родным языком хоть однажды,
То святая земля твоя примет ли грешный мой прах,
Родники твои мне пронесут ли спасенье от жажды!*

*Сыном Хода и сыном Осетии с этого дня
Мне не быть –
Покарают презрением оба меня!²
(«Осетия». Пер. С. Вольского)*

И мы уверены, что лирический герой поэта к бедам своей Родины всегда будет причастен душой. Мы верим, что он в решающей битве за Родину всегда сумеет стать стрелой «на тугой тетиве» ее «беспощадного лука». Благодаря открытым признаниям поэта в любви к Родине, она становится нам ближе, невыразимо дороже. Для подлинного сына Родины и голые камни родного края являются бриллиантами. Великий балкарский поэт Кайсын Кулиев в своем прекрасном стихотворении «Раненый камень» обращается к камням, которых также «война бедой не обошла»: «О камни родины! В огне и гуле Мы вместе закалялись в грозный час, Пронзали нас одни и те же пули, И жгло одно и то же пламя нас».³

Поэт отлично знает, что пуля всего лишь кусочек свинца, «Когда ружье без курка, Не стало рыбы – Что за река? Пустыня – Без орла небеса» («Одному стихотворцу») и слово поэта не стоит ни медного гроша, если он «оды пел, как соломому жевал...». Для Камала Ходова поэзия – «словно матери предсмертное слово», «как преданность Родине тяжела и легка».

Камал Ходов знает свой долг перед народом. О том же, как выполняет этот долг, лучше самого поэта не сказать: «Люди! Я готов претерпеть И Вынести все! Кроме вашего равнодушия. Изо дня в день Заря отражается в моих окнах. Изо дня в день В ваших глазах

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. в 15 томах. Т. 2. – Л., 1981. – С.10.

² Авторский коллектив. Антология осетинской поэзии. – Владикавказ, 1984. – С. 582.

³ Кулиев Кайсын. Собр.соч. в 3 т. Т. 1. – М., 1987. – С.142.

отражается моя надежда. Люди! Я неразличим среди вас. Но – плоть от плоти вас, И моя надежда Высока, как горы Осетии» («Слово к людям»).

И не обязательно, чтобы поэт пел в прямом смысле о Родине. Для его лирического героя Родина воплощается и в образе родной матери. Она для него все – и свет в глазах, и опора в жизни:

*Свет на мгновенье
Вспыхнет из темноты:
Вот и опора душе
На дороге дней...
Нет у меня никого
Дороже, чем ты.
Ты моя мать,
И ты навсегда сильнее.*

*Благослови же меня,
Благослови!
Не предпочту я в мире
Путей других!
Голос горит в груди,
И борьба в крови...
Как перед богом,
Перед тобой затих.*

(«Разговор с матерью»)

По Максиму Горькому «дети – живые цветы земли»,¹ и мать своему цветку естественно внушает любовь ко всей земле и к самим людям. Поэтому лирическому герою Ходова не безразличны судьбы человека и мира. Потому молится фарну Осетии:

*Фарн Вселенной!
Да падут от тебя
Продажный, и тот, кто купил имя,
И те, кто хулит свой народ,
И те, кто презирает другие.*

*Если ничтожный сел на Трон Славы,
Отринь его,
Дабы не был погребен на своем одре,
О, Родина!*

(«Тост»)

Родина всегда прекрасна, но особенное очарование её образу придает оригинальное освещение поэта. Его лирический герой обостренно чуток к малейшим изменениям в природе. «Неподдельная близость к природе помогла автору еще в начале 50-х годов разглядеть контуры проблемы, которая стала одной из центральных для нашей поэзии последующего десятилетия, – писал Л. Лавлинский о творчестве русского поэта Сергея Орлова. – Речь идет о сложности взаимоотношений между одушевленным существом и машиной, о некоторых сторонах технического прогресса, представляющих опасность для всего живого».²

¹ Горький М. Собр.соч. в 16 томах. Т.1. – М., 1979. – С. 304.

² Лавлинский Л. – Поэзия мужества и доброты // Орлов Сергей. Собр.соч. в 3 т. Т.1. – М., 1979. – С. 8.

У Камала Ходова природа – самостоятельный мир, живой и родной человеку, способный «красою вечно сиять». И в этом мире «Тайный снег оставляет на сердце след. В океане тумана на свет» держит свой путь поэт («Давняя любовь»).

Камалу Ходову глубоко понятна и близка его миропониманию мысль Жан Жака Руссо: «Одна только книга открыта всем очам, эта книга природы... Она говорит всем людям и языком, понятным для всех умов».¹ И эту книгу Ходов читает по-своему.

*Снег – белый-белый – с пепельного неба...
Река томится в шуме ледяной.
Неясный желтый свет в окошках. Слева
Береза. Приглушенный хруст порой.*

*Вот лошадь ржет. Вот скрип саней по снегу.
И – выстрел. И внезапный лай собак.
Борзая. И озябший заяц с нею
Из леса. Воль: – Держи! – Пали же! – Ах!*

*– Из-за тебя ушла добыча наша!
– Полегче ты! Оглоблю не сломай!
...И снова мир молчанье опояшет,
Замрет в застывших проводах зима.*

*И снова – сонные снежинки с неба.
Их вкось уносит ветра вялый бег.
И кто-то все глядит темно и слепо
Из темной комнаты на белый снег.*
(«Ритмы равнины». Пер. Ю. Музалькова)

Поэтический мир Ходова в осетинской поэзии выделяется своей образностью, и динамичным ритмом близок любящей душе. В его пейзажной лирике природа и человек – единое целое. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть в одном ряду «Затихло в объятиях ночи...», «После зимы», «Ранняя весна», «Дождь», «Три верлибра о зиме», «Осень» и др. его стихотворения о прекрасном пейзаже Осетии.

Опыт жизни учит Камала Ходова видеть в природе, как гармонию, так и дисгармонию. Его пейзажи в ряде случаев полны драматизма жизни. Он умеет приблизить природу в живом облике к человеку. В стихотворении «Перед чистой страницей» видим, как «Издали с невнятным громыханьем Ползет свинцовой полосой Гроза...». И мы чувствуем, что «С далеких гор несет она с собой Дыхание потоков и покосов» и верим поэту – гроза над выжженной равниной вдруг «расхохочется светлоголосо»:

*Вдруг сразу ворох зерен
Разлетится, взвихрив пыль на всем степном просторе!
И вот разбойный дождь
По улицам села
Пойдет резвиться
Пойдет со стуком пересчитывать*

*На нашей крыше
Черепицу...*
(Перевод Ю. Музалькова)

¹ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т.1. – М., 1981. – С. 369.

И мы в свете образных представлений поэта видим, как «Светлый Дождь Государить будет в мире». А такая образность, по мнению известного ученого Л.И. Тимофеева – «это центральное понятие теории литературы, оно отвечает на самый основной ее вопрос: в чем сущность литературного творчества»?¹

Камал Ходов в своем творчестве не только в пейзажной, но и в интимной лирике «Государит», и очень любопытно и уверенно. Так себя ведут только любящие юноши и уверенные в себе. Ходов в одном интервью вспоминает о своей личной жизни: «У Осетии не принято говорить о собственной жене, но, тем не менее, позволю себе такую нескромность и скажу, что я женился по любви, другого интереса, в плане имущественной или карьеры, или еще чего-то, не было. Она из скромнейшей семьи, родители были обыкновенными крестьянами, честными, в довольно стесненных условиях жили в одном из сел Южной Осетии, там я случайно ее и встретил, и эта встреча предрешила все. Да, я думаю, сама семейная жизнь у меня сложилась, и тыл у меня всегда был надежный. Я знаю, многие жены привередливы, любят дорогие вещи, требуют от мужей, есть возможность или нет, покупать то или иное. Вот у нее от природы этого нет, а это очень редкое качество для женщины».²

Так скажет только бесконечно любящий и в себя уверенный кавказец. В его творчестве, в его несравнимо прекрасном поэтическом мире с юношеских времен видим удивительную чистоту чувства. И без волнения, без душевного трепета нельзя читать строки:

*Брожу счастливый.
И такой
Себе завидую вдвойне.
Подумать – я любим тобой!
И ты сама сказала мне!
(«Я завидую себе»)*

Лирический герой не зря завидует самому себе – он любит, и любим, а это – состояние счастья и душевной гармонии. «Жизнь без любви, - сказал великий Ван Гог, - я считаю греховным и безнравственным состоянием».³

Говорить, рассуждать о светлой поэзии Ходова можно много, можно делать разные выводы, но несомненно одно – настоящее художественное слово всегда привлекал, привлекает и будет привлекать внимание настоящих любителей красоты. Поэзия сама – Бог красоты. И об этом вспомнил не зря.

Общеизвестны слова великого русского поэта Николая Некрасова о книге стихов другого гения русской поэзии Федора Тютчева, о том, что ее «каждый любитель отечественной литературы поставит в своей библиотеке рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения».⁴

Так может сказать только настоящий великий поэт о настоящем великом поэте, какими, безусловно, были Николай Некрасов и Федор Тютчев.

То же самое можно повторить, имея на уме значение поэзии Камала Ходова в осетинской литературе.

3. РАДУЖНЫЕ ЦВЕТА ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА

Судить о творчестве писателя и не замечать радужные цвета его поэтики невозможно. Поэтика – душа художника, а не проявить особенности своей души в

¹ Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. – М., 1976. – С. 22 – 23.

² Северная Осетия, 2001. 06.02.

³ Ван Гог. Письма. – М., 1966. – С. 76.

⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. IX. – М., 1950. – С. 221.

искусстве слова – немислимо. Основоположник осетинской литературы Коста Хетагуров в письме к А.А. Цаликовой отметил: «Из всех писателей мира, может быть, из 100000 один ухитрился не проявить в своих произведениях особенностей своей натуры». ¹ Великий писатель Коста безусловно прав.

Ходов большинство своих произведений написал в 60-70-е годы. В то время в осетинской поэзии очень усилилось образное видение. Тогда осетинский поэт и критик Х.-М. Дзуццаты указывал, что «ясность образа и эстетическое содержание произведения должны шагать нога в ногу». ²

Камал Ходов неизменно следовал этой максиме, зная силу слова:

*Мир его как честь людскую чтит.
Ты и слово данное – одно.
Ты изменишь слову, и оно,
Помни, не простит тебе обид.*

*Сила слов бессмертие таит.
Если правду высказать дано –
Слово правды, так заведено,
За себя на свете постоит.*

(«Слово»)

Он не только знает, что правду надо говорить, но и умеет ее выразить. Выразить своеобразно, по модели своего видения окружающего мира. Потому что, твердо знает – «В мире двуедины мрак и свет. Но не сам собою полдень бел – Без борьбы со мглою света нет.» И настоящий поэт должен своей поэзией жизнь делать краше.

Камал Ходов точно относится к той категории поэтов. И не возможно, чтобы любители поэзии, его многотысячные читатели не видели этого:

*Упала чаша-ночь,
И звякнула звезда,
В селе зажгли огонь,
В кошарах спят стада,
В могучей тишине
Весь мир прогрет, как дом,
И небо рвет костер,
И тьма густеет в нем.*

(«У чабанов»)

Такая образность характерна именно Камалу Ходову, его пейзажной лирике. Но и пейзаж, как мы уже увидели, у поэта чаще всего приобретает философский смысл.

*Кто-то вонзил пылающий меч
В логово туч...
Меч надломился и зазвенел.
В небе – зигзаг!
Небу смешен владелец меча:
Катится гром.
Дети бросаются на крыльцо
Ливень ловить!
Мчатся по лужам!*

¹ Хетагуров Коста. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. – М., 1974. – С. 306.

² Дзуццаты Хадзы-Мурат. Бæрндзинад. – Цхинвал, 1976. – С. 146.

*И жизнь идет
Своим чередом.
(«Дождь»)*

Поэт не старается рисовать образ ради образа. Оригинальное мировидение поэта каждый раз дает нам чувствовать и ясно представлять себе, «что же интересует художника в действительности, на чем он останавливает свое внимание среди жизненных явлений». ¹ И в таких стихотворениях Камал Ходов выступает, как правило, и вдумчивым философом, и тонким лириком.

У Камала Ходова встречаются целые стихотворения, сотканые из одних недоуменных вопросов. Это своеобразный художественный прием, коим нередко пользовался знаменитый Пабло Неруда. Одна из его книг так и называется – «Книга вопросов». ²

У чилийского гения было уйма сложнейших вопросов к жизни. И книга его всегда будет притягивать к себе вдумчивого читателя.

Двадцатилетний Камал Ходов еще до «Книги вопросов» Пабло Неруда, размышляя о мучивших его проблемах быта и бытия, создал значительное стихотворение «Вопросы».

Когда в мире постоянно происходят насилие, безобразия, льется кровь невинных людей, то сложнейшие вопросы бытия и становятся порой безответными. Правда, они бывают разными, и Ходов стремится в своих произведениях разрешать их по-разному. Часто стихотворение кончается риторическим, юмористическим вопросом, но читатель, сам себе, отвечая на вопрос, как бы становится соавтором произведения. Так Ходов перед нами ставит «цепь вожеланий: Волк, Козел, Капуста», - и сразу задумываемся над вопросом, который напрашивается ежеминутно, но мы почему то не вспоминаем о нем:

*Как волк всегда
Несчастье для козла,
Козел всегда
Несчастье для капусты.
Капуста же –
Природный пацифист.
И не страшна
Ни для кого на свете.
Зато сама –
В опасности всегда.*

*Что скажете? А? Каково вам это?
(«Сказочка»)*

Такие юмористические или иронические вопросы заставляют нас думать по-философски. С первого взгляда кажется, будто поэт с нами разговаривает с улыбкой, но за этим скрываются трагические слезы Сырдона. ³

И сколько безответных вопросов в одном только «Позднем телефонном звонке знакомого»: «Когда за окном шуршат Одинокие шаги одиноких людей И каждый – Сам по себе, О чем ты думаешь, а?»; «Когда бессонной ночью Ты лежишь навзничь, Глядя во тьму, Не таишь ли ты в памяти нечто, чего бы не раскрыл Никому на земле?»; «Тебе никогда не хотелось вдруг Встать и неведомо где Разбудить кого-то?..» или «Всю эту землю любить – Разве вина?» («Сердце умеет Любить»); «О, чаша страстей! Почему Тебя не испить, Не расплескав? И если в наслаждении – Истина, Почему Воет Море?..» («Перед

¹ Т и м о ф е е в Л.И. Основы теории литературы. – М., 1976. – С. 24.

² Н е р у д а П а б л о. Местожительство земля. – М., 1977. – С. 24

³ С ы р д о н – трагический герой осетинского «Нартского эпоса».

штурмом»).

Поэт заставляет читателя думать и отвечать. И не потому, что вопросы слишком сложны и трудно найти правдивые ответы. И даже не потому, что по Эразму Роттердамскому «Лишь одним дуракам даровано умение говорить правду, никого не оскорбляя».¹ Скорее потому, что «правду говорить тяжело», если даже знаешь ее. Это своеобразный подвиг и свершить его дано лишь тем, кто располагает редким человеческим достоинством говорить правду. И потому верно заключение поэта: не надо лезть «в седло, Если сам по брюхо коню» («Рядом с пегасом»).

Отрадно отметить, что Ходов-поэт сам всегда на коне, но тем не менее справедливо отводит претенциозность в поэтическом характере.

В поэтике Ходова красной нитью проходит одно средство – заключить стихотворение так, чтобы многие ему позавидовали, и это его поэзию делает ярче, привлекательнее. Как не позавидовать такому стихотворению:

Пр о д а в е ц р ы б ы:

– Эй, бери.

– С башкой – не в цене,

Без башки –

Дороже вдвойне.

(«Отголосок базарного шума»)

Только несколько слов – и сколько в них жизненной правды и юмора!

Легко заметить, что наш поэт искусно владеет свободным стихом – верлибром. Но и рифмованным стихом творит не менее свободно.

Рифме многие творцы не придавали и не придают большого значения. Коста Хетагуров говорил: «Я не говорю о рифме – она имеет второстепенное значение, хотя и является главным техническим затруднением для поэтов при разработке серьезной темы...»². Виктор Шкловский вспоминал, что барон Розен, согласовав с А.С. Пушкиным, о рифме написал специальную статью и напечатал ее в пушкинском же журнале «Современнике», где утверждал: «Последним убежищем рифмы будет застольная песня или, наверное, дамский альбом!»³ Но Владимир Маяковский был другого мнения и говорил о строке: «Может быть, можно оставить не зарифмованной? Нельзя. Почему? Потому что без рифмы (понимая рифму широко) стих рассыплется.

Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе».⁴

В творчестве Камала Ходова преобладает рифмованный стих. И рифмы весьма интересны и классически безупречны.

Я подробно не буду останавливаться на его искусстве рифмы, равно как и на его метафорах, эпитетах, сравнениях и других поэтических средствах, но отмечу еще одну частную особенность в его поэтическом мышлении.

В 1939 году Нигер, изучая поэтику Коста Хетагурова, обратил внимание на заглавия его произведений: «Горе», «Солдат», «Кубады», «Раздумье», «Надежда», «Завещание» и т.д. Заметил – большая часть названий составлены одним словом.⁵ То же самое можно сказать о названиях книг, и о многих произведениях Камала Ходова: «Бонварнон» (осетинская имя звезды Венеры), «Возраст», «Имя», «Настроение», «Звуки»... Я не утверждаю, если названия книг будут состоять из двух или более слов, то это плохо, но пристрастие поэта к именам кратким очевидно.

¹ Роттердамский Эразм. Философские произведения. – М., 1986. – С. 136.

² Хетагуров Коста. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. – М., 1974. – С. 272.

³ Шкловский Виктор. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. – М., 1974. – С. 90.

⁴ Маяковский Владимир. Собр. соч. в 12 т. Т. 11. – М., 1978. – С. 259.

⁵ Нигер. Уацмысты æмб. 3 т. Т. 3. – Дзæуджыхъæу, 1968. – С. 313.

4. СИЛА СЛОВА

Возможности таланта безграничны.

Камала Ходова осетинский читатель в основном знает, как известного осетинского поэта. Но его талант ярко проявляется и на других жанрах художественной литературы. Особенно это видно в жанрах драматургии и в переводческой деятельности, где писатель работает последовательно.

Он является талантливым драматургом и переводчиком. И драматургия его привлекает не случайно. Поэт в молодые годы работал в осетинском государственном театре Северной Осетии, а позднее был его директором. Он сцену чувствует отлично. И не возможно, чтобы это ему не помогало в своей работе.

Театру и любителям драматургии подарил пока три пьесы: «Æнахуыр хæйрæг» («Причудливый черт» в соавторстве с Тотрадзом Кокаевым), «Райсом кустæ бон нæу?» («Завтра не рабочий день?» в соавторстве с Гришей Бицоевым) и «Рухсанæ» («Рухсана»), а также много интересных переводов из мировой поэзии и драматургии на осетинский язык.

Как поэт, драматург, переводчик, он это считает своим долгом и перед жизнью себя считает ответственным. Когда поэт воспевает «крутые ветры», может «о розах гнать красивую строку» и мимо ушей пропускает, как «во Вьетнаме материал невесты идет на белый саван жениху»; если ему «плевать на все и дуть спокойно в ус», то он уже не поэт.

Перо художника слова священное. И если взял его в руки, ты должен видеть и слышать все, что происходит вокруг нас. Ты должен перед вселенной, тем более перед своим народом. И поэт прав, когда ответственно заявляет:

*Я тоже мог всем безмятежно верить
И петь души и тела торжество,
Но вижу, как людей пытаются звери
Цивилизованные,
Века моего.*

*Я тоже мог
Воспеть звенящий колос,
Как от грозы страдает горный лес,
Но сердца моего тревожный голос
Звучит сильнее голоса небес!*

(«Поэту» Пер. А.Парпары)

В драматургии Ходова есть такая особенность – в речи персонажа, в его действиях отражается не только его внутренний мир, но и поэтический мир автора.

Сюжеты, конфликтные ситуации, образы, язык драматических произведений, а так же поэтика языка перевода расширяют художественный мир поэта.

Главным драматическим произведением Камала Ходова является трагедия «Рухсана». Произведение построено на любовном треугольнике: Рухсана, жена аланского царя Арц-Алана безумно любит Фарнага, сына своего мужа от его первой жены. А Фарнаг без ума от любви к Агунде, хотя им по осетинским законам не полагается быть влюбленными.

Сразу видно – произведение о рыцарской чести. А великий осетинский ученый Васо Абаев сказал, что в этике народа высоко ценились сила и храбрость, однако «становятся предметом воспевания лишь тогда, когда они служат правому делу».¹

¹ Абаев В. И. Избр. труды. – Владикавказ, 1990. – С. 399.

Сюжет не новый. Камал его взял у французского драматурга Жана Расина, который жил и творил в XVII-ом веке (1639-1699) и создал всемирно известные трагедии. Его внимание особенно привлекали такие трагические ситуации, в которых в душе человека вступали в непримиримый конфликт нравственные устои и бешеные соблазны.

В свое время французский писатель Жан де Лабрюер метко подметил: «Корнель нас подчиняет своим характерам, своим идеям. Расин роднит их с нашими. Тот рисует людей такими, какими они должны быть, этот – такими, какие они есть... Один возвышает, давит, господствует, учит; другой нравится, волнует, трогает. Все, что есть в разуме наиболее прекрасного, наиболее благородного, наиболее возвышенного – это область первого; все, что есть в страсти наиболее нежного, наиболее тонкого – область другого. У того – изречения, правила, наставления; у этого – чувства. Корнель наиболее занят мыслью, пьесы Расина волнуют. Корнель поучителен, Расин человечен, один подражал Софоклу, второй более обязан Еврипиду».¹

Известно, что «Федра» Жана Расина написана по «Ипполиту» Еврипида, но пьеса Расина намного человечней. Из нее и родилась «Рухсана». Правда, о трагедии Ходова мы можем сказать по Пушкину: там аланский дух, там Аланией пахнет.² А язык – образный, великолепный, сочный, чеканный, где «словам... тесно, мыслям – просторно».³

Благодаря Камалу Ходову на осетинском языке звенят многие поэтические и драматические произведения Джованни Боккаччо, Лопе де Вега, Генриха Гейне, Эндре Ади, А. Плещеева, Шиллера, Бернарда Шоу, А. Островского, Франка Леонхарда и других классиков мировой литературы.

Камал Ходов никогда не обращается к темам, которые не волнуют его до глубины души. Этого принципа он держится и в своей переводческой деятельности. К переводческой практике Камала Ходова вполне подходят слова Александра Тибилова о Цоцко Амбалове: «...отлично знает литературные сокровища других народов; умеет отделять хорошую книгу от плохой; чувствует вкус прекрасной книги.

Он из других языков переводит такие книги, откуда наш осетинский народ будет брать высокие и красивые мысли».⁴

Камал, как тонкий лирик, всегда старается, чтобы все, к чему он притронется, сверкали не только мастерством художника, но чтобы и тема была близка, как к душе осетина, так и ко всем поклонникам его творчества. И это относится и к его переводам. С этим он для перевода умеет выбирать высокохудожественные произведения.

Кто будет утверждать, что, переводя «Сонет об Италии» Джованни Боккаччо, переводчик не думал о судьбе своей Родины? Любовь к Родине ему помогло перевести сонет на свой родной язык так, как будто он был создан на нашем осетинском языке:

*Уыдтæ, Итали, бæстæтæн сæ паддзах.
Цы фесты ныр дæ нæргæ кад, дæ цыт?
Æвæццæгæн, дунейы сæфт æрцыд –
бæрзонд аивад къæхты бынмæ 'рхаудта.*

*Куыдзы 'мгад систы хорзæхтæ. Нымад та
куыд уой лæгмæ, кæд сау дуджы фæрцы
на удты намыс бакодта мæрдцъынд, –
æрмæст æхца, кæй ма æндавы кад та?!*

*Уæндон ныхас нын баззади фæткæн.
Уæууæй, нæ иу дæр нал кæны йæ мæт.*

¹ Зарубежная литература XVII-XVIII вв. – М., 1982. – С. 96.

² Пушкин Александр. Собр.соч. в 10 т. Т. 3. – М., 1975. – С. 8.

³ Некрасов Николай. Собр.соч. в 15 т. Т. 3. – Л., 1982. – С. 214.

⁴ Тыбылты Алыксандр. Уацмысты æмбырдгонд. – Цхинвал, 1988. – С. 123.

Ды дæр нын нал дæ ацы ран ныфсдæттæг.

*Уæдæ мæнимæ судзгæ марой кæн –
йæ базыры бын бакодта хъысмæт
дзырды фарнаен йæ цыфыддæр ызнæгты.*

Не надо быть большим знатоком осетинского языка, чтобы сразу почувствовать красоту сонета. А если название «Италия» заменить «Осетией», то никто и не подумает, что Боккаччо свой сонет не написал об Осетии.

А кто будет утверждать, что гений, когда писал свое произведение, то думал только о судьбе своей родины?

Это – во многом благодаря мастерству и таланта переводчика.

А разве великий Шекспир, когда создал свой бессмертный 66-ой сонет, и стонет душой:

*Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,*

*И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,*

*И прямоту, что глупостью сльезет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.*

*Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!» -*

то, только о своем времени, о себе и о своем лирическом герое думал?

Творческая работа, настоящая творческая работа создается для вечности, потому и требует адского труда. И переводя этот прекрасный сонет, Камал Ходов тоже не думал только о себе, и о своем времени. Его работа потому удалась, и ею будут пользоваться не одно поколение.

Не лишнее будет обратить особое внимание на язык произведений писателя. Особенности языка поэта способствуют художественной интерпретации характеров персонажей. Красота родного языка особо ярко проявляется в динамичных диалогах и в страстных монологах в трагедии «Рухсана».

Те же самые черты свойственны переводам Ходова. Известный осетинский поэт Ахсар Кодзати о его переводах писал: «В книгу «Трехгранная стрела» Камал внес ряд стихотворений поэтов разных народов, переведенных им в разные времена. Это намного богаче, многостороннее показывает его творчество. Боккаччо, Гейне, Плещеев, Светла Узунова, Шукри Тахиров и другие поэты как будто свои произведения писали на осетинском языке, читая переводы, подумает человек».¹

Это не случайно. Другой известный осетинский писатель и переводчик Михаил Булкаты утверждал, что переводчик не только текст, написанный на другом языке, должен

¹ Коллектив авторов. Критикон уацтæ. – Дзæуджыхъæу, 1992. – С. 284.

перевести, но и обязан перенести талант автора произведения.¹ Это – чрезвычайно трудно осуществить на практике. Но Камал Ходов обладает таким редкостным даром, талантом настоящего переводчика.

х х х

Творчество прекрасного осетинского поэта Камала Ходова – глубоко национально. Одна из главных целей работников искусства – возвышать дух народа. И Камал Хазбиевич обладает этим искусством в высокой степени. Об этом говорят и факты общественного признания его поэтического творчества. Он – автор первого и пока единственного Гимна Республики Северная Осетия-Алания. Он – лауреат Государственной премии им. Коста Хетагурова. Он – народный поэт Северной Осетии.

И эти факты говорят о том, что творчество Камала Ходова стало поэтическим достоянием его родного осетинского народа.

Дарьял, 2009. № 5.

ПОЭТ ШИРОКОГО РАЗМАХА КРЫЛ

В 60-ые годы в осетинскую поэзию уверенно вошло новое поколение поэтов – «шестидесятников». «Их было много, но среди них подобно четырем мушкетерам Дюма особенной творческой сплоченностью и мужской дружбой выделялись Ахсар Кодзати, Васо Малиев, Шамиль Джикаев и Камал Ходов. Своими первыми шагами они стали надеждой для лучших представителей осетинских писателей старшего поколения – Гриша Плиева, Гафеза, Георгия Дзугаева, Александра Царукаева, Дабе Мамсурова, Тотырбека Джатиева и др. И надежды эти оправдались, все они стали опорой осетинской литературы» («Хурзæрин», 2001. 06. 20), –отмечает известный писатель и литературовед Нафи Джусойты.

В творчестве каждого писателя много неразгаданного, особенно в поэтических творениях. Раскрыть это – очень сложная задача. Но к 70-летнему юбилею самого младшего из них Камала Ходова мы решились сделать попытку поговорить о его жизни и творчестве. А в его творчестве внимание читателя привлекает и содержание, и форма, и поэтика. Основные черты его поэтического искусства – оригинальность образов, эмоциональность, своеобразие формы.

Камал Ходов в осетинской поэзии решает важную задачу – открыть настежь поэтическую душу человека второй половины XX века. Очень интересны основные мотивы и художественное своеобразие творчества известного поэта. Особое внимание привлекает поэтика произведений: композиция, поэтическая форма, система образов, выразительные средства...

Камал Ходов относится к тем, кто родился на благо народа. Родился в Правобережном районе, в селении Старый Батако Северной Осетии, перед началом Великой Отечественной войны, 26 января 1941 года. После окончания 8-летней школы работал на Бесланском маисовом комбинате и одновременно учился в школе рабочей молодежи. Окончил школу в 1959 году.

Поработал в Северо-Осетинском государственном Осетинском театре, активное участие принимал в работе редакции газет, был редактором на телевидении. Но поэзия все сильнее увлекала его, и он поступил в Московский литературный институт имени Горького и окончил его в 1970 году.

¹ Фидиуæг, 1986, №11. С. 76.

Камал Ходов прекрасно справлялся со своими обязанностями заведующего отделом критики и публицистики в журнале «Мах дуг», а затем редактора, позже – главного редактора в издательстве «Ир». Был и на руководящих должностях: с 1985 года – директор Северо-Осетинского государственного драматического театра, одновременно является ответственным редактором альманаха «Литературная Осетия»; с 1989 г. по 1990 г. – председатель Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Северо-Осетинской АССР, а с 1990 года – председатель Союза писателей Республики Северная Осетия–Алания. Наряду с должностями чиновника он безупречно исполнял и исполняет и гражданский долг – искреннее служение народу.

Так, на первый взгляд, в нескольких предложениях можно изложить целую биографию. Но в действительности все не так просто. Каждый год, каждый месяц, каждый день имел свои радости и горести. Каждый день приносил ему как светлые мечты, так и переживания, от которых и не спрятаться, и не убежать. Не иначе, как шли они с ним в ногу по жизни... И, наверное, судьбой предначертано было ему, стать сиротой едва родившись. Семья Ходовых была из тех, кого война коснулась первой – на фронте погиб отец Камала. Об этой незажившей ране поэт сказал горькими стихами «Вспоминая отца»:

*Мне не было еще и года,
Как сделал первый свой я шаг,
Ты же деревом подрезанным
В тот миг на землю опаленную упал...¹*

И хотя всемирно известный филолог Васо Абаев чистосердечно подчеркнул: «Меч и фандыр – это как бы двойной символ нартского народа» (Абаев В. И. Нартский эпос осетин. Цхинвал, 1982. С. 68), но когда ребенок, которому нет еще и одного года, в одночасье остается сиротой, то ему не до громких символов.

Нетрудно представить послевоенное детство Камала, когда даже семьи при кормильцах с трудом добывали свой хлеб насущный. Потому знаком ему с малых лет труд, иногда и непосильный.

Но он не из тех, для кого трудности представляются трагедией. Скорее он из трагедии научился создавать художественный образ.

Если жизнь ставит палки в колеса, а иногда даже перекрывает дорогу к творчеству, то, может, и стоит на нее сетовать, но никак не ради собственного благополучия. Хула на жизнь и на современников с таким эгоистическим умыслом противопоказана поэзии. Искусство само по себе – высокая мечта. И не позволяет ни себе, ни своим служителям ничего низменного. «Поистине высокое искусство рождается истинными творцами» (Дзуццаты Х.-М. Рæстаг æмæ литература. Цхинвал, 1985. С. 29), – писал Х.-М. Дзуццати. Думы Камала Ходова выше повседневных забот, они, как говорят, возвышенны и прекрасны.

Можно сказать, что на земле Осетии в одно время случилось почти чудо. Столько дарований в одно и то же время, наверное, не получала ни одна из литератур малочисленных, как осетины, народов: Георгий Бестауты, Ахсар Кодзати, Шамиль Джикаев, Васо Малиев, Камал Ходов, Сергей Хугаев, Гриш Бицоев, Георгий Гагиев, Зина Хостикоева, Рюрик Тедеты, Таймураз Хаджеты... У каждого из них свой творческий путь, свой слог. У каждого своя «поступь прозы» и «полет стиха». Их творчество ждет серьезных исследователей. Но у Камала и в жизни и в литературе свой полет.

И это не потому, что до его прихода в осетинской поэзии не было ярко талантливых художников. Гриш Плиев, Гафез, Александр Царукаев, Нафи Джусойты, Георгий Бестауты... были живыми классиками осетинской поэзии. Но осетинская литература нуждалась в отрывом, вольном дыхании Камала Ходова. И в трудные военные

¹ Стихотворения – в подстрочном переводе (Авт.).

годы «где-то детский смех канул навсегда», но уже тогда он бредил другим. Эхо водопадов слышал в зной и сердцем уходил на свет впереди: «Словно песня гор рождалась со мной, Набирая силу в моей груди» («Не успел отец...»).

Со времен античности бытовало мнение, что «жизнь – борьба». Так думали и Еврипид, и Сенека, и Вольтер, и Коста... Жизнь всегда была и будет борьбой. В этом и заключается радость жизни: пока существуют свет и тьма – а без них картина жизни не похожа на действительность – человек будет находить отраду в борьбе за справедливость. В связи с этим легко и просто сами по себе на ум приходят строки А. Блока: «И вечный бой! Покой нам только снится Сквозь кровь и пепел...».

У Камала Ходова поэзия имеет подобную тенденцию: услужить читателю и обласкать и поддержать его в нужное время. Существует мнение, что мы повторяемся в своих детях. Очевидно, потому и Камал представил отца в такой ситуации, то есть видел отца себе подобным.

Камал Ходов проторил свою жизненную и творческую дорогу, чтобы «жить в своем народе». Свой след оставило, конечно, то, что не было рядом отца, но был дед, глядя на которого, он постигал азы мужского достоинства. Вот, что он пишет, вспоминая деда: «Запомнил все: и пистолет за пазухою деда, и кинжал на поясе, и патронташ». Как сегодня, он помнит и ноговицы, и шапку, и оружие. Помнит все. И как в лес ездил на бычке (не было возможности щадить еще не повзрослевшего бычка) – сирот нужно было поднимать. И помнит, как дед приносил ему в кармане сочный чудесный кизил. Помнит ласковый взгляд его. Но не помнит, и не вспомнить внуку деда улыбку никак. Кто бы ни писал о горестях своего детства, о ранах, нанесенных войной, о боли отца, потерявшего сына, но, мне кажется, что сильнее этой строки не скажут. В ней и боль, и страх, что вдруг не сможет поднять внуков – душевная рана коварнее любой телесной. Некогда деду было улыбаться, и разучился дед улыбаться.

Эта художественная деталь, которая подвластна Камалу Ходову. Поэт за словом «улыбка» смог спрятать свою душевную боль. Камал умеет стихом выразить все: и матери признаться в любви безыскусно и изящно. Эта откровенность в поэтическом слого делает его поэзию правдивой. В нее веришь. А это – великая сила. Не зря в Библии говорится «Вера горы двигает». Особое место в этой правдивой поэзии Ходова принадлежит стихотворению «Моя хорошая мама».

В послевоенное лихолетье сложно было и семьям с кормильцами, каково же было ей одной поднимать сирот. Но не согнулась она. Не дала споткнуться и детям, вырастила их настоящими людьми. Потому младший из них, став поэтом, тщательно подбирает слова, чтобы выразить самое сокровенное – любовь к матери:

*Моя хорошая мать!
Свет на мгновение
Вспыхнет из темноты –
Это опора ты мне.
Сердце моего сердца!
Нет у меня дорожке, чем ты.
Ты моя мать,*

Ты всегда сильнее меня!

Видел будущий поэт, что мать боится за него, прислушивается к его дыханию, измеряет каждый его шаг. Но здоровому парню возле матери сидеть не делает чести. Нужно идти в ногу с жизнью, смотреть вперед, быть оптимистом: «Оптимизм – это не просто слова, это видение жизни», – говорил Х.-М. Дзуццати. И знал поэт, придет время его исканий, будут переживания матери. Потому говорит ей в своем стихотворении, словно прося прощения и обнадеживая ее: «Наступит время, образумлюсь я...».

Чувству юмора Камала Ходова может позавидовать любой. Его характер раскрывается в умении радоваться чужой радости, сочувствовать чужому горю. В наш суровый век сопереживание становится редкостью, особенно разучились радоваться чужой радости. Камал имел и не потерял этот дар. Еще в сборнике стихов трех авторов: Джикаева Шамиля, Хугаева Сергея и Камала Ходова «Утренняя звезда» проявился яркий талант молодых, начинающих поэтов, обозначились горизонты их творческого полета поэтической мысли. Но поэтический дар нашего поэта особенно примечательным стал в первом его сборнике стихов «Хлеб и соль».

О начале творческого пути Камала Ходова искренне и справедливо высказал свои мысли тогда еще и сам молодой поэт Шамиль Джикаев в журнале «Мах дуг» (1967. №6. С. 100). Про сборник своего собрата по перу и друга «Хлеб и соль» он говорит: «Не найти слово, способное дойти до души читателя – самое горькое мучение для поэта. Если люди не услышали крика его души, не увидели света его мыслей, то даром пропал его труд. А это самое горестное наказание для поэта. И никто острее поэта не почувствует это. И не испытает он радость творческого успеха, если не уверен в правде своих помыслов, в их силе, в их своевременности, если не чувствует свое собственное «Я», не различает особенностей, своего времени, где ему суждено творить. Камалу Ходову, можно с уверенностью сказать, это все свойственно. И в этом заключается его поэтический талант и постижение искусства».

Молодой критик дал всесторонний анализ тому, что поэт вынес на суд читателя. И отметил: «Сила в том, что он заставляет своим творчеством задуматься читателя над созданной картиной. И читателю в стремлении разгадать тайну увиденного, близкими становятся мысли и чувства, радости и горести поэта». «Даром ничего не дается: судьба Жертв искупительных просит», – говорил Н. Некрасов. И, в действительности, эти вопросы были и остаются главным в поэзии Камала Ходова. Они переходили из первых книг в книги, изданные им в последующие годы. Это его труд, его творение. Творение, где отражается жизнь в его художественной интерпретации.

Каждому должно быть понятно, если душе человека чуждо чувство любви, он примитивнее любого живого существа. Его помыслы тогда подчинены лишь одному – насытиться. И становится такой субъект рабом своих низменных чувств. Становится чуждым людям, начинает катиться вниз. Любить нужно, как говорил Пушкин: «...сердце вновь горит и любит – оттого, Что не любить оно не может». Таким образом, по другому складывается у того, кому близко чистое чувство любви. Он возвышен. Он красив в своем стремлении ко всему лучшему. Итальянский философ Ванини Джулио Чезаре заметил: «Я не побоялся бы поместить человека выше небес» (Рутенбург В. И. Великий итальянский атеист Ванини. М. 1959. С. 88). Человек заслуживает этого благодаря свойственному ему чувству любви.

Разумный человек самую большую ответственность чувствует перед своим Отечеством, перед своим народом, отчим домом. Ответственность исходит из любви. Не имеет границ любовь к Отечеству, силу этого чувства ничем не измерить. Прежде всего, она дает силу самому человеку, делает его бесстрашным, всемогущим. Кому, как не поэту, быть «достойным сыном Отечества». Кто, как не он, почувствует всю силу долга перед Родиной, перед народом. Камал остро воспринимает это, потому и чувствует себя в долгу перед своим народом («И пришла опять весна», «Земля моей Осетии», «Лес моего детства»...).

Человек, подобно растению, силы набирает через корни. Особенно духовные силы. А корни всегда бывают и остаются в родной земле – в отчем доме. И она, эта земля, им дает силы, которые никому не покорить.

У поэта таким животворящим уголком является родное село Старый Батако, несмотря на то, что он там провел не самые безмятежные годы своей жизни. И это не только потому, что он с самого раннего детства познал долю безотцовщины, просто это были самые тяжелые послевоенные годы для всех.

Будучи еще совсем молодым поэтом, Камал прочувствовал и тяжесть капель пота, и весомость художественного слова и непреложность долга перед Отечеством. Так же рано он осознал и ответственность перед страной и народом. А со способностью мыслить подобными категориями приходит ранняя мудрость. Потому двадцатилетний поэт говорит: «Отечество! Не завожу я речи о тебе, Не называю я тебя «Безбрежным океаном», «Огнем пылающим»... Но знай: какое бы в стихах Не определил тебе я место, Самое огромное твое место – В сердце у меня» («Отечество»).

То огромное место, которое поэт определил в сердце своем для Родины, подвигает его мысли и мечты к стремлению найти путь к сердцу каждого читателя. Потому и становится главной песней и в жизни, и в творчестве его песня о Родине, об Ирыстоне. Поэт ясно осознает, что любовь поэта к родине должна быть выше всего. Иначе нельзя достойно служить Отечеству.

Мы относимся к числу малых народов: у многомиллионных народов даже количество одних только ученых может превзойти нас по численности. Но это обстоятельство не значит, что величие народа определяется количеством населения. На всех этапах своего развития осетинский народ не опускал головы ни перед каким врагом, не прятался от него. И наша задача оставить потомкам наказ – быть начеку, извлекать уроки из истории, быть бдительными. Эти уроки мы должны были постичь из творчества наших классиков.

И в современной литературе события нашего ближайшего прошлого нашли достойное отражение. И как уже не раз отмечали, человек самоотверженно защищает то, что самозабвенно любит. Этому учить молодых – святой долг каждого. Тому много примеров и в творчестве Камала Ходова: «Заснежены высокие вершины даже летом, //но точно так же и на склонах все цветет...// Счастливым будет тот, кто за добро оплатит, //и песнь сумеет кровью написать...» («Песня об Осетии»).

Камалу Ходову понятно, песня об Отечестве и фальшь – понятия диаметрально противоположные. О Родине, о родном языке можно говорить только искренним поэтическим слогом. И именно таким нравственным состоянием определяется человеческая суть.

Французский философ Жюльен Офре де Ламетри с уверенностью говорил: «Человек создан не из какой-то более драгоценной глины, чем животные. Природа употребила одно и то же тесто, как для него, так и для других, разнообразя только дрожжи» (Ламетри Ж. Сочинения. М., 1976. С. 218). Именно эти дрожжи – то, что связывает его с Отечеством.

«Поэзия есть раздумья о судьбе народа», – говорит Шамиль Джикаев. У нашего поэта и радость и горе народа сливаются с собственной радостью и горем. Потому он часто находится в глубоких раздумьях. Поэт должен быть как летящая стрела, а для такой стрелы застенки слишком тесны. Потому Камал говорит: «Если язык твой мне станет чужим, Если из него не буду получать радость, Если гор твоих не буду любить больше всех – То земля твоя не примет меня. И не буду я ни сыном Ирыстона, ни сыном фамилии Ходовых – Я стану изгоем («Ирыстону»).

Простые, чистые, земные слова берут за душу своей правдивостью, тем, что понятны и близки каждому. Вместе с лирическим героем читатель живет одной жизнью, так же переполняется его сердце думами об Осетии.

Камал Ходов знает: свое отношение к Отечеству не выразить восклицаниями и известными афоризмами. Потому каждое слово его стиха тщательно отобрано, неоднократно взвешено, выстрадано. Только такое слово поэта доходит до читателя.

Поэзия во всех своих формах есть показатель широты души. А то, что человек говорит не от души, даже проклятия, не так воспринимаются слушателем. Может рассмешить, может задеть, но к глубоким чувствам точно не расположит.

Во многих поэтических произведениях даже известных поэтов вроде бы присутствует все: проблема, сюжет, изобразительные средства, всевозможные лирические

отступления, мудрые мысли, но они за душу не берут. Ищешь сердцем то душевное, которое хотелось услышать, но отсутствует широта души в изображенном... «Собранные в кучу образы» говорят только о самом себе и больше ни о чем.

Человек, который не обманывает народ, является поборником правды. Основой поэзии Камала Ходова является правда. Душа его дышит правдой. По-другому и нельзя. Коста Хетагуров писал Анне Цаликовой: «Из всех писателей мира, может быть, из 100000 один ухитрится не проявить в своих произведениях особенностей своей натуры».

Правда, подобно свече, светит изнутри. Без правды не бывает поэзии. Поэзия сама является правдой. Правдой, которая поет о чести, о человеке, о мужестве и которая уничтожает черные силы, коварство. Поэзия Камала является такой светоносной, уничтожающей тьму. Именно поэтому он говорит в «Монологе полуночи»: «Я с некоторыми поэтами Не спорю: Меня не трогают образы, Которые не говорят о ранах сердца».

Стихотворение написано верлибром. Эта форма искусства никогда не была чужда нашей поэзии. Она не была чужда даже нашему народному творчеству. Наши мудрые предки умело пользовались ею. И она была украшением как их языка, так и их чудесного творчества.

В 60-х годах, в осетинской профессиональной поэзии верлибр занял почетное место, но его приняли далеко не все, аргументируя свое неприятие тем, что он чужд осетинской поэзии. Такое мнение часто появлялось и в печати. Человеку свойственно ошибаться, но речь не о том. В то время в Северной Осетии больше всех увлекались верлибром Ахсар Кодзати и Камал Ходов, из-за него их творчество подвергалось критике, так как некоторым литераторам показалась эта форма не пригодной для ритмомелодики осетинской речи. Однако сегодня вполне обоснованно можно утверждать, что верлибр не чужд нашей поэзии. И этот факт подтверждается словами Юрия Кузнецова, которого называют последним классиком русской поэзии, в послесловии к книге Ахсара Кодзати «Яблоко Нартов»: «А. Кодзати в совершенстве владеет такой трудной формой поэтического мышления, как верлибр».

Эти слова с полным правом можно отнести и к Камалу Ходову. Он также умело пользуется верлибром. Но речь шла о поэзии поэта и правде жизни.

Поэт «путает» свое сердце и шар земной («О, народ»), и тогда он тяготеет к философской романтике, и произведение становится подлинно поэтическим. Показывает нам подлинную правду романтической души – правду души лирического героя.

Его сердце является частью души земного шара, и оно вернется туда, – «Выброшенный вулканом красный раскаленный камень вернется обратно в лоно земли», – но это не мешает ему думать. Потому, что его наделяет силой народ, который является самой великой силой на земном шаре.

Знает, что он мал по сравнению с народом, но вместе с тем сознает хорошо, что тот, который является представителем народа, живет его жизнью, борется, зная его счастье, тот получает силу от родимой земли: «Моя надежда – величава, подобно горам моей Осетии», – и ее нельзя унижить, победить. И это должно быть так, если за одним героем не будет следовать другой, если их успехи не будут чередоваться, тогда заглохнет нива жизни. И надо уберечь ее от этой беды.

Поэзия Камала реалистична, но он может неожиданно облечь ее в романтические одежды – «в груди моей трепещет шар земной», – но так может сказать только такой поэт, который не делит людей на худощавых и толстых, на синих и бурых, а ценит их по мужеству, и ради них готов на все. И его слово весомо. А почерк нашего поэта нельзя спутать ни с чьим. Когда утром восходит солнце, его лучи отражаются в окнах домов, а счастье улыбается ему из глаз человеческих. И он не удивляется тому, что те гении, которые боролись за счастье народа, живут в народном сердце. Приятно ему и то, что новые гении спят в колыбели.

Такова философия жизни, и с этим надо считаться. Потому поэт взывает к народу, чтобы они не разводили огонь войны, не глумились над землей, которая подарила им жизнь, не насиловали ее. Насилием является и то, когда человек, вместо того, чтобы любить ближнего, является двуличным, носит маску, прикидывается другом, а в глубине души строит козни («Два лица»). Поэт ненавидит таких людишек, потому что именно они отравляют жизнь другим.

Но поэт, все-таки, даже по доброте души иногда верит таким никчемным людям, то народу обязан говорить правду. Если этого не произойдет, то люди, как не верят двуличным, так не поверят и поэту. Не поверят его произведениям.

Искусство всесильно, оно влечет к себе человеческие умы и сердца. Но влекут нас к себе меткие, вдохновенные слова поэта. Мы не можем себя оторвать от них.

Для беззаботного человека даже скала в руке другого – всего лишь крошечный камень. И такой человек, если даже очень захочет, никогда не сможет по достоинству оценить жизнь. Но человек, который ратует за народ, всегда будет страдать от народной беды. Доказательством верности моих слов является его интересное стихотворение «Все, что падает с неба, выносит земля...». Произведение небольшое по объему, но компактное. Все в нем на месте: «В тяжелом бою погиб единственный сын матери; причитала: «Давали ему надежду: «Жестока жизнь...» Но это были надежды. Надежды, которые подают люди, не способные разделять чужое горе. Но от них в раненное сердце никогда не вселяется надежда... Мать обнадеживают, но все-таки она никогда не успокаивается.

Вот поэтому написал Кайсын Кулиев с болью в душе: «Первой пулей на войне любой Поражает сердце материнское. Кто бы ни выиграл последний бой. Но страдает сердце материнское» («Где-то стонет женщина в дали...»).

И стихотворение Камала дошло до кульминационной точки. Поэт достиг цели и его стихотворение потрясает сердце даже жестокосердного человека: «До срока пришла ее осень. //В рот не брала даже маковую росинку. //...То, что падает с неба, // Выносит земля, //Но его //не переносит //сердце!..»

Чувствительное сердце воистину не перенесет такое горе. И поэт не скажет о нем на одном дыхании. И поэтому последняя строка наполнена такой болью.

Эта исповедь поэта наводит нас на грустные размышления и приводит к философским мыслям. Там, где вечно борются правда и кривда, хорошее и плохое, свет и тьма, человек всегда должен стремиться в будущее. В более светлое будущее. Должен бороться за него. Говоря словами А. Пушкина, должен почитать красоту. Должен жертвовать своей головой так, как этого требует от него Аполлон.

Все это мы видим в поэзии Камала. Этой правдой дышат его произведения. Она им дает поэтические образы, душу и силу. Вместе с поэтом они и нас вдохновляют на жестокую битву против несправедливости жизни.

Поэтическая сила Камала в том, что он видит такие вещи, которые не замечают простые смертные. Он в обыденных вроде бы явлениях находит поэзию и в изысканном художественном виде доводит ее до своих благодарных читателей.

Трудно постигнуть магию создания поэтического образа: слово имеет много граней и читатель даже не успел подумать о значении произведения, как оно с многочисленными чувственными ассоциациями всесторонне согревает его душу.

Камал согревает сердца удивительно верной интонацией связанной с темой доверительного разговора с читателем. А говорить можно о разных вещах, но наш поэт хорошо понимает, о чем и как он должен говорить и в гражданской, и в пейзажной, и в интимной лирике.

У нашего поэта еще много в кладовых его души не до конца высказанного, не до конца воспетого. Ждут свой черед и произведения о том пути, что пришлось пройти осетинскому народу в разные исторические вехи: и черные дни под гнетом алдара, и «кнут и пряник» «пришлого сатрапа». Но поэт на то и поэт: он не должен ни при каких обстоятельствах терять веры в светлое будущее народа.

Наш юбиляр Камал Ходов является таким поэтом.

СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ. 2011. 26 ЯНВАРЯ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Г л а в а 1. Драматизм жизни в поэтической интерпретации поэта	8
Г л а в а 2. Основные мотивы лирики в художественном восприятии поэта	39
Г л а в а 3. Поэтическое искусство мастера художественного слова	97
Г л а в а 4. Проблема отражения характера и мировоззрения героев в творчестве К. Ходова	121
Заключение	153
Библиографический список использованной литературы.....	259
П р и л о ж е н и е	
Слово о Камале Ходове	164
Поэт широкого размаха крыл	193